

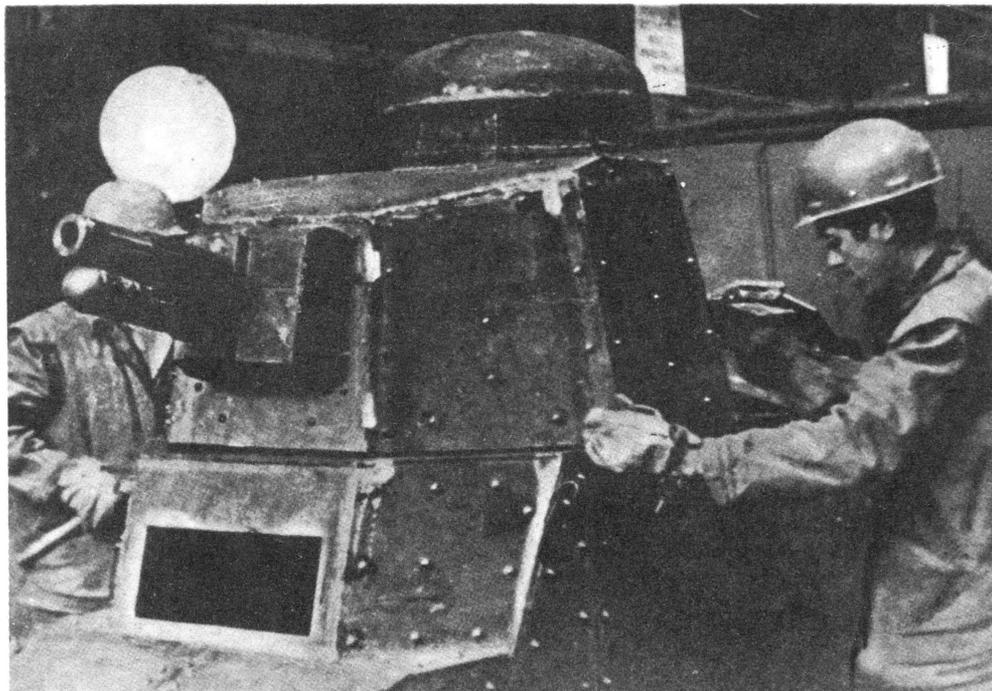

уральский

следопыт

№2****1979

ПЕРВЫЙ СОРМОВСКИЙ

На маленьком пятачке, в одном из цехов завода «Красное Сормово», идет необычная работа. Старший мастер Г. С. Морунов и бригада сборщиков В. А. Третьякова строят первый советский танк «Борец за свободу тов. Ленин». Рождается точная копия стальной машины, наводившей ужас на белогвардейцев во времена штурма Перекопа. Изготовить макет первого сормовского танка — задача не из легких. Точных чертежей

машины не осталось, — только снимки, рисунки, несколько чудом сохранившихся калек более чем полувековой давности. Заводские конструкторы продумали и рассчитали заново каждую деталь машины.

В мирном огне сварки сегодняшнего «Красного Сормова» воскресает первый советский танк — он встанет навечно у северной проходной завода.

Е. НАЗАРОВ

Оформление С. МАЛЫШЕВА

в номере:

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР СВЕРДЛОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ю. Тешкин ИНДИВИДУАЛЬНАЯ БЕСЕДА. Рассказ	2
А. Лысяков СУВОРОВЦЫ	14
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	15
А. Инчин ПАРТИЗАНСКИЕ БЫВАЛЬЩИНЫ	18
С. Бусыгин НА ПУЛЬСЕ РЕВОЛЮЦИИ	21
А. Меркушев, С. Тарханова, В. Сляднева, Б. Рябухин ТОЛЬКО К ЖИВОМУ... Стихи	22
Е. Шиховцева ПОСЛЕ БЛОКАДЫ	24
А. Королев МОТОГОНКИ ПО ВЕРТИКАЛЬНОЙ СТЕНЕ. Рассказ	28
В. Королев ПОЛИТКОМИССАР УСИЕВИЧ	32
В. Мезенцев ВСЕЛЕННАЯ РАЗУМА	34
А. Домнин ФАРЛИ ИЩЕТ РУДУ	39
Е. Гуляковский СЕЗОН ТУМАНОВ. Повесть	40
Ю. Немиров ИГНАТОВО ЗНАМЯ	60
В. Яковлев ОЛЕНИН-ВОЛГАРЬ	62
В. Борисов ЛАБОРАНТ	64
А. Илларионов ШАГИ ПО СИБИРИ	66
А. Печерский ВЗДОХИ ОЗЕРА	69
А. Аханов ВСТРЕЧА С МОРСКИМ ДРАКОНОМ	70
А. Матвеев ЯЗЫК ЗЕМЛИ. Продолжение	71
И. Тарабукин В СРЕДЕ СРЕДЫ... Ироническая экология	75
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь),

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219,
Свердловск, ГПС-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 31/X 1978 г.
НС 11294
Подписано к печати 13/XII 1978 г.
Бумага 84×108¹/₁₆.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 11,4
Тираж 247 000.
Заказ 571.
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
В. СТАРЦЕВА

© «Уральский следопыт», 1979 г.

№2 * 1979

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ БЕСЕДА

Юрий
ТЕШКИН

Рисунки
Н. Мооса

Рассказ

— Усова ко мне,— крикнул воспитатель, выглянув в коридор.

Зашел подросток, остриженный наголо. Глядел в пол, руки сцепил за спиной. Брюки, ковбойка, тапочки — форма, которую носят в дет-приемнике. Все выцвело или застирано до неопределенного цвета. По календарному плану сегодня у воспитателя индивидуальная беседа с Усовым.

— Садись,— сказал воспитатель, продолжая листать дело.— Драка, привод в милицию, бросил школу... Четыре ухода из дома, кража...

Заявление матери, гражданки Усовой... Ну-с,— поднял глаза воспитатель.— Что скажешь, Коля Усов?

Коля молчал.

— Как же мы дошли до жизни такой?

— ...

— Начнем тогда с самого начала. Так... Вот табель, четвертый класс. Ведь неплохо учился, а? По географии вообще одни пятерки. Любил, что ли, географию?.. Любил, наверное. Ну, пойдем дальше...

Колька Усов, хоть и неподходящая была минута, вспомнил учителя географии. Ему бы придумать, что отвечать, что обещать, чтобы выбраться поскорее отсюда, а он учителя географии вспомнил. Какое это было, оказывается, время хорошее для Кольки! Просто не верится ему сейчас— что все это было. Наверное, потому и стало оно так легко вспоминаться в этом здании со шведскими стенками вместо решеток на окнах, с бесцветными рыбными котлетами на завтрак. Разматывается, словно скатившийся с колен, клубок ниток...

— Спилим столб,— говорит он.

— Лучше раскачаем и вытащим,— отвечает его друг Олег.— Пусть в лодке лежит на носу, не помешает.

— А, может, лучше цепь—ножовкой? Так пираты делали.

— Пираты, пираты. Вон какая толстая, да и где ножовку взять?

— Верно,— вздыхает Колька,— а все же лучше бы ножовкой.

Лодка была, разумеется, чужая, просто именно ее они выбрали. Во-первых, далеко от города, во-вторых, небольшая. Всего семь шагов в длину. Легко можно столкнуть в воду. Проверив ее раз в неделю, обычно в субботу после уроков, они уже привычно называли ее— наша лодка.

Когда вычерпывали банкой воду, корма поднялась и стала покачиваться на волнах. День был серый, ноябрьский, даже пятна нефти на воде не казались, как обычно, яркими. Но ребятам хорошо было сидеть рядышком на сиденье, примериваться, как будут грести. Потом измерили одну треть от носа лодки и определили

место для мачты под парус. Чертеж у них был— из «Юного техника». И только когда совсем стемнело, отправились домой, обсуждая предстоящее путешествие.

Большая тайна делала их в классе замкнутыми и чуть снисходительными, хотя учились они средне. Кроме географии, конечно. На обложках книг и тетрадей неслись сквозь бурю и штормы фрегаты и бригантины, клипера и барки, яхты и вельботы, всплывали подводные «Наутилусы», сверкали во мраке ночи спасательные маяки и, раскинув крылья, летели по небу альбатросы.

По вечерам готовили уроки у Олега. История, русский язык, арифметика— все кое-как, лишь бы. Но когда добирались до географии, оживали скучные схемы путешествий Беринга, Седова, Литке, Амундсена... Сурово и таинственно звучали на картах названия: Маточкин Шар, Канин Нос, Галапагосские острова. Одно название что стоит— Га-ла-па-гос-ские! Не переставая дули над их головами прекрасные ветры— пассаты и муссоны, скрипела бизань-мачта, и на полубаке били склянки. И тогда, обнявшись и раскачиваясь, они напевали вполголоса:

По морям и океанам

Злая нас ведет судьба, ха-ха!

Аж мороз по коже от этой песни.

Морских книг было три. «Моби-Дик», «Шелухов на Кадьяке» и совсем древняя, с меловой ломающейся бумагой, с водяными знаками, купленная в складчину у букиниста,— «Цари морей». Из книг был составлен словарь морских терминов и выучен наизусть. Была придумана игра.

— Найди-ка мне,— говорил один другому,— Берег Принцессы Марты.— И друг целый день, все перемены и на уроках, положив географический атлас на колени, искал этот берег. Но уж когда находил, то в свою очередь загадывал какой-нибудь вулкан. С простеньким названием Саутерн-Туле.

...Щеголь-географ, старичок с аккуратной бородкой, всегда в начищенных до блеска ботинках детского размера, глядит в окно. Его излюбленная поза: тупой конец указки— в спину, острый— в стену. Он покачивается на пятках, сохраняя долго в такой позе равновесие. Шестой урок, за окном сумерки. В классе тишина. Уютно. Географ, продолжая глядеть в сумерки, говорит оскорбленно:

— Усов, покажи нам озеро Ньяса, а то Зуев его уже в Антарктиде ищет.

Он даже не смотрит, как Колька идет между партами, подметая пол широченными клешами, как берет указку у облегченного вздыхающего Зуева, как с ходу кидает ее, вроде шлаг в хорошо освоенной позиции, в юго-восточную Африку, в голубую завитушку— прямо в озеро Ньяса.

— Постой,— говорит географ,— подожди.

Юрий Александрович Тешкин родился в 1939 году в г. Ярославле. Жизнь его складывалась так, что пришлось поработать грузчиком и канавщиком, кочегаром и заготовителем ламинариевых водорослей, инструктором альпинизма и воспитателем в детприемнике, побывать в экспедициях в Уссурийском крае, Якутии, Казахстане, Заполярье, на Тянь-Шане и Урале. Сейчас он — инженер-геолог. Печататься начал в 1975 году. В нашем журнале выступает впервые.

Колька ждет, ведь географ их обычно с Олегом не вызывает. Иногда только. Подсказать или поправить какого-нибудь Зуева. Но случаются вечера, когда сумерки затягиваются, когда учитель глядит оскорбленно в окно, когда не хочет он видеть Зуевых, не знающих даже, где находится озеро Ньяса. А, может, иногда ему бывало такими вечерами просто жаль самого себя—географа, который может любоваться всемирно известным озером Ньяса лишь на школьной карте. И, помолчав, он говорит, что-бы утешиться как-то:

— Расскажи-ка нам, Усов, о русских мореходах второй половины девятнадцатого века. Урок-то знаешь?—быстрый взгляд на Кольку через плечо: довольно расплывающаяся Колькина физиономия.—Ну-ну. Так, значит, о мореходах...

— Смотри-ка,—сказал воспитатель,—грамота за третье место в шлюпочных соревнованиях... Клуб юных моряков при Дворце пионеров.

А в одно прекрасное утро прибегает друг Олег и сообщает, что при Дворце пионеров открывается клуб юных моряков под названием не то «Полный вперед!», не то «Право руля!». А главное—записывают с двенадцати лет. И уже записался рыжий Прытков из пятого «Г», которому кораблики в луже еще пускать, который не знает семафора и уж, конечно, не знает, что такое «идти в бейдвинд». Еле дождались пятницы.

Занятия по пятницам проводил настоящий моряк, отслуживший срочную службу, но еще не расставшийся ни с кителем, ни с тельняшкой, ни с усами. Алексей Иванович. Ходили через весь город, стали учиться без двоек. Надо. Алексей Иванович встречал, поглаживая усы, словами: «А ну, покажи дневник, братишка!» Теперь на уроках можно тихонько ручкой по парте: точка, тире, точка... А друг записывает, расшифровывает и, ни слова не говоря, подает тебе ластик! Правда, минут пять передаешь, да минут пять надо расшифровывать, но все равно—здорово! Ведь никто в классе так не может. О лодке, которую хотели украсть, не вспоминали. Зачем? Была теперь своя. И какая! Скребли без устали старую краску, шпаклевали, конопатили, смолили, красили снова. Два раза. Краска пахла карамелью. Зашивали тяжелую, твердую парусину. И день настал.

Было теплое весеннее утро. И хотя кое-где под высоким берегом еще лежал серый, ноздреватый, обсосанный, как леденец, снег, в весенних лужах уже плавали оранжевые апельсиновые корки и отражалось высокое небо, разрисованное самолетами...

«Мы же плывем!»—вдруг дошло до него

по-настоящему. Сначала даже испугало: как, действительно плывем?! Не во сне, как до сих пор, наяву. А потом... Все в нем, в Кольке Усове, пело, ликовало, кричало: «Плывем, плывем! Как здорово!»

Вода совсем рядом, можно снять руку с теплого борта и потрогать ее. Вода совсем другая—не такая, как с берега. Глубокая, сильная. Прошлепал колесами старый пароход-тихоход «Бабушкин». На нем играла радиола, вешала на корме белая женщина. Под музыку шла к ним волна, чуть наискосок. Подняла нос шлюпки, прокатилась под днищем, подняла высоко корму с рулевым Усовым и ушла к берегу, прогнав с черной мазутной гальки мальчишек, которые молча завидовали им.

Колька стал считать. Так и есть! И это обрадовало его: девятый вал оказался самым высоким, поднял корму высоко-высоко, а потом пошли волны поменьше. Темно-серый парус с аккуратными заплатами поймал, наконец, ветер, упруго прогнулся, заскрипел мачтой и, завалив чуть набок, потянул шлюпку к острову. Зашуршало под днищем. Их обгоняли катера и легкие яхты. Но это ничего не значит. У них ведь настоящая морская шлюпка! Они готовы боготворить своего Алексея Ивановича, защищать его ото всех: от родителей, учителей, от девушек. Только бы приходил каждую пятницу (а он уже пропустил две подряд). И если б лобел, как сам говорил,—а то ведь они его видели, когда возвращались после долгого ожидания перед замком на дверях,—ехал с какой-то толстухой на спортивном велосипеде.

— Фью-ю-ю!—присвистнул воспитатель.—В мореходку, значит, не прошел,—перевернул еще страницу.—Ну да, пониженное цветоощущение.

Пониженное цветоощущение. Это приговор. И надо расстаться с мечтой стать капитаном дальнего плавания, которая уже и не мечта, а что-то больше. Ведь в то, что ты станешь капитаном дальнего плавания, верят все в классе. И она. (Она—это Ольга из третьего подъезда, при встрече с которой обмирает сердце.) И Колька замкнулся, вернувшись с медкомиссии, стал сторониться даже лучшего друга, у которого цветоощущение—норма. Друг утешал как мог, предлагал стать судомехаником. Для них, мол, цветоощущение не важно. Но когда тебе тринадцать лет, надо все или ничего. И он полюбил прогулки в дождливые вечера. Сидел в пустой беседке, слушал ночные гудки пароходов. Даже маршрут составил для этих прогулок: по набережной до Арсенальной башни, потом посидит в беседке над Красным спуском и возвращается через Стрелку и Театральную площадь.

На лето его обычно отправляли к бабушке на Украину. На этот раз расставался с городом без сожаления. Даже был рад, все надоело. Все те же лица в классе, все те же цветочки-горшочки на окнах, даже география была в этом году скучной — экономической. И невыносимы были взгляды родителей, которые стал вдруг замечать в последнее время. Мать приглядывалась как-то жалко, напряженно, вот-вот, казалось, спросит: «Да что с тобой, Коленка?» И тогда готов был в ответ закричать: «Да какое вам дело!»

Что с ним? Да ничего! Ну, цветоощущение понижено. Ну, в мореходку не приняли. Да что ж на мореходке свет клином сошелся, что ли? Ну, с Ольгой (той, что из третьего подъезда, при встрече обмирает сердце) сидели в парке на лавочке. Как-то получилось, в первый раз вот так — вдвоем. Сидели и сидели, ведь сидят же другие. Он положил руку на спинку лавочки, не касаясь ее волос. Так близко они были в первый раз! Она не могла почувствовать этого, но, обхватив вдруг себя руками за плечи, словно ей холодно, вся подалась вперед, стала разглядывать лакированную туфлю. Ставила ее то на одно, то на другое ребро. Когда проходили мимо люди, выпрямлялась и опять его рука не касалась ее волос. Вдруг, словно бы спохватившись, она щелкала дорогой взрослой сумочкой, рылась в ней и опять закрывала. А люди шли мимо и болтали всякие глупости:

— Я за всю жизнь только с одним столкнулась, так с меня половины не стало. Была пятьдесят четыре кило, а стала сорок восемь...

Некрасиво морщились у женщины чулки на коленях.

Прошла иностранка в длинном до пят бархатном платье черного цвета, скрывающем золотые туфли. Сбоку был глубокий разрез — при каждом шаге открывалась почти до пояса неестественно белая нога. За ней шел парень с транзистором, проходя, подмигнул Кольке. Как после всего этого дотронуться до легких, как пух, волос и тем более до острого, под зеленой кофтой, плеча, которое так близко от его вспотевшей ладони. Колька убрал руку, почувствовав себя обворованным так же, как тогда, когда они ждали своего моряка, Алексея Ивановича, а он не пришел, и они, возвращаясь, увидели его на спортивном велосипеде с толстухой...

Ну, в общем, как-то все одно к одному собралось этой весной, навалилось, устал от всего почти по-взрослому. Поехал к бабушке на Украину с радостью. Наверное, поэтому и запомнилось лето и все, что этим летом было.

...По дороге потемнела, осела пыль, прибита ночной росой. Тонет в ней босая нога. Тепло и мягко. В тени забора полумрак, прохлада. За

редким забором — тыном — в зеленой траве холодная, сладкая груша, блестящая от росы. Ползет к ней рогатый жук, поднимается на задние лапы. Не спеша, босиком по траве ходит грузный мужчина в майке, глубоко дышит утренним воздухом и поглаживает лысину. Приятно в такое свежее утро ходить босиком по прохладной траве с неприкрытой головой. Совсем близко от Кольки за забором возится с самоваром женщина. Она зеваает, появляются сразу два подбородка, и, прикрыв рукой глаза, выгоняет пустую слезу. Увидев так близко Кольку, поджала губы, от чего щеки ее чуть раздулись — получилось, что будто она играет на трубе.

А на реке еще свежо, туман, зеркальная тишина над водой и лодки в тумане с застывшими фигурками рыбаков.

Бульк! Так громко. Покачался и замер поплавок. Какая ясная голова сейчас. Ему кажется, что в такое утро он обязательно что-то важное решит для себя. Но что? Может, как жить дальше? После того, что произошло. Или, может быть, еще что-то более важное. Но он не спешит. Время есть. Через час, не раньше, солнце тронет, чуть-чуть позолотит готические башни польского костела, будет медленно спускаться по зеленым садам и паркам сюда, вниз к реке. Погонит босоногая девчонка гусей, появятся дачники с простынками. Станет пригревать спину через рубаху. Тогда можно будет искупаться и отправиться вверх по реке, по мокрым лугам, по потемневшим твердым жердочкам в стоячей воде, мимо разгуливающих в зеленой траве черных ворон и, наконец, попасть в сосновый бор, где остатки древнего городища Богдана Хмельницкого. Здесь сильные, прямые и высокие сосны. Стоят свободно, не теснясь, и много теплого ветра, похожего на морской прибой.

Вот он сидит, привалившись расслабленно к шершавому стволу, покусывает травинку. Пахнет горячей смолой. Сквозь прищуренные глаза, сквозь неуловимую солнечную паутину видит опять на свежезеленом древнем валу девчонку в синем спортивном костюме с цветами и книгой под мышкой. И вдруг — забыть все умные мысли, а вспомнить... такую далекую Ольгу. Или... другое вспомнить, а вспомнив, опять пережить (и опять до жара в лице), как однажды в электричке его руки, лежащей на скамейке, коснулось невзначай женское колено. Гладкая теплая кожа. Заныло сладко в груди, он закрыл глаза. А когда решил оглянуться, ее уже не было. Где-то шла в толпе по перрону. Может, вот эта, может, — та. Все они теперь ему кажутся таинственными и прекрасными...

В полдень он спасался от жары в комнате с закрытыми ставнями, на глиняном полу. На холодном полу лежали длинные узкие листья очерета — оски. Полумрак рассекали проникшие сквозь ставни лучи солнца, в них обыкновенная

пыль превращалась во что-то яркое. В углу на чистом рядне — покрывале — лежали яблоки. А сразу за ставнями была такая жара, что переставали ругаться на время соседи и глохли куры, разбросав крылья, валились под забор.

Когда он просыпался, жара уже отступала. Он не сразу включался после сна: пил квас, сидел на крыльце в приятном оцепении. Не спеша рождалась и крепла первая после сна мысль. Он как бы трогал ее со всех сторон, соглашался или нет. Опять же, не спеша, солидно, как-то не по детски, с достоинством. Потянувшись всем телом, медленно надевал ботинки на огрубевшие за лето ноги. Вразвалочку шел через парк без какой-то определенной цели. Парк перегрет — без запахов, без птиц. Из погребков уже веет вечерней прохладой, запахом пива и влажных опилок. Незаметно он как-то оказывается на вокзале и рассматривает отъезжающих-приезжающих... Потом сразу, без сумерек, наступает южная ночь. С треском цикад в темноте, напоминающим удаляющийся колокольчик, с нежнейшим запахом цветов, с какой-то неверной истомой во всем теле. В аллеях парка нетвердые тени, там смех, шепот... Оркестр умолк, и слышен лай собак за рекой. И вот, наконец-то. Опять заиграл то же самое. Что и вчера, и позавчера... Вот такое странное лето — смесь грусти и тревоги, и... нежности, которой переполнен Колька.

Оркестр играет всегда одно и то же и всегда в том же порядке. Сразу после этой музыки, сразу после этого будет вульгарный, как тот ухмыляющийся тип за иностранкой, фокстротик. И Колька почти бегом покидает парк.

Он стоит возле дома той девчонки в синем спортивном костюме, что иногда проходит мимо с цветами и книгой. Он все еще слышит ту музыку — смесь грусти и тревоги, и огромной нежности, в которой можно утонуть, если не поделиться с кем-то. Она спит. В ее окне нет света. Как хорошо бы вот так простоять до утра, зная, что она спит, а ты стоишь. И вдруг он обмирает при мысли, что она как-нибудь может догадаться, что он стоит здесь и думает о ней. Вот кто-то вышел, зажегся шар-плафон и осветил просторную террасу, листву, деревянное резное крыльцо, двухцветный флаг справа...

— В тысяча девятьсот семьдесят первом году переехали в Заполярное, учился в сорок второй средней школе. Значит, здесь уже три года, — и воспитатель записал несколько слов в тетрадочку, что лежала справа.

Рыбалка здесь другая. На удочку ловят лишь в августе «царскую рыбку» — форель. А так не мелочатся — все больше сетью, неводом.

Вначале тайга не понравилась. Казалась холодной, сырой, темноватой и вязкой. Зайдешь, —

казалось, назад не воротиться. Среди острых камней, сползающих с сопок, едва прикрытых мягким мхом, таились ловушки. Он проваливался, разбивая коленки. В глухих распадах рождались непонятные звуки, и все замирало тогда в нем.

А на тропе нашел два-три перышка — все, что осталось от глухаря. Колька шел и оглядывался. Но когда он выбрался, наконец, на хребет, где гулял ветер, и увидел крутые сопки-волны, что вздымались, катились до самого горизонта, дух захватило у него от солнца, ветра, зеленой бескрайности. Ему показалось, что он опять плывет на шлюпке.

Он забрался на вышку и внизу, далеко у озера, разглядел дымок небольшого костра. Там сохли сети, прилепился к вековой ели шалаш...

Привязанность к тайге была не похожа на его любовь к морю. И все же это новое, уже взрослое чувство к тайге питалось через маленький, почти незаметный ручеек той далекой, смешной и солнечной его любви к морю, которого он в своей жизни ни разу не видел.

Народ здесь был пестрый: охотники, лесники, рыбаки, туристы, рыбнадзор, реже — браконьеры. Народ бывалый, а иногда — отпетый. А Колька оказался понятлив, схватывал науку на лету. Это нравилось, он легко приживался везде.

- Колька! Костер!
- Айн момент!
- Колька, коры на шалаш организуй!
- Топор давай!
- Колька, а ну к столу — уха стынет!
- А где моя большая ложка?..

Учился он теперь еле-еле. Коловороты, жаканы, японская леска, сеть-паутинка и особые серебристые блесны на щуку. Все это обнаруживалось время от времени и с руганью выбрасывалось матерью на помойку. Взрослые Колькины друзья не нравились родителям. А браконьеры (это слово произносилось тише, чем остальные) даже пугали их. Но их родительское чувство было как бы теоретическим. А практически — отец, которого перевели сюда с крупным повышением, пропадал на металлургическом комбинате день и ночь, чтобы оправдать это повышение. И только грозился, что как-нибудь доберется до Кольки, задаст ему. Мать ругала на всех перекрестках школу, Кольку, бродяг, сманивших его в тайгу. Но ругала потому, что так принято было ругать в данном случае всех подряд — и не больше. На самом же деле еще два года тому назад, отправляя сына к бабушке, она впервые заметила в нем — в его глазах, в выражении губ, в скособочившемся, готовом заранее к сопротивлению плече — нечто чужое и непреклонное. Преодолеть это она не могла, может быть, не умела. И еще тогда в ней

поселилось чувство безвозвратности, словно бы она отправляла сына не на лето, а на гораздо больший срок...

— А вот и первая кража! — почти с удовольствием отметил воспитатель и стал делать из листа бумаги закладку, чтобы выделить эту страницу...

На озере Пагель Колька наткнулся на случайную компанию подвыпивших рыбаков: они выбрались на выходной в тайгу. Колька пристал к ним, освоился. Глядь — уже и тут «свой человек».

- Пацан во-о! Что надо.
- Правильно, что ему в городе с бабами сидеть.
- Перед ухой положено.
- По рюмочке.
- С устатку.
- Молодец, ай да Колька!
- Мужик!
- Рыбак!
- Какой рыбак без сетки?!
- А вот туристы в протоке сетку бросили. Снимай — и будешь с сеткой.

— Слабо!
— Сам ты — слабо!
— А я говорю — слабо!
— Была бы охота.
— Нет, правда, валяй, Колька, чего там. Они все отправились водопад фотографировать на память. Не страшно.

— А я и не боюсь, чего бояться-то.
— Ну, вот и правильно, малый! Нечего им здесь нашу рыбу ловить.

И вот он плывет, подгоняемый десятком глаз, на плотике к поплавкам чужой сетки. По озеру. Открыт со всех сторон. Солнце, тишина. Ни к чему такой день. Он выбирает чужую сетку. Скорей, скорей! Не зацепилась бы! А руки трясутся, а сердце чуть не выскочит! Вдруг голоса. Тревога. Вернулись? Скорей назад, скорей, скорей! Спасательный берег. Петлять, уходить с мокрой ношей на спине, как зверь по сухостою...

- Ну, пацан, дает! А ты говорил...
- Ого! Капроновая. Продай!
- На, выкуси!

Сам не ожидал, что вырвется такое. А сразу стало легче, словно подрос Колька на пять сантиметров. Одобрительно хохочет случайная компания подвыпивших рыбаков.

- Ты бы рассказал мне, Коля, про тайгу. Какая она?
- ...
- Ну, а у геологов что делаешь? Вот мать в

заявлении пишет: второе лето к ним сбегашь, школу бросил.

Колька втянул голову в плечи и, как показалось воспитателю, одновременно и уменьшился, и колючки выпустил.

Однажды в непогоду он забрел к геологам. Обсушился, обогрелся. А наутро ему не захотелось уходить. Остался еще на день-другой. Да так и прижился. То по хозяйству поможет, то рыбки на уху принесет. Здесь тоже были и сети, и ружья, и даже пятизарядный карабин. Были и собаки, и лодки — все, во что он был влюблен. Но были еще и книги. И Колька, словно спохватившись, запоем стал читать.

Еще была у геологов топографическая карта, на которой Колька вскорости к собственному своему удивлению уже узнавал знакомые реки и озера, и перевалы, по которым износил не одну пару обуви, на которых мерз, голодал, де-

лил ночлег у костра со случайными попутчиками. Мог бы теперь при случае провести по карте куда угодно не хуже проводника. Но геологи и сами хорошо читали карту.

До этого у Кольки было твердое убеждение, что образованные люди гвоздя самостоятельно забить не могут. Он презирал их за это. У самого отец-мать такие, чуть что — сразу к Степичеву, слесарю, чтобы им кран завернул или звонок исправил. И еще спорят при этом тихонько на кухне, сколько дать — рубль или трешку. А тут сам начальник отряда Сергей Анатольевич и лошадь, если надо, поджует, и плот свяжет, и жакан на зверя выльет не хуже фабричного. А в свое дежурство щи и кашу варит, трубочку покуривает да специально для Кольки походные песни распевает, а тот их, не будь дурак, в тетрадочку записывает.

Жилось ему у геологов как-то легко, будто давно они друг друга знали. А с начальником вообще установились какие-то странные и приятные для Кольки отношения. Начальник вставал раньше всех и будил Кольку, вытаскивал в любую погоду из мешка, заставлял зарядку делать. Колька и за раскладушку цеплялся, и хныкал, и ругался — начальник был неумолим. Иногда Колька пробовал с вечера спрятаться куда-нибудь. Ничего не помогало. Начальник все равно находил его: видно, скучно ему было в такую рань одному. В конце концов, перебрался Колька жить к начальнику в палатку. После зарядки бежали купаться на озеро. День начинался хорошо.

Однажды заночевал в отряде канавщик, за продуктами в отряд наведывался. Мужик сухопарый, жилистый, с ленивыми движениями и такой же речью, но по всему видать — сильный. Свечи все вышли, рано поужинали да и в мешки забрались. Стали рассказывать истории. Дошла очередь до канавщика, и стал он рассказывать медленно и лениво, как и все, что делал на белом свете, все понукивая себя, словно боялся, что ненароком уснет на полуслове. Рас-

сказывал о том, как мыли они лет пять тому назад золото на Безымянном ручье, тогда оно еще там было.

— Ну, жили в избушке. Жили и жили. Ну, как раз над самым прииском. Ну, мыли и мыли. И шло, ну, золотишко, ну, так себе. Ни шатко, ни валко. Так? Так. А в конце лета солдат к нам заявился. Солдат, ну, как солдат. Возьми да возьми его в бригаду. Здоровый малый. Известно, после армии. Пропьются, ну, потом на чернушке сидят. Охота, ну, и приодеться, и то, и се. Поставил, как водится, да-а. Это, ну, чин-чинарем, а как же! Выпили. Выпили, ну, конечно, заспорили. Так? Так. Кто, значит, с одного удара кувалдой валун, ну, разобьет. Мы дверь этим валуном все лето подпирали, когда, ну, куда уходили. Взял солдат кувалду. А мы расступились. Да ка-ак ударит! Валун разлетелся на десять частей. А там, ну, этот... самородок, во-о,— канавщик присветил окурком свой кулачище, показалось маловато, добавил второй такой же.— Во-о-о!.. Схватил самородок солдат—и на прииск, и был, ну, сам таков. Вот, значит, какая история с арифметикой была на Безымянном. Там еще было тогда, ну, это... золотишко, э-эх...

— Что ж, бывает,—согласились все с канавщиком и стали спать, ведь он последним уже рассказывал.

Рано утром начальник вышел из палатки и увидел Кольку на сопке. Тот ходил по крупной осыпи, глядел себе под ноги, иногда брал глыбу под силу и с размаху бросал вниз. Если удавалось разбить, садился на корточки и рассматривал внимательно обломки. Начальнику стало весело.

— Да кто ж в этой породе, Колька, золото ищет! — крикнул он.— Это ж габбро.

— А блестит!

— Не все, что блестит, золото. Запомни, брат, эту истину.

— А в какой же породе искать-то его, научи. Научишь?

Кое-что попроще, конечно, Сергей Анатольевич рассказал Кольке о Земле, о минералах, что-то рассказали другие геологи. Все думали, послушает, послушает Колька—да и на рыбалку, как обычно, соберется. На рыбалку он, действительно, собрался, пропадал день-другой. А пришел, рыбу—поварихе, а сам, как есть во всем мокром, подсел уже к кому-то, начал камушки из кармана доставать.

— Это что черное блестит?

— Биотит,— отвечают ему.

— А это, тоже биотит?

— Нет, это, Колька, роговая обманка. Видишь, штриховка косая и твердость уже не та.

— А почему?

— Температура образования тысяча двести градусов.

— Врешь!

— Ну, что ты в самом деле пристал. Иди, иди,—гонят его.

И идет он, ошеломленный температурой в тысячу двести градусов. Шепчет: «Надо же—тысяча двести!» Глядь, уже к другому подсел.

— Слышь, а, слышь, правда, что эта... как его, со штриховкой—вот, роговая обманка, да? Ну, вот она при тысяча двести образуется?

— Правда, правда.

— Ага! А как думаешь, такая температура каким светом светится?

— Как каким? Да никаким.

— Да ты что?! Тысяча же двести градусов! Свечка вон при трехсот как горит.

— Колька, не ме-ша-ай!

Походит, походит—к третьему уже подсел:

— А почему?..

Посмотрел, посмотрел на него начальник, покусал карандашик и подозвал.

— Ты, брат Колька, не обижайся—у нас запарка, сам видишь. Сегодня навалились, хотим карту кончить, чтобы на другую площадь без хвостов выходить. А ты вот что, почитай-ка пока вот эту книжечку,—и дал он Кольке книжку под названием «Общая геология».— Может, что интересного для себя и вычитаешь...

Поднатаскался Колька за сезон. Уже с прибором умеет обращаться, в маршрут берут его охотно. Не заскучаешь с ним. Биотит от роговой обманки хорошо отличает. Главные породы знает, в карте разбирается. Молоток у него настоящий—геологический. Лупу начальник подарил. Носит ее Колька, как заправский геолог, в нагрудном кармане энцефалитки, на веревочке. Когда камералют (разломы на карте вытягивают или породы раскрашивают), Колька тут же вертится. Молчит, глаз не оторвет, иногда лишь, руки засунув под мышки, в восхищении потянет сквозь зубы воздух: «О-о-о...» Гонят его—огрызается. На студентов, конечно, огрызается: «Салаги, биотит от роговой обманки отличить не могут, а туда же!» На что начальник грозно кричит: «Колька!»

К концу сезона у него накопилась собственная коллекция минералов—целый пробный мешочек. В основном—это рудные минералы, к ним у Кольки слабость (из-за блеска, наверное): халькопирит, пирит, борнит, марказит... После ужина любит он очистить местечко на столе, вывалит свое сокровище и рассматривает через лупу. Что-то бормочет. Некоторые образцы, по красивее, он всерьез считает драгоценными камнями, тут его не переубедишь. Он заворачивает их в оберточную бумагу и держит отдельно. Каждый вечер пересчитывает—не пропали? А начальник, Сергей Анатольевич, то на Кольку поглядывает, то на студентов своих, практикантов. Студенты маршруты нанесли на карту, этикетки к образцам прилепили—теперь в карты режутся на щелчки.

— Все люди, как люди! — сказал воспитатель. — Ты бы, Коля, хотя бы восьмой класс закончил. Как люди. А уж потом...

Начальник, Сергей Анатольевич, как узнал, что он в этом году восьмой класс не кончил, выгнал из лагеря.

— И чтобы не приходил, — крикнул в сердцах вдогонку, — пока справку не принесешь!

Но куда Колька пойдет? До города шестьдесят километров, реки разлились, сапоги худые, в животе пусто. Ночевал два дня за ручьем в старом сене вместе с одичавшим за зиму котом. А на третью ночь начальник передал через повариху:

— Черт с ним, пусть в лагерь приходит, а то... — хотел было сказать про Колькино большое ухо, да сказал другое, — а то кот ему все уши обгрызет.

— Ох, и попадет мне, Колька, от твоих родителей! Ну, что мне с тобой делать? — встретил такими словами. Посмотрел, посмотрел и, махнув рукой, отвернулся. — Вон в углу твой прошлогодний спальник. Ешь да стелись. Завтра на выброску. Чтоб харч зря не переводил.

А Колька и рад-радешенек. Пронесло до осени. До осени еще долго! Красота! Есть у Кольки на примете два озера. Одно озеро, если в солнечный день глядеть с хребта, синее-синее. А другое — медно-красное. А озера-то рядышком лежат. В чем тут дело? Разобраться бы. Время есть до осени.

К концу месяца Сергей Анатольевич ушел в город закрывать наряды. Когда через три дня возвращался в отряд, еле добрался. Началось такое дружное таяние снегов в горах, что вечерашние ручьи, которые три дня тому назад он перепрыгивал без разбега, превратились в реки.

Лагерь, как он и предполагал, оказался затопленным. Плавали в сумерках, подернутых редким туманцем, ящики, бумага, наполовину затопленное ведро. На сопке — дымок. Туда, сняв две палатки, перебрался отряд. Но подниматься начальнику вверх так не хотелось! Все же устал он, добираясь сюда по большой воде. Он крикнул зачем-то:

— Эй, есть здесь кто-нибудь живой!

— Ага! — вдруг радостно ответила одна из палаток и, откинув мокрый полог, выглянул Колька. — Ты чего так долго не приходил, я жду, жду... — с обидой заговорил он, откашливаясь, отплевываясь, наверное, целый день ему не с кем было поговорить.

— Да я шел, Колька, шел, — улыбаясь, начальник проходил в палатку, — и вот... пришел.

Так с улыбкой и повалился на раскладушку. Колька радостно суетился вокруг, снимал с него рюкзак, стаскивал резиновые сапоги. Отвернул спальник, достал сухие носки и с гордостью про-

тянул начальнику. Тот засопел: «Ну, чего ты». Но, нагнувшись, стал надевать на ноги, посиневшие от трехдневной мокрой резины. А Колька подбросил в печку дровишек — и вот уже затрещало, загудело, и, не смотря на то, что на полу стояла вода местами на четверть, тепло и уютно показалось начальнику в палатке. Его охватило блаженное чувство: он дома, его ждали, ему здесь рады. Колька достал свечу и, посмеиваясь, говорил:

— Не зажигал, тебя ждал. Чего так долго?!

— А я вот, — сказал начальник в пространство. — Разлилось ведь все кругом.

— Знаю.

— Чего же ты со всеми не ушел? — тоже посмеиваясь, говорил начальник.

— Чего, чего! Ничего!

Начальник дотянулся до рюкзака, отстегнул клапан, достал письмо.

— Дождался?! — вскрикнул Колька, приподнимаясь в мешке на локоть.

— Да нет. Это тебе.

— Врешь!

— Тебе, тебе. Держи.

Колька взял, повертел.

— О-о-о! От Олега, от дружка. Помнишь, рассказывал? Где взял?

— Матушку видел твою в городе.

— Ну?

— Вот тебе и ну! Ругается. Но письмишко тебе передала. Читай, читай, я пока банки открою.

Колька, прежде чем читать, скрутил ловко самокрутку, смочил языком, по привычке сплюнул и закурил...

...Потом свеча прогорела, они лежат в темноте, тихо журчит под раскладушкой вода. Начальник говорит:

— Вот, хотел тебя оформить на работу. Чтобы все было законно. Кадровик заартачился — года не хватает. Вот бюрократ!

— Может, на следующий год? — с надеждой спрашивает Колька.

— На следующий, на следующий! За год много воды утечет. Школу-то бросил? Бросил. Из дому ушел?

— Ушел, — соглашается Колька, залезая поглубже в спальник, а сам думает: «А-а! До осени еще далеко, до осени еще все рассосется, может быть...»

Так и думалось ему, что до осени еще далеко, а она — тут как тут. Вспыхнула последний раз тайга всеми мыслимыми красками и приосмирела. Посветлела, неторопливость появилась в ней, достоинство. Хрустит под сапогом подмороженными за ночь травами, тускло сверкнет ледком на протоке. Другие к осени в город из тайги рвутся, так им все тут за полгода осточертеет — мошка, рюкзак, резиновые сапоги и каша без конца. В городе паровое отопление, ас-

фальт, девушки, а главное — письма до востребования. А Кольку в городе одни неприятности ждут, он туда не рвется. Мать постаралась, и в детской комнате милиции он зарегистрирован как бродяга. Чего ему в город рваться?! Начальник тоже как будто туда не спешит. Вначале письма ждал — то вспыльчив был, то — задумчив, а к осени успокоился вместе с природой. Студентов по домам отпустил. Теперь ушел канавщиков снимать. Колька в избушке один...

Жутковато Кольке одному, да еще этот одичавший кот (забытый в прошлом году лесорубами) кричит дико на чердаке. Кажется, что кто-то ходит вокруг избушки в темноте. Надо идти с чайником к озеру за водой. Хорошо, что начальник не взял с собой ружье, есть еще четыре патрона. Колька позвал в темноту: «Кис-кис». Но кот сразу затаился.

Сырые дрова долго не разгорались, шипели, трещали. Но тяга была отменная, и вот в трубе уже завывало, загудело, дрова вспыхнули, стали стрелять, так что, казалось, вот-вот плита развалится.

Колька подтянул поближе к плите раскладушку, открыл дверцу, стал греться, поворачиваясь к огню то левой, то правой стороной, блаженно зажмурил глаза. Протянул было к огню ноги, но сразу же поджал обратно — горячо. Зашумел чайник, от белья шел пар, нагревалась избушка. Колька закурил, вздохнул шумно, отгнул спальник и достал книгу: «Растения — индикаторы полезных ископаемых». И стал сравнивать то, что принес он из тайги сегодня, с теми, что нарисованы в книге. Сходства было мало-

вато. Может, к осени цветы увяли и сильно изменили свой обычный вид? Он не стал их выбрасывать, вложил между страницами и снова спрятал книгу в спальник. Чайник еще не закипел, и Колька достал, опять же из спальника, но уже из другого угла, второй том «Записок Пиквикского клуба» и сразу стал простуженно хохотать над каждой страницей, кашлять. Он вертел от удовольствия головой, а в самых интересных местах втягивал сквозь зубы с восхищением воздух, отчего получалось: «С-с-с...» — быстро почесывал под мышками, приговаривая: «Вот, собака!» Вдруг отложил Диккенса, достал опять книгу о растениях, поднес поближе к огню, принялся рассматривать: «Вроде и те, а вроде и не те. А вдруг все же те — вот ведь обрадуется начальник!»

А чайник между тем закипел. Колька встал на раскладушке, дотянулся до полки, взял пачку чая, стал заваривать. За окном шумела ночная тайга, озеро расходилось вовсю. светилась пена

прибоя. Озеро выплескивалось и било, било о камни сразу за избушкой.

Колька пил крепкий, несладкий чай, глядел с удовольствием на солидную горку заготовленных дров — хватит на случай непогоды. Трудно было поверить, что где-то в городе есть ванна и чистая простыня, есть мать, которая говорит отчужденно: «Ну что ты нашел у этих геологов? Вся жизнь у них на колесах». «На колесах!» — поддакивает отец и трясет головой...

Колька стал думать, что заварка и курево у него есть, на утро осталась целая куропатка, а днем он сходит, глянет — не попались ли налимы в сетку. Через два дня вернется начальник, и они будут выходить в город. Потом он стал просто глядеть на прогоревшие уже дрова, на пепел, на осыпающиеся угли. Возникали и тут же исчезали какие-то замки, острова, целые города даже. Закаты-рассветы, которых он не видел никогда, какие-то сказочные южные страны, где он не бывал никогда. То грустно ему становилось, то совсем хорошо — как два года тому назад, когда играл вечерний оркестр. Колька стал напевать:

Где солнце Мексики пылает, как опал,

Где в людях страсть пылает,

как огонь в камине,

Я никогда еще в тех странах не бывал...

Колька уже видел у геологов опал, опал пылать не может — мутноват, но все равно приятно было петь эту глупую песню, приятно было вспомнить, какие глупые песни нравились ему всего два года тому назад. От тепла, от выпитого чая его дыхание стало ровным и глубоким, глаза слипались, он хотел еще что-то вспомнить, но тут же уснул. Когда ночью в печке прогорело и он замерз, полез, не раскрывая глаз, в темноте и тишине в мешок и теперь уже по-настоящему уснул до утра...

Успели выйти до первого снега.

— Сначала включим обе плитки, — начальник подошел к термометру на стене с отставшими старыми обоями, — минус пять.

— Да, колотун у тебя порядочный, — согласился Колька, — как в коридоре, — он подышал перед собой. — Хо-хо-хо... — пошел пар, — скоро снесут ваш барак?

— Да все обещают да обещают, — начальник задернул желтую пыльную штору на небольшом с фанерной форточкой окне, застелил стол газетой и огляделся. В комнате не стало уютнее.

— Давай, Колька, хозяйничай. Тушенку вскрывай, лук пожарь, — он сбросил ватник и остался в свитере и шерстяной шапке. Присел на раскладушку, стал просматривать почту. Старые газеты, журналы отбрасывал на раскладушку, а рядом на большой рюкзак положил письмо и открытку. Глянул на Кольку.

— Дожились, за все месяцы — одно письмо... Делай кофе черный на двоих.

— Идет, — сказал Колька. — Значит, забыли. А куда ты шкаф дел? В том году еще здесь стоял.

— Выбросил, Колька. Зачем эта рухлядь? В дверь постучали.

— Не открывай! — прошептал Колька.

— Да ты что, ты что? Это же кто-то из соседей. Давай! — крикнул начальник.

Дверь приоткрылась, неуверенно заглянул мужчина лет пятидесяти с небритой физиономией.

— С приездом!

— А-а, Митрофанович, заходи!

Митрофанович откашлялся и просунулся в комнатку побольше, уставился на Кольку.

— Да заходи, заходи. Снимай, Колька, тушенку, сгорит ведь!

Колька снял, стал резать хлеб, собирать на стол. Сполоснул кружки.

— Ну, по сколько? — повернулся начальник к Митрофановичу и встряхнул четвертинкой спирта.

— Да, господи, — умиленно простонал Митрофанович, проглотил слюну и развел руками.

— Ясно, — весело сказал начальник, — тогда все зараз.

— Правильно, — быстро согласился сосед, — да меня и Шура ждет. Она у меня не любит это, я ведь на минутку. Мы ждем, ждем, каждый день ждем, а тут слышу — вернулся, наконец. Дай, думаю...

Кольке же от трех кружек кофе захотелось спать. Он залез в спальник на раскладушке и под разговоры уснул.

Утром Сергей Анатольевич сказал:

— Ну, брат, надо как-то жить начинать, а? — посмотрел на Кольку и снял с вешалки теплый свитер. — Держи, и брюки — тоже. Ничего, ничего, заправишь в сапоги — и сойдет до магазина. Или вот что, давай-ка вот ботинки теплые надевай, мне они малы, а тебе сейчас в самый раз.

— Но...

— Никаких но! После бани, после парикмахерской пойдем шапку купим, а то прямо дикобраз ты какой-то. Да и мне не мешает, — начальник почесал бороду. — Венчик, что ли, у Митрофановича попросить.

Они вышли из темного барака на крыльцо, на солнечный свет, на первый зимний снег. А когда их глаза смогли что-то разглядеть, они увидели, как из остановавшейся против барака машины вышли два милиционера в новенькой зимней форме и направились прямо к ним.

— Вот и все, — прошептал Колька, а начальник вздохнул...

А потом начальник писал характеристику на Кольку на десяти страницах. И о том, что Колька трудолюбивый, и о том, что понимает тайгу,

и хороший товарищ, и т. д. Писал и о том, что знает Кольку третий год и просит оставить его с ним. А он, Сергей Анатольевич Курчаткин, обязуется глядеть за ним в оба и обещает, что Коля Усов кончит восемь классов, а впоследствии и геологический техникум.

— Да-а,— сказал воспитатель детприемника, прочитав характеристику.— Ты бы рассказал, Коля, про своих друзей, про тайгу. Я ведь по-настоящему-то в ней и не был. Так, иногда под выходной выберусь на Пагель, на мормышку подергать.

— Знаю,— Колька вытащил руку, на которой сидел до сих пор, и махнул ею пренебрежительно.— На Пагеле тоже можно, но не интересно, рыбаков из города всегда понаедет...

— А там, в Хибинах, что — интереснее? Отряд ведь там стоял?

— Да.

— Ну, вот и расскажи мне про отряд, про тайгу. Какая она?

Колька вздохнул, опять засунул руку под себя, поерзал, но все же стал рассказывать. Об отряде, о тайге, о начальнике. Он чувствовал, что дело это бесполезное. Разве можно вот так сразу взять и рассказать. Он что-то говорил и о моряке, руководителе кружка при Дворце пионеров, и об учителе географии, об Олеге говорил. В общем обо всем, что вспомнилось в это утро. Но уже вяло, без интереса, перескакивая с пятого на десятое, и, наконец, совсем умолк с глубоким вздохом.

Какое-то время они сидели и молчали, прислушиваясь к шуму и хохоту, доносившемуся из класса.

— Ну, что ж, Усов,— сказал воспитатель,— иди. Пришли мне Гиусову.

— А что сейчас в классе?

— В классе? Лекция. Работник горбольницы проводит. Алкоголь и курение — яд для детского организма. Интересно? Ну, иди, иди. Гиусову не забудь прислать.

Когда Колька ушел, воспитатель поднялся, прошелся по комнате, снова сел за стол.

— М-да,— одной рукой отодвинул папку скоросшивателя, в которой уместилась вся жизнь Николая Усова, другой — потер переносицу. На минуту закрыл глаза. И вдруг увидел много живых людей. Кто-то из них был похож на старичка — учителя географии, кто-то на руководителя кружка «Полный вперед!», кто-то на Колькиных родителей... Были здесь и другие люди: хорошие и не очень, равнодушные и те, что писали (сквозь пальцы он видел последнюю страницу дела) характеристику, и фразу начальника: «...прошу оставить Николая Усова со мной, а я обязуюсь...»

— Ну, кто ж его тебе отдаст, дорогой Сер-

гей Анатольевич,— усмехнулся воспитатель,— при живом-то отце с матерью.

Но это «обязуюсь» как-то выделилось, затвердело, связалось с наступающим утром и не то, чтобы задело воспитателя, а словно бы сдвинуло с места всех этих людей из скоросшивателя за тридцать две копейки, из Колькиного вымученного рассказа, включило их в какую-то сложную, единую эстафету. И себя вдруг увидел воспитатель среди них — где-то там, поближе к последнему этапу эстафеты. Только не палочку они передают друг другу — живого человека. С большим ухом, одного зуба нет, под носом потемнело — пробиваются уже усы, — а шея еще тонкая, детская, торчит из разошнотенного воротника ковбойки.

Воспитатель почти схватил с полки журнал «Причины безнадзорности». Раскрыл. Несколько раз энергично провел кулаком по сгибу. Против фамилии Усова стал медленно, нажимая на перо, писать: «Мальчик подвижен, любознателен, много читает, в основном про путешествия. Бросил школу. Замечен в кражах. Четыре раза сбегал из дома в тайгу, хотя условия дома нормальные. Причин для ухода нет. Родители боятся, что он дойдет до преступления, и просят принять меры...»

Причин для ухода нет? И за сына ли боятся родители?.. Воспитатель хотел было развить эту мысль, но вспомнил, что Усов просил что-нибудь почитать о йогах, и решил, не откладывая, сегодня же зайти в городскую библиотеку. «Да есть ли там что-нибудь о йогах?» — подумал он.

Стройные ряды, четкий шаг. На площади — воспитанники Свердловского суворовского училища, отметившего свое 35-летие.

Красив парадный строй суворовцев!.. Но парады с музыкой бывают не часто. Гораздо чаще в коридорах училища звенят звонки — идет обычная школьная учеба. Будущий кадровый военный должен знать и литературу, и астрономию... О физике и математике и говорить нечего! И это хорошо понимают подростки в нарядной строевой форме.

Фото
А. Лыскова

СУВОРОВЦЫ

● В 1919 году П. П. Бажов приехал в Сибирь. Учительствовал, был организатором партизанского движения в районе, комиссаром отряда, сражавшегося против колчаковских войск. Позднее, в одной из своих автобиографических повестей он рассказал о себе и об этом периоде жизни в образе учителя Кирибаева.

В селе Северном Новосибирской области несколько поколений школьников собирают материал о Бажове. В школе создан музей уральского сказителя.

● Более тысячи научных трудов в стране и за рубежом опубликовано выпускниками яльчикской средней школы. Вся Чувашия до революции не имела того, что дала одна маленькая школа. Яльчикская сельская школа отмечает нынче свой сто первый учебный год. В школьном музее представлены материалы о выпускниках за сто лет.

● «Рядом с отцами» — так называется книга о юных героях, партизанах, разведчиках, сынах полка, воевавших на белорусской земле. Ее подготовили бойцы батальона белорусских орлят — бывшие школьники, сражавшиеся с врагом в партизанских отрядах и регулярных войсках, и сотрудники пионерской республиканской газеты «Зорька».

● Куйбышевский областной Дом культуры учащихся

профессионально-технических училищ открыл в одном из своих залов музей истории профтехобразования. В нем представлены материалы о школах ФЗУ первых лет Советской власти, довоенных пятилеток, военные реликвии, орудия труда, продукция, модели и макеты, изготовленные в кружках технического творчества. Музею присвоено звание народного.

● По следам отряда «красных финнов», освобождавших зимой 1921 года Советскую Карелию от белых интервентов, каждый год отправляются следопыты. Не одно поколение молодежи прошло по «лыжне Антикайнена». Нынче эстафету приняли учащиеся 5 «б» класса кегостровской школы — их отряд борется за право носить имя финского комиссара Тойво Антикайнена.

● О судьбах писателей и поэтов, проживавших в Царском — Детском Селе, рассказывают стенды литературного музея им. Вс. Рождественского в школе № 408 города Пушкина. Музей располагает редкими документами, немалым количеством подлинников.

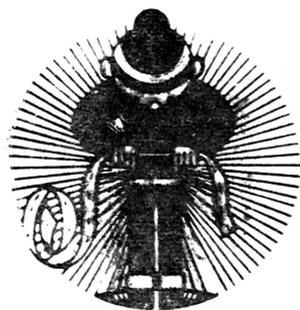
● Экспедиция «К тайнам природы» закончена в победовской школе Новаваршавского района (Омское Прииртышье). Учащиеся дали полную характеристику климата, почвы, растительности своего района.

● Отечественная война 1812 года закончилась приходом в Париж русских войск. В честь этого события в 1814 году в России была выпущена серебряная медаль. Одна из таких медалей долгое время хранилась в музее школы-интерната города Короча Белгородской области. Недавно редчайший экспонат передан в Белгородский областной краеведческий музей.

● Об истории Новосибирского речного порта рассказывает новый музей, размещившийся в портовом клубе «Маяк».

● Симферополь, школа № 34. Пятьсот экспонатов собрано учащимися — они посвящены жизни и деятельности видного деятеля венгерского и международного рабочего движения Бела Куна. В 1920 году он был членом Реввоенсовета Южного фронта Красной Армии.

● Новые документы дополнили музей Максима Горького школы № 11 подмосковного города Одинцово. Это редкие фотографии и воспоминания о писателе старожилы деревни Горьки, где в 30-е годы жил Алексей Максимович Горький. К этому периоду относятся завершение работы над эпопеей «Жизнь Клима Самгина», работа над пьесой «Егор Булычов и другие».

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

● Первые палатки, первые насыпи, первые рельсы... История поселка Звездный, который рос вместе с Байкало-Амурской магистралью, представлена в музее поселковой школы.

● Выгравированный на большом листе латуни портрет В. И. Ленина был подарен советскими солдатами жителям западнобелорусской деревни Галево — Борису Онуфриевичу и Марии Ярославне Полещукам. Во время оккупации портрет сохранили в тайнике — под зерном в овине. Дети Полещуков передали недавно семейную реликвию в Пинский краеведческий музей.

● Знаменосцу первой нижегородской маевки Петру Заломову посвящен музей, который создали школьники Сормовского района Горького.

● Уже после войны следопыты разыскали место гибели командира авиазвена гвардии капитана Михаила Лобанова. Он погиб, вступив в бой с двенадцатью фашистскими стервятниками. На торжественной линейке следопытам нурменской средней школы (Ленинградская область) вручен портрет летчика-героя. Его передал в дар школьному музею боевой славы народный художник РСФСР, лауреат Государственной премии А. Н. Яр-Кравченко.

● Трудовую летопись комсомольцев объединения «Ленинградский Металлический завод» пишут учащиеся 175-й школы Калининского района Ленинграда. В школе подготовлена художественно-документальная композиция об истории ЛМЗ.

★ Пионерское знамя ★

Поиск — это всегда трудно. Но и интересно! Разве не интересно открыть прототипа «маленькой докторши» из симоновских «Живых и мертвых», познакомиться с ее однополчанами?

Для ребят из аткарской школы-интерната (Саратовская область) 350-я стрелковая дивизия — родная. Она была сформирована на приволжской земле, в ее полках служило много аткарчан. В сорок первом, когда дивизия уходила на фронт, школьники подарили воинам свое знамя. Это знамя прошло через бои под Моск-

вой, оно было с солдатами при форсировании Днепра, Вислы, Одера, его целовали освобожденные жители польских городов, развевалось оно над танками, вошедшими в Прагу...

После войны пробитое пулями и осколками снарядов пионерское знамя дивизия сдала на вечное хранение в Центральный музей Советской Армии.

А в Москве изготовили дубликат знамени. В торжественной обстановке его вручили учащимся аткарской школы-интерната.

★ Кто помог Славеку Хорди? ★

Письмо пришло от гражданина Германской Демократической Республики Славека Хорди. Старший инспектор Старосамборского райотдела внутренних дел Т. С. Яськович вызвал следопытов:

— Помогайте, ребята. Слаvek Хорди ищет свою мать. В войну их вывезли с нашей земли на принудительные работы в Германию и разлучили. Мальчик вырос на чужбине, стал гражданином ГДР. А мать вернулась на родину — она где-то здесь, на нашей львовской земле...

Несколько лет вели поиск старосамборские следопыты. И нашли Елену Гордий — жительницу села Прибужье Николаевской области.

Сын ее, Слава Гордий, после войны воспитывался в одном из детских интернатов ГДР, учился, стал штурманом дальнего плавания. Готовясь к поездке в СССР, он выучил русский язык.

★ Мятежный профессор ★

«В начале биографии» — так называется рубрика в студенческой многотиражке Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта. В одном из номеров газета рассказала о Николае Аполлоновиче Белелюбском, выдающемся русском ученом, инженере путей сообщения.

...1901 год. Более двухсот студентов за революционную деятельность отданы в солдаты. На демонстрациях протеста перед Казанским собором казаки избивают студентов нагайками. Солидный человек, одетый в форму с железнодорожными петлицами, прорывается к полицмейстеру: это — профессор Института путей сообщения Белелюбский. Он требует немедленно прекратить избивание студентов...

Его имя широко известно в ученом мире. Он — автор семидесяти научных работ по вопросам мостостроения и строительной механики; по его проектам построено двадцать километров больших мостов. В Германии Н. А. Белелюбский получил звание почетного доктора инженерных наук, в Англии — избран почетным членом Бетонного института, во Франции — почетным членом общества инженеров.

А в России его высылают вон из Петербурга — за резкое выступление против произвола царского правительства...

Октябрьскую революцию профессор встретил восторженно. В последние годы жизни инженер и ученый Н. А. Белелюбский активно служит делу молодой республики Советов.

★ Экспонат с разъезда Диковка ★

Ребята 60-й московской школы организовали поход по местам боев 68-й Краснознаменной ордена Суворова механизированной бригады.

На разъезде Диковка Кировоградской области следопыты подобрали головешку — то, что осталось от сгоревшего погребца. А в погребке фашисты живыми сожгли наших раненых бойцов, облив их бензином...

Скорбный экспонат находится в школьном музее — как частица войны, как напоминание об огромном числе погибших.

ПАРТИЗАНСКИЕ БЫВАЛЬЩИНЫ

**Александр
ИНЧИН**

Рисунки
С. Сухова

*Рассказы эти слышала сам
у партизанского костра.
Сколько их было,
таких вечеров,
за время знаменитого Степного рейда
по 14 областям Украины
Хинкельского кавалерийского
партизанского отряда
в составе соединения
под командованием
Героя Советского Союза
генерала М. И. Наумова...
Молодые мы были.
Хотелось победить.
И жить хотелось.
И память о тех грозных днях
пустой оставлять не хотелось.
Вот и складывались бывальщины —
жанр особый, партизанский.
И живы в сердце до сих пор!
Значит, право имеют
быть услышанными.*

АВТОР

Камешек в сапоге

Николай Коршок это рассказывал, разведчик. Помню, приказали взорвать большущий железнодорожный мост под Сумами. До крайности в нем нуждались гитлеровцы: шли составы с горючим, подвозились бомбы, живая сила перебрасывалась, потому как под Харьковом разгорались большие сражения. Берегли фрицы мост пуше глаза. Доты понастроили, колючкой подходы опутали. Дрезины с патрульными пустили. Ну и саперы с миноискателями лазили, побаивались нас... Как тут подступить? Думать-то страшно. А надо! Залегли мы недалеко, наблюдаем: охота знать, сколько часовых выставляют — днем, ночью... Как меняют? Какое, опять же, вооружение в дотах? Одним словом, устанавливаем систему охраны и обороны объекта, как сказано начальством. Понаблюдали, подумали. Выход один — снять бесшумно часового, выгадать три-четыре минуты, чтобы заблокировать дот, успеть заложить взрывчатку, пока не откроют огонь.

Полезли я и еще трое ребят. Двигаемся медленно, почти не дышим. Стало жарко, пот залил глаза. Крутизна! Все равно, что на стенку лезешь... Вот осталось до часового метров пятнадцать. Как раз, чтобы точно попасть в него ножом. Эту науку мы еще в Хинельском лесу постигли. Пригодилась, выручила она и на этот раз.

Приловчился я, руку отвел для взмаха, жду, когда ракету на той стороне пустят. Когда падать будет, тогда и бей!

Вот зашипела ракета, засветила, как днем. Мы плотнее прижались к земле, вернее сказать, к щебенке. Не отрываясь, я метнул нож... Часовой даже и не вскрикнул. Я с гранатой к дому бросился, а напарники мои с толом — на мост. У каждого за плечами полный вещевой мешок пуда по два с лишним... Стали заряд пристраивать. Засекли-таки с того берега, огонь открыли. Я в «свой» дот

противотанковую гранату ахнул, а остальные ребята огнем наш отход стали прикрывать.

Так тут громыхнуло, что меня приподняло взрывной волной, да метров на десять швырнуло. В небо взметнулся огненный столб, а мост переломился пополам и рухнул в воду...

Пару минут и работали, зато дело сделали трудное и вышли из него без потерь. Помню, бегу к своим и прихрамываю... «Ранен?» — спрашивают. Я присел на пенек, сапог снимаю. И достаю камешек щебеночный. Попал в суматохе под ступню.

— Улыбаешься чего? — не понимаю меня.

— Так что же, скажете, приятнее, — переспрашиваю, — камешек из сапога или осколок из ноги вынимать?

...Еще подумал: мост этот был тоже как бы камешком под ступней нашей армии. И мы его — вынули...

Про Илюшку-дровокола

Ну да об Илюшке Астахове можно рассказывать много. Шел ему тринадцатый год, когда родное село Барановку захватили фашисты. Староста появился. Но однажды ночью все парни, которых фрицы записали в полицию, ушли к партизанам, прихватив лучших колхозных коней. Разъярились фашисты и в отместку выпоролы жителей села. Установили виселицу на площади, чтобы наказать семью перебежчиков. Однако не успели. Ночью из Хинельского леса тайно приехал партизан Роман Астахов. Вместе с младшим братом Илюшкой подпилит виселицу, да и был таков!

Районный комендант ошалел от ярости, когда доложили ему о дерзких партизанах. Он приказал спалить хаты.

Запылали дома, подожженные факельщиками из «фойер-команды».

...Когда занялась изба Астаховых, Илюшка выскочил на улицу. Сразу увидел пулеметы, повернутые к людям. Это было так страшно, что парнишка побежал в поле. По нему стреляли. Да, видать, родился Илюшка в сорочке — везло ему. Он догадался упасть. Оглянулся, нет ли погони, и увидел над собой вооруженных людей. От ужаса съезжился, приготовился к смерти.

— А ну, поднимись! — услышал он.

Подчинился... Поднял глаза: партизаны!

— Дяденьки, скорей! — вытирая слезы, заторопился мальчик. — Там немец всех постреляет. Идите за мной, я знаю, где у него пулеметы.

И побежал впереди всех. Очень торопился, понимал: на секунды идет счет жизни для тех, кто стоит под пулеметами.

И успели с выручкой — разогнали карателей...

Стал и Илюшка партизаном. Отряд стоял в Хинельском лесу у лесокмбината. Илюша быстро привык к партизанским порядкам. Дрова колот, печки в домах топил. Потом помощников дали — четверых мадьярских солдат. Те сами сдались в плен, не захотели воевать с русскими... Ими-то и командовал теперь Илюша. Часто выпрашивался на боевые операции. Но старший брат был строг: «Ты, говорит, комендант поселка и должен охранять его, когда нас нет дома».

...Однажды под вечер, когда партизаны ушли на дело, Илюша заметил незнакомую женщину. Она ходила туда-сюда, зыркала по окнам. Не понравилась она Илюшке. Задержать-то незнакомку задержал, а что спросить и сказать — не знает. Тут, к счастью, вышел во двор один из мадьяр, показывает пальцем на постороннюю, спрашивает: «Хто есть матка?», то есть, что это за женщина, чего ей здесь надобно? Поманил в дом. А там еще трое мадьяр, все в военной форме. Женщина-то возьми и прими их за настоящих гитлеровцев. Открылась им: подослана, дескать, полицией узнать, много ли партизан в поселке?

Мадьяры что-то долго говорили между собой, потом отправили прихожанку к тем, кто заслал ее в поселок. Написали записку: «Все в порядке, спешите в поселок сделать засаду против партизан. Мы вас встретим на подходе».

Илюшка тем часом вскочил на свою коняку и — на заставу, в Хинель. Вернулся с группой партизан. Сами устроили ловушку, в которую и угодили полицай, обманутые мадьярами.

Утром вернулся Ромка из дальней разведки, узнал про шпионку и хитрость брата. Снял с груди комсомольский значок с буквами «КИМ» — Коммунистический Интернационал Молодежи.

— На, герой, — говорит, — носи, как награду. Заслужил.

Есть идея...

В старину говаривали: «Богатый — хитер на деньги, голь — на выдумку...» Присловье и к партизану вполне подходящее. Чего только хлопцы не выдумывали! Откуда что и бралось?!

Началось с того, что молодежь решила... спортом заниматься! Да, да, вы не ослышались. Спор-том... Это в войну-то, когда не знаешь, будешь ли жив через час!

Влетает однажды в штабной шалаш Любаша, секретарь комсомольский. Ну, ворвалась, а там начальник штаба лейтенант Иволгин занимается, готовит маршруты для разведчиков. Ей, видите ли, вдруг понадобилось провести соревнование между взводами. И уже сторонники себе подговорила — Илюшку Астахова, Миколу Коршка, Васю Вертюченко. И программу выставила! Тут и бег по труднопроходимой дороге при полной боевой выкладке, и скрытый подход к хорошо охраняемому объекту, и даже снятие часового. Люба глядит на лейтенанта, а в глазах так и скачут веселые чертики. «Что, мол, товарищ лейтенант, и тебе задачку загадали?..»

Тот и говорит: «Вы бы еще футбольную команду открыли. Чего вам стоит? Бассейны для плавания, мячики, скакалочки, дед Гусаков в трусиках наперегонки со старухой бегают. А фрицы им под хвост из автоматов подсыпают. Для резвости...»

— Люди добрые! — всплеснула руками Люба. — Предлагается-то... сочетание приятного с полезным.

— Мне, — не уступает Иволгин, — нет охоты в детсады играть. По-вашему, начальнику штаба отряда только и дела, что выдумывать, в какую бы игру партизанам сыграть?

Тут и подоспели «люди добрые». Тут как тут в штабном шалаше оказался и Илюша Астахов. Протянул в сторону Иволгина руку с вызывающе торчащим большим пальцем, многозначительно произнес: «Во!»

— Что «во»? — переспросил лейтенант.
 — На большой получилась волейбол.
 — Какой волейбол? Где?
 — Столбы, площадка на поляне и... плетень.

Иволгин недоумоменно поднимает глаза на Любу.

— Вы же знаете, товарищ лейтенант, мяч мы достали, когда ходили в разведку в курские степи. А сетки волейбольной нет. И придумали вместо сетки из тонкой лозы сплести что-то вроде плетня и натянуть между столбами.

— Ну и как?

— Лучше и не бывает, — выступил из-за спины Илюшки Микола Коршок. — Играй, не хочу!

Вошел комиссар отряда Иван Евграфович Анисименко. Похоже, он уже был в курсе дела. Люба и ее друзья заранее заручились его поддержкой. Послушал он перепалку и говорит Иволгину:

— Уважь ты их, лейтенант, пусть молодежь развлекается. Война — войной, а спорт тоже нужен...

И пошла карусель. Кто через окоп учебный прыгает, кто через специальный забор лезет. Гранаты в сосны летят — без запалов, конечно. Мы еще и не догадывались, что наша молодежь заложила, по существу, зачатки будущей партизанской академии, что Илюша станет смекалистым разведчиком, смелым и находчивым, а Коршок вырастет до политрука взвода автоматчиков. А увлечение спортом однажды очень помогло провести разведку немецкого гарнизона с последующим разгромом.

...Иволгин приказал Калганову и братьям Астаховым пойти в разведку. Те и так, и эдак, а все не могут дать точных сведений о гарнизоне. Одним только наблюдением не много узнаешь, ясное дело. Надо было во что бы то ни стало побывать в самом местечке, досконально выяснить, где расположены огневые точки, как оборудованы узлы сопротивления, как охраняются казармы, штабы и склады.

Как быть? Думали, думали, да так ничего и не придумали. Помог Илюшка Астахов.

— У меня, — говорит, — идея в голове завелась.

Сказал, поглядел на свои огромные кирзовые сапоги, вконец разбитые и уже давно негодные. Подвинулся к Калганову.

— У тебя, дядя Коля, в сумке все есть, я знаю. И шило, и мыло, и нитка с иглой... Сшей мне из холявок футбольный мяч. Только быстрее!

Сшили. Набили мяч носками и портянками, а Калганов еще и сорочку старую закинул в него.

— Сойдет, — отвечает Илюшка. — Чем хуже, тем — лучше!

После этого на улицах местечка и появился босоногий сорванец с мячом невиданной формы, из швов которого вылезали дрянные портянки и мотались носки. Солдаты хватались за бока и безудержно хохотали, награждая отчаянного форварда одобрительными хлопками в ладоши. А тот колотил по своему мячу ногами или, подбро-

сив вверх, бодал его головой. Тучи пыли неслись за Илюшей. Он долго забавлял солдат, побывал на главных улицах, досконально высмотрел, что было нужно, и огородами, как захотел, благополучно выбрался из местечка. Ну, а гарнизон тот, я уже говорил, после этого мы разнесли в пух и в прах, гитлеровцев отбросили от леса. Крупный был счет... Очень много — в нашу, партизанскую пользу!

Вот так пушка!

Всякие в партизанской жизни случались происшествия. Про иные — не верят: «Вот, мол, погибает мил человек!..»

...Петька считался бывалым партизаном: участвовал и в боях, и в засадах. Стрелял из карабина, пистолета, даже из немецкого автомата «шмайссера» очередь выпускал. Только из противотанкового ружья ни разу пальнуть не удавалось.

С радостью согласился пойти на операцию вторым номером и как раз бронебойного ружья. Из него и по танку и по самолету стрелять можно. Обязанность не очень сложная: патроны к ружью таскать. патронов, правда, маловато осталось — всего с десяток. Зато каждый патрон с тяжелой пулей длиной в карандаш!

Идет Петька с партизанами, думает, как бы у бронебойщика Мингалева выпросить хотя бы пару выстрелов, если придется пустить в ход бронебойку. Но Мингалев приберегал боеприпасы.

Партизанам стало известно, что в село Слобода-Прудская нагрянут гитлеровцы за продуктами.

Засады расположили хитро: одну на окраине села возле сарая, вторую — за рекой, где к берегу прижались несколько построек.

Петька с бронебойщиком Мингалевым ушел туда, за реку, прикрыть отряд, чтобы гитлеровцы не обошли, когда начнется бой.

Солнце стояло уже высоко, когда послышался скрип многих полозьев.

— Внимание, приготовиться! — шепотом передали команду по цепи партизан. Дали сигнал и за реку. Петька первым заметил тот сигнал...

Не доезжая деревни, обоз остановился. Одна группа немцев отделилась от колонны и выдвинулась на восток, ближе к реке. При этой группе — пушка. Ее развернули фрицы в сторону второй нашей засады, где был и Петька, и давай палить беглым огнем по постройкам. Это у них в обычае: если проческа в лесу, так крошат перед собой

изо всех стволов. Если наступают на село, так бьют по каждому сараю... И в тот раз так же было. Только мы за-таились и не подавали никаких признаков, хотя руки чесались рубануть по тем фрицам в ответ.

Мингалев охнул, схватился за бок. Через пальцы рук кровь сочится — ранили человека. И ведь стрельнуть нельзя, вот в чем заковыка... Ну, двое партизан оттащили бронбойщика в укрытие за сарай. А гитлеровцы палят и палят из пушки. Ранены еще несколько ребят. Мы молчим, не отзываемся на огонь. Понимаем, гитлеровцы ведут разведку боем. Они боятся напороться на партизанскую засаду.

А основная часть обоза тем временем двинулась в сторону деревни. Вторая пушка у фрицев тянется на двух лошадях в хвосте обоза. Идут они уже без опаски, решили, что село чистое. Нам этого и надо было. Только фрицы поравнялись с сараем, где залегли основные силы отряда, наши открыли в упор уничтожающий огонь. Сначала немцы растерялись, потом догадались залечь и стали огрызаться. Налетели мы на обоз, отбили пушку, что была в хвосте обоза. Но первая, на высотке, очень мешала...

— Подавить орудие! — приказал взводный командир.

Петька решил, что приказ относится к нему, бронбойщику. Но удержать тяжелое противотанковое ружье ему не под силу. «Что же делать?» — раздумывал мальчишка. Так мечтал стрельнуть хотя бы разок из бронбойки, а когда настала необходимость, он не может даже выполнить приказа командира...

Невдалеке опять разорвался снаряд. Осколком пробило дно железной бочки, которая валялась возле сарая.

— Вот оно! — обрадовался Петька. — Как раз то, что мне надо.

Быстро перебежал к бочке, вставил в пробоину ствол и с упора навел ружье на вражескую пушку. Затаил дыхание, нажал на спусковой крючок. Грянул выстрел. Петька отлетел от бочки — его отбросило толчком ружья. Даже крепкому мужчине ощутительна бывает отдача ПТР, а тут мальчишка... Но Петька снова приложился к ружью. Снона раздался оглушительный гром... Фашистские пушки растерялись.

А наши воспользовались минутой, бросились в атаку и штурмом захватили высоту. В плен попал и артиллерийский офицер. После боя его допрашивали в штабе. Он, говорят, спросил нашего командира, что за орудие у партизан было за рекой, с таким громом трахнуло по высотке?

Тут, возле штаба, вертелся и Петька. Его позвали в штабную хату, передали вопрос офицера. Ответ, мол, фрицу, он старый вояка, а не встречал еще такого чуда, какое ты сотворил.

Петька посмотрел на офицера, ухмыльнулся.

— Секретное оружие. Нет у вас такого... Бочкопушка — вот как называется!

НА ПУЛЬСЕ РЕВОЛЮЦИИ

Эти неброские по виду и небольшие по формату книжечки, изданные в первые годы Советской власти, доносят до нас пульс самой революции.

В предисловии к «Популярному политсловарю», вышедшему в 1922 году, так говорилось о его назначении:

«Революция, опрокидывая и разрушая в своем быстром ходе все представления и понятия, давно уже вызывала потребность в новом научном политсловаре, который мог бы удовлетворить народившегося нового читателя».

«Книжка политической грамоты» П. Коваленко за период с 1921-го по 1923 год вышла четырьмя изданиями общим тиражом 50 тысяч экземпляров.

«Краткий политический словарь» А. И. Кальковича был выпущен в Самаре в 1917 году. В нем есть такие, например, разъяснения:

«ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» — вопрос о том, должна ли женщина получить в государственной и частной жизни права, равные правам мужчин.

ЗАБАСТОВАТЬ — прекратить работу с целью добиться этим своих требований. Всеобщая забастовка применяется за границей для того, чтобы добиться от правительства нужной уступки...

АГРАРНЫЙ ВОПРОС — вопрос о том, кому должна принадлежать земля и как владеть землей».

Как свежий ветер врываются в жизнь новые понятия, взятые из «Краткого словаря для всех» Н. А. Арсеньева:

«КОМСОМОЛ» — коммунистический союз молодежи. 1-й съезд организации коммунистической молодежи в России, на котором был создан ЦК РКСМ, состоялся в 1918 году. На 3-м съезде союза в 1920 г. принята его программа.

СУББОТНИК — форма вольного коммунистического труда с целью выполнения общественно необходимых работ. Внедрен РКП(б), по большей части проводится по субботам, по окончании обязательных работ.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ — международность, стремление к братству народов».

Серафим
БУСЫГИН

Только к живому...

**Александр
МЕРКУШЕВ**

Поздняя осень

Все грустней и заунывней
В обеспесенных садах,
Словно скрипка Паганини,
Плачет ветер в проводах.

И как будто понимая
Близость участи своей,
Листья, словно карпов стая,
Бьются в неводе ветвей.

Как быстро время протекло.
Нас солнце радует все реже.
Пришел старик со стеклорезом
И врезал в озеро стекло.

И вот от вспыхнувшей зари,
Прикуривая сигареты,
Рыбалют рыбу рыбаки,
Как будто бы орлят монеты.

Березовая роща среди полей,
Как комната, заполненная светом.
Край соловьиный, тонкий томик Фета
В библиотеке Родины моей.

**Валентина
СЛЯДНЕВА**

В цирке

Дрессируют жеребенка.
Он упрется и храпит...
Я чешу его гребенкой
И шепчу ему: «Терпи...»

Жеребенок как-то сразу
Успокоится, вздохнет,
А потом лиловым глазом
Каплю крупную сморгнет.

Ну зачем ему по рейке
Проходить и танцевать!
В степь уйти ему скорей бы,
Ржаньем родичей позвать...

Ну зачем ему в артисты!
С год бесился и устал.
Был он гордым, норовистым,
А теперь — послушным стал.

Припадает на колено,
Лишь в руках увидит плеть!..
Непокорного жалела,
А теперь чего жалеть?

Гнездились птицы в преисподней
В те неприкаянные дни.
Опять припомнились сегодня
В круженье бешеном они.

В худом коровнике под крышей
Я разорила столько гнезд!
Едва дыша и еще тише
Ползу, где рейки вперехлест...

Меня внизу детишки ждали
В лаптях, в отцовских пиджаках
А воробьи вокруг метались,
И яйца хрупали в руках...

Ничем себя не оправдаю
Я, вспоминая стоны птиц,
Хотя, со всеми голодая,
Не ела сроду тех яиц.

Рубят братья дрова для мамы,
Тяжки уханья топора...
Клену старому было мало
Той пилы, что пела вчера!

Разнимают его на части.
Лишь поленья летят вокруг,
На мгновение солнце застыл
И кладутся меж колея двух...

Клену старому больше ветер
Не нашепчет весенних нег,
Не закутает больше ветви
Шубой нежною первый снег!

Рубят братья дрова для мамы.
Будет маме тепло в мороз!
А под кленом она, бывало,
Целовалась до зорных рос!

А под ним ведь она качала
Братьев всех, а потом меня...
Зябко вздрагивать ей ночами
От такого большого огня!

Рубят братья дрова, и хата
Сиротеет среди двора,
И бегу я, бегу куда-то,
Чтоб не слышать стук топора.

После блокады

Евдاليا
ШИХОВЦЕВА

Ленинград. 1941 год. Война. Блокада.

Я много читала о блокаде и всегда безошибочно угадывала: перенес автор блокаду или пишет с чужого голоса. Трудно даже объяснить почему, но я это всегда чувствовала.

Мне было 20 лет. Я жила с мамой на Петроградской стороне. Последний оборонный рубеж проходил в Купчино-Шушарах. Там рыли противотанковый ров. Это было уже зимой, и замерзшую землю долбили ломом.

Все «окопщики» ездили ночевать домой. С Витебского вокзала небольшой состав возил нас на работу и обратно. График подачи состава был довольно свободный, поэтому часто, прождав несколько часов и окопавшись от холода, мы шли домой пешком.

Я и сейчас не пойму, как хватало сил усталым, голодным, закопавшимся людям добираться до дому. Например, мне — из Купчино на Петроградскую сторону. В это время с немецкой аккуратностью производился обстрел города. Я проходила мимо Марсова поля и мне никак не удавалось до обстрела проскочить Кировский мост. Тревога заставляла скрываться в бомбоубежище.

И вот однажды, сидя там, я услышала позади себя: «Когда все это кончится, кто-нибудь положит на музыку все эти звуки и наши мучения. Это будет прекрасная музыка».

Сказано было так необычно и вдохновенно, что я не захотела обернуться, чтобы не разочароваться в образе говорившего. Разговор о музыке в часы артобстрела!

Блокада... Когда она началась? Трудно даже сказать — все выходило из строя как-то постепенно. Сегодня автобус шел, завтра он уже стоял, уткнувшись носом в сугроб. Перестал работать водопровод, потом не стало электричества, топлива.

А с продуктами? На руках были карточки, где аппетитно написано: крупа, мясо, сахар, жиры. Практически в декабре сорок первого и январе сорок второго карточки не отоваривались. Чтобы жить, нужно было что-то есть. И тут «помогли» мне окопы. В Ленинграде давно уже перевелись собаки, кошки, птицы, а в Купчино-Шушарах до войны был совхоз. Там водились еще собаки и кошки. Но их не кормили, и они подыхали с голода. Однажды мне «посчастливилось» найти такую кошку. Я положила ее в мешок и привезла маме. А что делать дальше? Надо снимать шкуру. Содрогаясь от отвращения, я сделала это. Дальше было уже легче — голодный человек видел мясо. И какой суп был из первой кошки! Казалось, силы так и вливались в изголодавшееся тело. Потом мне помогли найти еще несколько кошек и собак.

В Купчино было капустное поле. Капусту давно сняли, а листья — хряпа — остались. Поле почему-то было заминировано, и все знали это, но смерть — всюду, и поэтому к еще одной ее угрозе относились равнодушно, собирая хряпу. Время от времени кто-нибудь подрывался, но это уже не вызывало особых эмоций. Мешок с хряпой несли домой на щи. Щи из кошки с хряпой для тех времен были роскошью. В особенности, если учесть, что тогда на иждивенца выдавалось по 125 граммов хлеба, а на рабочего — четвертушка килограмма. Бомбили нас на окопах ежедневно. Каждый день с поля уносили убитых и раненых, остальные продолжали работать, если можно так назвать человеческие усилия, с которыми голодные, истощенные люди поднимали и опускали лопаты на замерзшую землю.

И вот однажды произошел такой случай. Мы увидели летевший прямо на нас немецкий самолет. Он шел настолько низко, что видна была ехидно улыбающаяся физиономия летчика. Вдруг самолет что-то сбросил. «Бомба», — решили мы и присели в своих окопах. Однако взрыва не последовало, и мы стали потихоньку откры-

вать глаза и поднимать головы. На месте предполагаемой бомбы мы увидели булку хлеба! Настоящую довоенную булку, вкус которой мы уже давно забыли.

Все устались на хлеб, но никто не тронулся с места и не сделал попытки завладеть им. Тогда из окопа вылез бригадир, поднял булку и с остатка сил швырнул ее вслед удаляющемуся самолету. Все одобрительно молчали. Нам стала понятна причина ехидной улыбки немца: расчет был на то, что из-за булки мы передеремся друг с другом.

...Помню, как бомбили основные продовольственные запасы — Бадаевские склады. По улице рекой лилось растительное масло, патока и другие жидкие продукты. Все остальное было перемешано с землей. Именно после бомбежки Бадаевских складов город ощутил на горле костлявую руку голода. В дополнение ко всем бедам в конце сорок первого нагрянули сильные морозы. Нам, окопщикам, уже не хватало своих теплых вещей — голодный человек замерзает быстрее, — их одалживали у родных и знакомых.

Приходя на рытье окопов, мы часто не узнавали друг друга — исхудавшие, невымытые, прокопченные дымом времянок лица, закутанные в бесконечные одежды, казавшиеся бесформенными, фигуры. И глаза... глаза, в которых отражались все ужасы блокады.

Примерно так выглядели не только мы, окопщики, но и все ленинградцы в то страшное блокадное время.

В холодном кольце

Блокадному городу нужна была кровь для больных и раненых. Я стала донором. Перед каждой дачей крови донор получал обед из трех блюд. Об этом обеде начинали мечтать задолго до сдачи крови и так же долго вспоминали его. Кровь брали только у здоровых (хотя бы относительно) людей. Обнаженный донор представлял перед медицинской комиссией. Учитывая обстановку, врачи не были очень придирчивы, тем не менее «отборковка» была большая. У всех ленинградцев, даже у поваров, была цинга. Зловещие темные пятна на ногах были у всех. Доноры с резко выраженными симптомами цинги к даче крови не допускались.

Однажды я была свидетельницей такой душераздирающей сцены: врачи забраковали одну пожилую женщину, сдававшую кровь уже несколько раз. И вот эта женщина бросилась к ногам членов комиссии с криком и плачем: «Ради бога, — кричала она, — возьмите хоть последний раз. Они умрут без меня, они ведь еще маленькие!» Дело в том, что донорам давалась дополнительная продуктовая карточка.

Блокада предельно обнажила сущность человеческих душ. В семьях, спаянных узами любви и заботы друг о друге, каждый старался оторвать от себя кусок для близкого человека, этим особенно отличались матери. Навсегда запомнилась мне мать, спасавшая свою семью от голода собственной кровью.

Для спасения жизни не жалели ничего. Не было дров — жгли мебель, книги... Не было еды — меняли все, что можно было обменять на пищу. На Загородном проспекте долго висело объявление: «Меняю 3 м. фланели и

примус на кошку». Видимо, это было все, что осталось. Объявление висело долго, обтрепалось, пожелтело, а потому пропало, быть может, одновременно с жизнью хозяина.

Истощенный организм моей мамы не выдержал постоянного напряжения нервной системы, и она умерла. Теперь меня никто не ждал. Дом встречал холодом. Растапливать времянку нечем, да и сил не было. Так и ложилась спать, положив на себя все, что может согреть. В день маминых похорон стоял сильный мороз. На кладбище въехал грузовик и остановился недалеко от маминой могилы. Он был чем-то наполнен доверху и закрыт брезентом. С грузовика соскочили несколько человек, встали друг от друга на расстоянии полуметра, сняли брезент и... открылось страшное зрелище. Грузовик был заполнен трупами. Их стали передавать, как дрова, и сбрасывать в вырытую огромную яму. Волосы у трупов были взлохмачены, замерзшие руки и ноги торчали в разные стороны. Было страшно. Чтобы похоронить в отдельную могилу, была установлена твердая «такса» — хлебная и продовольственная карточки покойного.

Выходные дни были самыми голодными. Нужно иметь огромную силу воли, чтобы не съесть сразу дневную норму хлеба. В кухне, куда я перебралась, были три полки. Чтобы достать что-либо с самой верхней, надо было подставить стул. И вот я прятала хлеб в самый дальний угол верхней полки в надежде, что будет трудно его достать. Однако куда труднее было побороть в себе желание достать хлеб. Третья полка целый день приковывала мое внимание.

В это тяжелое время мои соседи по квартире собрались эвакуироваться на Урал к своему брату, который работал в госпитале. Они были очень истощены и слабы, а так как я периодически подкреплялась хряпой, кошками, даже была донором и могла оказать какую-то помощь — они пригласили меня с собой.

Ехали мы в товарном вагоне две недели. Это было очередное тяжелое испытание. Если бы я знала, сколько радости ждет меня на Урале, насколько легче переносилось бы все то, что было!

Госпиталь

Госпиталь, в который мы приехали, был расположен в живописном лесу. Квартира брата моих попутчиков находилась на территории госпиталя. Это была обыкновенная чистая трехкомнатная квартира с человеческими условиями быта, но мне, после ужасов блокады, она показалась прекрасным дворцом.

Хозяйка квартиры приняла меня на правах члена семьи, и я удивительно легко и просто вошла в эту семью. Я не имела медицинского образования и поэтому стала работать медицинским статистиком в медкабинете. Медики и больные относились ко мне тепло и доброжелательно.

У госпиталя был отличный начальник — майор медицинской службы Гавриил Семенович Шапшал, который по мере своих сил и возможностей обеспечивал сотрудникам нормальный быт и питание, а это позволяло ему требовать с них хорошую работу, чтоб возвратить фронту максимально возможное количество бойцов.

Мне тоже удалось внести свой вклад в это прекрас-

ное общее дело. У меня довольно редкий отрицательный реэус крови, группа первая. В Ленинграде, в блокаду, я была донором, и, приехав в госпиталь, продолжала сдавать кровь. Спокойная обстановка госпиталя (отсутствие бомбежек и артобстрела), нормальный быт, регулярное питание и лесной воздух, а также проснувшаяся во мне тяга к жизни сделали свое дело. Я посвежела. Исчезли следы блокады в виде цинготных пятен на ногах. Мой здоровый вид явился примером для вовлечения сотрудников в ряды доноров. Вскоре в госпитале образовалась целая группа доноров, которая все время пополнялась, а это позволяло более часто прибегать к переливанию крови раненым.

Все сотрудники госпиталя имели огороды. Мне тоже дали две грядки. Я никогда не занималась огородничеством и, раздумывая, что бы мне посадить, решила подойти к этому вопросу «по-научному». Все ленинградцы болели цингой и поэтому наиболее авторитетный и популярный из витаминов был для нас витамин «С». Я разыскала таблицу с содержанием витамина «С» в овощах и остановила свой выбор на салате. Обе грядки были засеяны салатом, меня пробовали отговорить, но я была непоколебима. И вот показали первые трогательно-нежные листочки. «Пусть подрастут»,— решила я. Под моим заботливым уходом листочки выросли быстро. Можно приступить к их употреблению. Но с чем есть салат? Сметаны у меня не было, яиц тоже. Я покупала снятое квашеное молоко и заправляла им. Сначала было ничего, а потом я принимала эту пищу как отвратное лекарство. Стала угощать салатом весь госпиталь, но все улыбались и вежливо отказывались, даже больничная кухня. И хотя я надолго возненавидела салат, но он помог мне покончить с цингой навсегда.

Раненые

Однажды среди очередной партии больных из передового госпиталя прибыл ленинградский студент Ляня Паюпу, 22 лет, эстонец по национальности, но прекрасно говорящий по-русски. Родители его были в блокированном Ленинграде, и он ничего не знал о их судьбе. Несмотря на тяжелую болезнь — открытый туберкулез горла и желудка, он был жизнерадостен, остроумен и сразу завоевал симпатии персонала и больных. Однако вскоре его отправили в другой госпиталь, где лечили туберкулез. После отъезда Лени пришло письмо от его родителей, которые разыскивали сына и спрашивали о его здоровье. Я написала письмо в адрес начальника госпиталя, куда был отправлен Паюпу, с запросом о его здоровье. Ответ пришел от самого Лени в шутовском тоне: «т. Шеховцева, открытку Вашу получил, исполняю вторую половину Вашей просьбы и сообщаю, что Паюпу Л. К. пока еще дышит, чего и Вам желает. Состояние здоровья по пятибалльной системе на 3. Держится бодро, чудит, дерзит. Одним словом, врачи ждут не дождутся, когда черти его возьмут, но, судя по нему, с чертом он, кажется, в ладах. Бедные врачи! Ходит он или лежит? Он делает то и другое, но все в свое время. Ночью лежит, а днем ходит. Впрочем, ночи сейчас темные, разве уследишь?»

Это было перед Новым годом. Всем нашим сотрудникам выдали дополнительный паек: яблоки, мандарины,

конфеты. Мы решили порадовать наших «эвакуированных» и собрали им посылочки, добавив кое-что от себя. Я, например, послала две зубные щетки, которые были тогда дефицитом, и обе они попали почему-то в посылку Л. Паюпу. Он писал:

«Перед самым сном вдруг приносят мне пакет. Я даже растерялся. Оказывается, это целая посылка. Спасибо. Теперь чищу зубы утром одной щеткой, вечером — другой. Бедные зубы! Известно, что родители мои живы, я уже получил от них весточку и был этим потрясен, так как считал их погибшими!!!»

Вскоре его отправили в Ленинград, к родителям. Мы переписывались. Здоровье Лени становилось все хуже и хуже. По настоянию врачей, он лег в тубинститут. В письме мрачно шутил:

«Вот уже девять месяцев, как я болею. За это время целого человека на свет производят, а меня готового починить не могут. Разве это справедливо?»

День снятия блокады застал его в тубинституте. Сапют и ракеты — поистине праздничную картину видел он из окна.

«В такие дни живешь и не можешь принимать участие в борьбе — обидно до слез»,— писал Паюпу.

А еще через некоторое время пришла от него маленькая открытка, уже из дома. Он писал:

«Все. Лежу. Ляля, самое ценное на свете — это здоровье. Береги его. Прощай!»

Я послала телеграмму его родителям, спрашивала о здоровье их сына. Ответ состоял из двух слов: «Ляню похоронили». Так погиб Ляня Паюпу, чудесный, одухотворенный юноша, талантливый и жизнелюбивый. В его истории болезни было записано: «Был на фронте. Долго стояли в воде...»

А вот и радостный случай из тех времен. В госпитале лечился курсант Военно-воздушной академии Миша К. По роду своей работы я должна была присутствовать на врачебных комиссиях. После обсуждения ранения Миши К. медики вынесли такое заключение: «Напишите ему переосвидетельствование через двенадцать месяцев, все равно больше полугода он не проживет». Я забрала его документы и пошла реветь на свое рабочее место. И вот в 1956 г. через 13 лет, когда я уже была в Ленинграде, в квартире раздался звонок. Я открыла дверь и... отшатнулась. На пороге стоял Миша К. Живой! Это было непостижимо! Я потащила его в комнату, и он рассказал мне о своем чудесном излечении, об учебе, о работе. Он жив и сейчас. Живет в Москве, работает, женился. Мы переписываемся вот уже 22 года, и в письмах у нас часто встречается одна фраза: «А ты помнишь?»

Года два тому назад я присутствовала в ленинградской больнице, которая в это время была дежурная и принимала больных. Боже ты мой, какая была неразбериха! Того не было, этого не хватало. И невольно вспомнился мне мой госпиталь. Казалось бы, тяжелое военное время, но как четко, с какой ответственностью выполняли все службы свои обязанности — хозяйская, пищеблока, медики.

В госпитале был только один хирург — Александр Иванович Халтурин. Сколько он работал? Трудно сказать. Столько надо. Всегда жизнерадостный, энергичный, он вселял раненым уверенность в предстоящих результатах. И, действительно, операции его всегда проходили успешно.

Главный терапевт Арсений Антонович Ковалев был очень похож на Чехова и внешне и внутренними качествами

вами. Та же мягкость, интеллигентность и в то же время непримиримость к недостаткам. Никто не умел так хорошо успокоить, утешить и ободрить больного, а при необходимости привести к порядку, как Арсений Антонович Ковалев.

А медицинские сестры! Сколько любви, заботы и бессонных ночей вкладывали они при уходе за ранеными. Поистине трудно представить себе более благородный и благодарный труд, чем труд медика вообще, а в годы войны в особенности.

В госпитале было несколько палат для заболевших работников ближайших заводов и предприятий, которые по соответствующим путевкам принимались в госпиталь. И вот однажды из города приехал на лечение тридцатипятилетний инженер. Он был высокого роста, строен. Волосы темные, гладко зачесанные назад. Он болел абсцессом левого легкого — последствие фронта и окружения.

За корпусами госпиталя шла очень красивая дорога на озеро. Как-то я шла по ней и увидела этого инженера. Он шел навстречу, читая книжку. Мы поздоровались и стали разговаривать. Он оказался удивительным собеседником. Его жизненный опыт был богаче моего, он был умен, но держал себя так, что я не ощущала в разговоре этого превосходства. И незаметно для себя как-то поднималась до него.

Все мое существо, задавленное блокадой, горем, голодом, воскресло навстречу жизни, радости и счастью! Все 45 дней были полны такого чистого прекрасного счастья, за которое можно отдать всю оставшуюся жизнь.

Однажды мы собрались на озеро. Оба были в хороших драповых пальто, и вдруг нам стало жарко. Он предложил: «Давайте оставим пальто в доме, а обратно пойдем и возьмем». И вот мы зашли в первый попавшийся дом (дорога шла через поселок) и попросили разрешения оставить пальто. Старушка-хозяйка смотрела на нас удивленными глазами. Дело в том, что в те времена вещи ценились очень дорого. Моя месячная зарплата по рыночной стоимости равнялась двум моточкам мулине. Но нам, влюбленным, все кругом казались честными и прекрасными, и старушка оправдала наше доверие.

В другой раз он предложил посмотреть город, в котором жил и работал. Мы поехали. В городе зашли в кино. Показывали войну. Мы посидели пять минут, переглянулись и решили уйти. Когда вышли на лестничную площадку, в глаза ударил яркий луч солнца. Это был восхитительный контраст с тем, что мы видели в зале. Он взял меня под руку, и я с восторгом подумала: что надо человеку для счастья? Чтобы не было войны, чтобы вот так с неба светило солнце, а рядом был горячо любимый человек!

Срок лечения неумолимо приближался к концу и наконец наступил. Он уехал. Но любовь не прекратилась. Он часто приезжал ко мне в госпиталь, и я была счастлива. Его болезни я не придавала особенного значения, так как он прекрасно выглядел, а я сама была молода и здорова, а он писал: «Я знаю, что ты способна устроить семейное счастье. Я вижу тебя здоровой, веселой, любящей, но я больной человек, со мной все может случиться и жизнь твоя будет испорчена». Я поехала к нему в Ч. Он похудел, но для меня оставался все тем же — те же чудесные любящие глаза, та же милая, чуть смущенная улыбка. Мы погуляли, пошли на футбол. Он смотрел на футбол, а я... умирала от горя. Потом мы простились.

Это была наша последняя встреча. Если бы я об этом тогда знала...

По приезде в госпиталь представилась возможность съездить в Ленинград, в командировку. Мне очень хотелось посмотреть сестру. Я поехала без вещей в надежде на скорое возвращение. Стоял сентябрь сорок четвертого. Не помню причину, но выезд из Ленинграда был временно запрещен. Я послала телеграмму со своим адресом. Ответа не было. Я поступила на метрологические курсы, организованные при моем учреждении. Эти курсы давали мне право работать по своей специальности в любом городе Советского Союза. Даже с тайной мыслью от себя я хотела работать и быть с ним хотя бы в одном городе. Как я училась! Как второе дыхание открылись вдруг у меня способности. Я первая с отличием окончила Всесоюзные курсы и с документом в руках помчалась туда, к нему.

Боже мой, как медленно шел поезд! Наконец, показались милые моему сердцу корпусы. И вот что я узнала. Вскоре после моего отъезда он приехал в госпиталь. Несмотря на принятые меры, процесс очень бурно развивался. Теперь я уже знаю, что эту болезнь лечат антибиотиками и сульфамидами. Ни того, ни другого тогда еще не было. Пока он мог ходить — он все ходил по лесной дороге, на которой мы с ним впервые встретились. Потом слег. «Мне очень нужно жить», — просил он.

Незадолго до моего приезда его не стало.

Мою душу раздирало раскаянье. Зачем я так поздно приехала? Зачем я вообще уезжала в Ленинград? Я была глубоко уверена, что моя любовь спасла бы его. Ведь уехал же он в первый раз из госпиталя совсем здоровым. Я вырвала бы его из рук смерти!

Со страшной душевной пустотой, с которой, казалось, невозможно жить, я поехала в Ленинград...

Прошло 34 года. Но время бессильно перед памятью.

Я глубоко благодарна людям Урала, которые приняли меня в тяжелое время войны — чужую, одинокую, вырвавшуюся из цепких рук блокады. Окружили теплом, вниманием и вернули к жизни и счастью, пусть и такому кратковременному из-за проклятой войны.

МОТОГОНКИ ПО ВЕР

Рассказ

Анатолий
КОРОЛЕВ

— Спешите, спешите, до начала представления осталось две минуты! Знаменитый мотогонщик Евгений Шман показывает свой смертельно опасный номер — мотогонки по вертикальной стене!

Голос из динамика на верхушке брезентового шапито завораживал.

— К нам! Сегодня последнее выступление сезона. Завтра наша труппа уедет.

Последние зрители торопливо поднимались от будочки, оклеенной афишами, вверх по лестнице мимо расплывшейся контролерши с обезьянкой на плече, вверх по скользким железным ступенькам, туда, под ребристый купол, откуда на площадь осыпается шум голосов, гул смеха и густой треск мотора.

В небе чиркнули струи сентябрьского дождя, площадь наполнилась шипением лопающихся пузырей. Билетерша спрятала обезьянку за пазуху, защелкнула железную дверцу и укрылась от дождя в тесной будочке кассы.

— Выступает Евгений Шман!

Юркий человечек в черном старался перекричать гул публики, шум дождя, рев заведенного мотоцикла.

— Во время аттракциона, — продолжал распорядитель, — просьба ко всем зрителям соблюдать тишину. Дети! Не бросайте на арену посторонних предметов. Не роняйте вниз конфетные обертки и вафельные стаканчики с мороженым!

Его никто не слушал.

Дети, а их было большинство, кричали, шмыгали носами, лизали мороженое, дразнились, стучали ладошками по деревянному барьеру, но когда внизу появился Евгений Шман, маленький цирк замер, словно захлопнулось большое окно на улице.

Только ливень шумно бурлил вдоль брезентовых ребер.

Только мотоцикл теперь уже потрескивал, как кузнечик.

Шман поднял руки в сияющих кожаных перчатках с исполинскими крагами и посмотрел вверх. Там сверкали десятки глаз, блестели улыбки, текли сладкие ливни мороженого.

Шман подмигнул. Дети жарко вздохнули, и он почувствовал, что сегодня все будет хорошо и ничего не случится.

ТИКАЛЬНОЙ СТЕНЕ

Рисунки
А. Банных

— Будем ставить желоб? — прокричал распорядитель. Он вытирал лоб платком и пугливо суетился.

Шман молчал. Его всегда раздражала эта нервная суeta перед опасным трюком. Распорядителю нужно было только его «да» — после этого он умывал руки. Смотреть не любил, обычно сидел в темноте пристроя, где незаметно от всех затыкал уши ватными пробочками.

Решение Шман принимал всегда в самую последнюю минуту и только после того, как видел публику. Он и сам не знал, почему, и говорил «да» или «нет» по наитию, словно подбрасывал вверх пяточок: орел или решка?

— Ставить? — нетерпеливо переспросил распорядитель, оглядываясь на механика. Механик тоже оглянулся, его большие руки лежали на моторе, и он ладонями слушал пульс kloкочущего бензина.

Шман на миг закрыл глаза и почувствовал — детские ладошки ошупывают его широкий кожаный ремень, меряют, вырывая друг у друга, перчатки, дергают шнурки на ботинках, стучат легкими кулачками в сияющий шлем, мусолят пальцем защитные очки...

«Сегодня все будет нормально», — еще раз подумал он.

— Да, — сказал Шман, и юркий распорядитель побежал к стайке ленивых мальчиков, в обязанности которых входила установка стального желоба.

— Ставим? — спросил механик и выразительно кивнул головой куда-то вверх.

Шман посмотрел вверх и опять, как вчера, и позавчера, и неделю назад, увидел его.

Старик, как обычно, стоял, навалившись всей грудью на барьер, вцепившись пальцами в лоснистое дерево, и смотрел вниз напряженным и пристальным взглядом.

— Опять этот старик, — буркнул механик.

Как многие люди, постоянно рискующие жизнью, Шман был суеверен. Первые дни странного старика, не пропускавший ни одного представления, настораживал, даже пугал. Казалось, он преследует мотогонщика, что-то замышляет, царапая иногда авторучкой в черной записной книжке.

Несколько раз из-за старика Шман выступал только с первой частью программы, выбрасывая

самое главное — прыжок на стальной желоб. Но распорядитель наседавал, кассирша жаловалась на плохие сборы, и Шман решался — колесо точно приземлялось на узкую полосу, и он слышал далекий прибой восторженных аплодисментов...

— Порядок, — ответил Шман механику и оседлал мотоцикл.

Дети вдохнули побольше воздуха.

Шман дал газ.

Из выхлопной трубы полетели сизые стрелы.

Мотоцикл покотился по наклонному полу. Первый вираж. Второй. Гонщик раскручивается, словно праща с вложенным камнем. Треск переходит в грохот, грохот кончается воплем. И вот уже мотоцикл несется по вертикальной стене. Шапито наполняется запахом дыма и горелого масла. Сверху мотоцикл похож на клубок цветной пряжи, на волчок бенгальского пламени. В круглом колодце бушует гроза.

Распорядитель в темной камерке затыкает уши рыжими ватными шариками.

Механик, волнуясь, мнет в огромных руках тряпку, влажную от бензина. Он чувствует, что сегодня что-то случится.

...А в ушах Евгения Шмана тишина.

Гонщик оглох от этой тишины, только слышит, как тяжело гудит кровь в запрокинутой голове.

Он один на один с деревянной пустыней, раскинувшейся до самого горизонта.

На страшной скорости метр за метром он пожирает исцарапанный деревянный пол, залитый маслом, исхлестанный следами мотоциклетных шин. Здесь вечные сумерки, и только две красные полосы слева и справа ограничивают его бег. Напоминают о том, что неосторожный поворот руля влево или вправо — и Шман либо вылетит в зрители, либо врежется в арену.

В это время стайка подсобных мальчишек достаёт из засаленных замшевых чехлов куски огромного стального желоба. Зловеще сверкают сабли. Механик сердито покрикивает на равнодушных лентяев. Проверяет, как соединяются швы, в каком порядке собираются части.

У детей разбегаются глаза, они не знают, куда интересней смотреть.

На арене мальчики работают с поспешной трусостью, они боятся, что Шман вместе с ревушим мотоциклом свалится им на головы. Механик чувствует это и с презрением подгоняет их.

Но вот все готово, и распорядитель кричит пронзительным голосом:

— Смертельный аттракцион Евгения Шмана! Единственный в мире трюк — прыжок на стальное кольцо и гонки по желобу!

Шман крепче стискивает рукоятки руля и пытается разглядеть горизонт. Взгляд теряется в серых сумерках. Пахнет пылью. Хочется пить.

Снять шлем, сунуть потную голову под кран с холодной водой.

Но чу!

Впереди блеснуло знакомым чешуйчатым блеском. Ты уже здесь, змея?

— Эй, слышишь?

— Слышу, — шепнула змея, дрогнув стальной кожей и пытаясь поймать его взгляд холодными зрачками.

Пора!

Шман рванул руль на себя, привстал в седле, словно на стременах.

— Ах!

Цирк вскрикнул.

Сердца детей отчаянно заколотились. Из сотен ладошек выпали обсосанные палочки эскимо, конфеты, камешки, теплые монетки.

Мотоцикл легко перелетел на желоб и помчался по узкой полоске вперед, фыркая и пуская сизые облака.

Механик причмокнул от восхищения губами. Он никак не мог привыкнуть к этому невероятному прыжку. Затем поискал глазами старикашку. Тот стоял в прежней позе, вцепившись пальцами в барьер, но только с закрытыми глазами.

Тем временем гонщик выдернул из кармана черный платок, набросил его на глаза и, отпустив руль, раскинул руки в стороны, наслаждаясь полетом камня, летящего из пращи.

— Смертельный трюк продолжается! — визжит внизу распорядитель.

Дети закрывают глаза. Они боятся смотреть.

...Змея поежилась от холода, мотоцикл чуть-чуть накренило вправо.

— Ты помнишь? — опять шепнула она.

И Шман снова и снова вспомнил тот роковой день, когда он еще мальчишкой пробрался на галерку такого же шапито посмотреть на новый трюк своего кумира, знаменитого на весь мир мотогонщика Дени-Георга, и увидел его красивое мужественное лицо, бледное от пудры, с неживой и жесткой улыбкой. А потом был волшебный полет вдоль вертикальной стены и прыжок на желоб, и страшный вскрик публики, и грохот смертельного падения, и сырой красный блеск крови на рыжих опилках...

— Сегодня ты превзошел самого себя, — довольно гудит механик, проверяя мотоцикл.

Шман устало снимает шлем, перчатки.

В шапито пусто. Аттракцион закончился. Продолжается лишь дождь, журчит по брезенту.

На галерке раздаётся стиснутый кашель. Механик и гонщик смотрят вверх — там надевает плащ последний зритель. Заметив, что его увидели, старик поспешно натягивает на голову мятый берет.

— Послушайте, вы, — устало кричит Шман, — сколько можно меня преследовать? Что вам нужно?

Старик замирает, затем торопится к выходу.

— Чудак,— бросает механик и выразительно вертит пальцем у виска.

— Наверное,— медлит Шман,— но у меня такое чувство, что я его где-то видел...

Ему все еще хочется пить, и, когда они выходят на площадь, Шман ловит ртом дождевые капли. Глубоко и сладко вдыхает свежий сырой воздух. Наслаждается холодными струйками на горячем лице.

В передвижном вагончике тесно и тепло. Фанерные стены густо оклеены афишами.

В толстом махровом халате, после горячего душа, Шман мало похож на героя в сверкающем шлеме и крагах. У него мясистое грубое лицо. Он совсем не молод.

Растирая рукой затекший затылок, Шман достаёт из холодильника ветчину, сыр, корзинку яиц, бутылку сухого вина.

Механик бросает на сковороду кусок масла, разламывает яйца и льет в кипящее масло густые тягучие струи.

— Только не пересоли,— говорит Шман. Режет кухонным ножом слиток ветчины, хлеб, откупоривает бутылку.

— Завтра уезжаем?

— Да,— отвечает Шман,— утром свернем шапито.

— Может, махнем на юг? Там еще тепло — бархатный сезон.

— Нет. Я устал. Хочу зимы.

Дверь распахнулась. Дунуло сыррым запахом ночи. Ветер смял занавески на маленьком окне.

— Разрешите?

— Входите,— ответил, обернувшись, Шман,— присаживайтесь.

— Спасибо, я сыт,— старик медленно опустился на стул, не снимая ни берет, ни плащ.

— Что ж вы с галерки убежали? — спросил Шман, чтобы хоть как-то прервать томительную паузу.

— Я слышал, вы завтра уезжаете?

— А в чем дело? — враждебно спросил механик, поддевая вилкой горячую глазунью.

Старик посмотрел на механика и четко и ясно произнес:

— Молодой человек, меня зовут Дени-Георг...

Механик отпрянул от сковородки.

Шман растерянно запахнул халат на груди Дени-Георга!.. Как? Знаменитый мотогонщик. Кумир его детства. Но он же погиб... тогда, сорвавшись с вертикальной стены.

— Нет. Я тогда выжил,— спокойно возразил старик, словно читая мысли,— вот только рука...

Он поднял перед собой левую кисть, и в тишине раздался сухой скрип протеза.

— Да вы разденьтесь,— поспешно предложил механик, пунцовый от стыда.— Вы же промокли.

— Я на минутку.

Дени-Георг перевел свои холодные глаза на гонщика.

— Тридцать лет назад я сам придумал этот трюк с желобом...

У него был резкий металлический голос, а глаза казались заплаканными.

— Это была прекрасная идея, но расчеты были неумолимы. Угол подъема, масса мотоцикла, скорость — все вступало в противоречия. Место эффектного трюка падение и смерть.

— Но вы же... — начал было Шман.

— Да, я решил рискнуть,— перебил Дени-Георг,— я был молод, а вдруг...

Он замолчал.

Шман катал по столу хлебный мякиш.

— Это было мое последнее выступление. Жить остался чудом. Поймите меня. И вдруг я узнаю, что некий молодой человек делает этот номер каждый день на маломощной машине... Я видел все ваши четырнадцать прыжков и не мог, не хотел верить. Это какая-то чертовщина: я снова проверил свои расчеты — они безукоризненны. Я показывал их специалистам. Моя рука, согласитесь, тоже аргумент... Женья, как вам это удастся? В чем моя ошибка?

Шман помолчал и, наконец, сказал:

— Я не знаю.

— Но вы хотя бы чувствуете, что этот трюк не должен получаться?

— Да, чувствую.

— Тогда в чем же дело! — воскликнул старик.— Вот мои расчеты... Закон есть закон. Яблоко падает вниз. Я всегда исходил из законов физики и только один-единственный раз поддался искушению...

— Я был тогда на вашем последнем выступлении,— глухо сказал Шман.— Детей почему-то не пускали, но я решил во что бы то ни стало увидеть смертельный прыжок. Я прошмыгнул... Я видел все. Я считал, что вас больше нет, и решил сделать то, что не удалось самому Дени-Георгу. Разве я виноват в том, что мое мальчишеское нахальство выиграло?

— Это какая-то чушь! — воскликнул старик. Он метнулся к двери.

— Пойдите, куда же вы? — Шман выбежал на крыльцо вагончика.

Ночь.

Она как купол шапито, в котором выключен свет после представления.

Дождь. Серебряные лужицы, разлитые по площади.

Сутулая фигура старика, уходящего подпрыгивающей походкой...

— Цирк уезжает.

— Жалко.

Оглянувшись на голоса, Шман увидел детей — двух мальчиков.

ПОЛИТКО.

**Владимир
КОРОЛЕВ**

На их лицах печаль и удивление.

В этот миг стропы, натягивающие купол, ослабли, и под крики рабочих шапито обмякло, брезент сморщился, и цирка не стало.

В кузов автомашины перекинули будочку кассы, оклеенную афишами. Сложили стопкой фанерные щиты с гигантским лицом мотогонщика.

Распорядитель стоял под раскрытым зонтом и опять суетился, покрикивал.

Гонщика коснулась детская ладошка.

— Вы еще вернетесь?

— Конечно, но только не раньше, чем через два-три года.

— Почему так долго?

— К этому времени подрастут другие мальчишки.

— Приезжайте,— сказал один из мальчиков,— мы будем ждать.

— Мы обязательно придем снова,— сказал второй.

— Мы будем опять болеть за вас. До свидания.

— До свидания.

Размахивая портфельчиками, они побежали через площадь.

Гонщик нахмурился, что-то похожее на разгадку шевельнулось в его уме.

Он позвал механика.

— Слушай, я, кажется, понял, в чем секрет.

— Ты о чем?

— Все дело в детях!

Недоумение механика росло.

— Понимаешь, Дени прав — прыжок на желоб действительно невозможен. Поэтому-то я никогда не решаю заранее, буду ли прыгать. Я должен почувствовать публику. Только тогда я принимаю решение, и знаешь, когда я говорю «да» — в цирке полно детей. Понимаешь, когда на галерке дети, я уверен, что трюк получится. Раньше я считал это простой доброй приметой, но, оказывается, они за меня бо-ле-ют...

— Извини, по-моему, это чепуха,— механик поднял воротник куртки.— Закон есть закон, в этом старик прав.

— Поэтому он и разбился!.. В тот день в шапито не пускали детей...

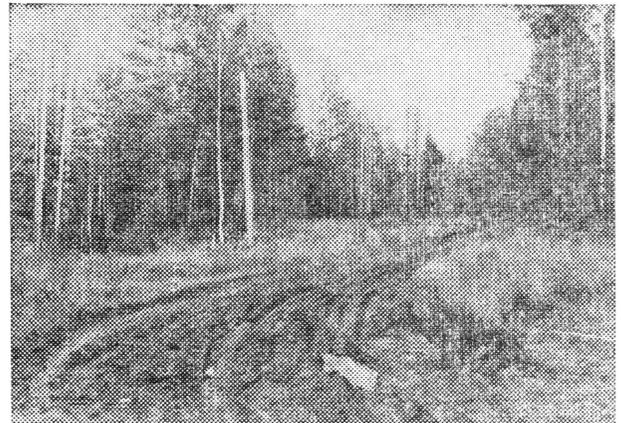
— Может быть, ты и прав,— сказал механик,— но только я ничего не понял.

— Все очень просто,— рассмеялся Шман,— они держат меня в полете.

Дождь стал накрапывать сильнее, но это был еще по-летнему теплый дождь, он чуть-чуть отдавал запахом шоколада, шелестел, как серебряная обертка. Он словно был согрет детскими ладошками.

Г. А. Усиевич

Дорога, ведущая в деревню Горки, здесь 3 августа 1918 года погиб Г. А. Усиевич

МИССАР УСИЕВИЧ

Это было 3 августа 1918 года на Ирбитском Заводе (ныне поселок Красногвардейский).

— Утром нас построили,— вспоминает ветеран 1-го Камышловского полка Иван Евграфович Ипатов.— Вот тут-то перед строем мы и увидели представителя от Центра, от самого Ленина. В поселке уже ходили слухи, что приехал большой человек. На вид он довольно молодой, в очках, очень приятной внешности, одет просто — во френч, на боку кобура с маузером. Перед нами стоял Григорий Александрович Усиевич.

Политкомиссару Г. А. Усиевичу не было и 28 лет. Член партии большевиков с 1907 года, он рано стал революционером. Еще будучи учеником Тамбовского реального училища, руководил кружком рабочей молодежи. Затем поступил на юридический факультет Петербургского университета, где вступил в марксистский кружок и был пропагандистом за Невской заставой. Здесь Усиевич был избран членом Петербургского комитета РСДРП(б). Вскоре его арестовали, в октябре 1911 года осудили и сослали в Енисейскую губернию.

Весной 1914 года Усиевич бежал из ссылки за границу. В Австрии его арестовали и отправили в лагерь для военнопленных, где он провел около года. Летом 1915 года ему удалось прехать в Швейцарию и встретиться с В. И. Лениным.

«Всякий, с кем бы он ни сталкивался, как-то невольно оборачивался к нему самой лучшей своей стороной,— писала жена революционера Елена Феликсовна Усиевич, вспоминая жизнь в Швейцарии в 1916—1917 годах.— И он был ко всякому внимателен, заботлив. Какая-то детская нежность была в его отношении к людям. Правда, ему еще не было в это время двадцати шести лет. А между тем к нему с интересом и уважением относился Владимир Ильич Ленин, знакомый с некоторыми его статьями и работами. Он оживленно беседовал с молодым революционером и вскоре очень привязался к нему».

После Февральской революции Усиевичи в одном вагоне с Владимиром Ильичем Лениным возвратились в Петроград.

В дни Октябрьской революции Усиевич был одним из руководителей

вооруженного восстания в Москве. После победы Октября он выезжал в Петроград, где бывал на приеме у В. И. Ленина и подробно рассказывал о положении в Москве.

В марте 1918 года ЦК партии направил Г. А. Усиевича в Западную Сибирь, где и застала его гражданская война. Здесь он становится председателем Военно-революционного штаба Западной Сибири и военным комиссаром Западно-Сибирского фронта, принимает самое активное участие в организации героической обороны Омска, Тюмени, Камышлова и Ирбитского Завода.

В то время на Ирбитском Заводе формировались роты, батальоны...

Командир доложил политкомиссару, что рота построена для выполнения боевого задания. Усиевич, проходя вдоль строя, доводчиво и понятно разъяснял бойцам, что в эти северные края стягивается буржуазия, банкиры, помещики, купцы и скрытно везут с собой оружие, чтобы свергнуть Советскую власть. Задача роты — перерезать тракт, идущий из Камышлова, и задерживать продвижение белых на Ирбит.

...Рота двигалась походным порядком. Тяжело пришлось вчерашним рабочим, еще не привыкшим к маршам. Впереди шел дозор из четырех бойцов, ехало несколько всадников, в том числе Григорий Александрович Усиевич и начальник команды разведчиков Павел Никандрович Анчутин.

— Как только создадим здесь два-три полка Красной Армии,— делился Усиевич своими планами с Анчутиним,— тогда двинемся на Камышлов, Тюмень, Омск и освободим их от белых.

В лесу, у развилки путей на деревни Стриганку и Горки, сделали привал. Уставшие люди прилегли на траву. Вернулись дозорные и доложили командиру, что их обстреляли.

Усиевич предложил командиру развернуть роту и быть готовыми к любой неожиданности.

Вдруг застрочил пулемет, поднялась стрельба из винтовок. Политкомиссар Усиевич не растерялся, с колена он вел стрельбу из маузера и уложил двух белогвардейцев, но, сраженный пулями, упал...

Здесь, у деревни Горки, погибли

семь человек, в том числе политкомиссар Г. А. Усиевич, матрос-пулеметчик (фамилию его так и не удалось установить), рабочие Ирбитского Завода Е. С. Грошев и А. В. Панов, 16-летний Ваня Казанцев...

«...Слишком рано умер Усиевич, чтобы прославиться громкими делами,— сообщалось в газете «Правда» 8 августа 1918 года.— Да он и не искал ни славы, ни громких дел, как настоящий коммунист. Рабочему классу надо запомнить это молодое и светлое имя. Ибо он был одним из тех людей, которые бьются в первых рядах, ничего не ища для себя, но спаивают внутренние эти ряды беззаветной любовью и крепким чувством товарищества».

Запомните это имя, товарищи!

И жизнью, и смертью он показал, что надо делать, чтобы социализм был крепок и победил навсегда...»

Сорок пять лет уральская земля хранила место погребения Усиевича, о котором не знали ни родные и близкие, ни его боевые товарищи. После боя 3 августа 1918 года тела погибших красноармейцев были погребены местными жителями. И только в 1963 году было найдено место захоронения Г. А. Усиевича и еще шестерых красноармейцев.

Следопыты средней школы деревни Горки отправились на место предполагаемой гибели Усиевича. В поход с ними пошел старожил этой деревни Павел Прокопьевич Гашков. Это он со своим отцом в 1918 году хоронил павших борцов за Советскую власть. У развилки дорог, возле телеграфного столба, Гашков сказал:

— Вот здесь был убит Усиевич. Он лежал на спине, головой к бору. На нем был френч. Три пули угодили в поясницу...

П. П. Гашков рассказал ребятам:

— Стреляли белогвардейцы вон из тех кустов... А по ту сторону дороги лежали убитые два красноармейца. Мы в то время гребли сено. Я возил волокуши. Мне было тогда семь лет. Старший брат метал сено, отец стоял на зареде. Вдруг мы услышали выстрелы, быстро запрягли лошадей и поехали с покоса. По дороге встретили красноармейцев. Те нам подсказали, чтобы мы не ехали дорогой, так как начался бой. Мы объехали болотом. На другой день на телеге отправились хоронить погибших бойцов. Отец мне тогда говорил: «Запомни хорошо, сынок, это место. Хороним большого человека. Потом люди спрашивать будут...»

Так с помощью П. П. Гашкова стало известным место захоронения политкомиссара Г. А. Усиевича, одного из ближайших соратников В. И. Ленина, героя гражданской войны, коммуниста.

**Владимир
МЕЗЕНЦЕВ**

*Рисунки
М. Паукера*

Все наши знания о Земле и о Космосе зависят в большой степени от того, насколько мы понимаем работу своего мозга. Ведь, как говорил один известный ученый, «не будь человеческого разума, вся драма мироздания разыгрывалась бы перед пустым залом».

Мы погрешили бы перед истиной, представляя наши знания о мозге как уже достаточно полные, дающие всестороннюю картину «вселенной» под черепной коробкой. Как работает наш мозг? Какие процессы стоят, скажем, за словами «вспомнил», «думаю», «понимаю»? Четкого и подробного механизма этих процессов мы еще не знаем. Но открытия последних лет, сделанные нейрофизиологами, заслуживают самой большой похвалы. «Мыслящий космос» все больше и больше раскрывает свои неповторимые особенности и необыкновенные возможности.

Полвека тому назад немецкий врач Бергер приладил к своей голове два электрода и концы их вывел на электроизмерительный прибор. Стрелка гальванометра заколебалась. Так было положено начало изучению биотоков мозга.

Современная электроника позволяет не только записать волны головного мозга, но и сделать их зримыми. Можно увидеть, каким образом мышление человека сопровождается усилением или затуханием электрической активности по всей поверхности коры.

Электрические токи центральной нервной системы подчиняются определенным ритмам. Обнаружено несколько таких ритмов. Особенно интересует исследователей мозга один из них, альфа-ритм. Частота его — 8—12 герц. Теперь уже ясно, он связан с важнейшими процессами, протекающими в нашем мозгу.

Когда человек находится в полном покое, альфа-волны отличаются большой четкостью. Сильные переживания, яркие вспышки света, решение каких-либо сложных умственных заданий заметно отражаются на ритме. Это можно хорошо видеть на экране электронно-лучевой трубки, соединенной с электродами, приложенными к голове.

Наблюдая таким способом изменения волн альфа-ритма, например, у человека, слушающего репортаж со стадиона, можно легко обнаружить, за какую команду он «болеет».

У разных людей свой «почерк» альфа-волн, а примерно у каждого седьмого этого ритма вообще нет. Встречаются и такие индивидуумы, у которых альфа-ритм неизменно постоянен.

Что за всем этим кроется, путешественникам по Стране Сознания еще предстоит выяснить и выяснять. Здесь же хочется остановиться на одной интересной гипотезе, суть которой, совсем кратко, сводится к тому, что альфа-ритмы коры больших полушарий головного мозга питаются энергией магнитного поля Земли.

Исходную мысль этой гипотезы высказал еще А. Л. Чижевский, основоположник гелиобиологии. Он писал, что, «встречая жизнь, электромагнитные волны отдают ей свою энергию, чем поддерживают и укрепляют ее в борьбе за существование. Органическая жизнь только там и возможна, где имеется свободный доступ космической радиации, ибо

жить — это значит пропускать через себя поток космической энергии в ее кинетической форме.

Ритмы, которые мы наблюдаем в биосфере, складывались в процессе эволюции под влиянием внешней среды. А среди факторов, которые могли воздействовать и, как мы уже знаем, действительно воздействуют на живые организмы, далеко не последнюю роль играет геомагнитное поле. Примечательно, что частота колебаний этого поля имеет ту же величину, что и альфа-ритм — 8—14 герц.

Совпадение, заслуживающее внимания!

Как может мозг «сுவивать» энергию геополя? Исследователи допускают мысль, что в нашей черепной коробке существует подобие радиоприемного устройства. Однако трудно представить себе, что мозг резонирует на любое изменение частоты внешнего электромагнитного поля непосредственно. В этом случае наша психика была бы слишком неустойчивой. Нет ли в нашем организме другого органа, способного выполнять роль биологического приемника энергии извне? Врач Н. Слуцкий называет его. Это так называемый мерцательный эпителий бронхов.

Его реснички колеблются ритмически, с одной и той же частотой, образуя колебательную систему с устойчивыми резонансными свойствами. А частота колебаний та же, что и у альфа-ритма коры больших полушарий головного мозга, и у геомагнитного поля.

Некоторые исследования говорят в пользу высказанной гипотезы. Так, А. Скоробогатовой установлено, что электрические заряды атмосферы, попадая в дыхательные пути, оседают на стенках бронхов, то есть вступают в контакт с колеблющимися ресничками мерцательного эпителия. Исследователь П. Голубев наблюдал изменения альфа-ритма коры полушарий головного мозга при хроническом заболевании мерцательного эпителия дыхательных путей, то есть при поломке природного приемника зарядов атмосферного электричества.

Другой, не менее волнующей загадкой альфа-ритмов нашего мозга является их связь с инфразвуками. Связь весьма загадочная и столь же неприятная.

Как известно, эти слышимые, низкочастотные звуки вездесущи. Их порождают грозы, сильные ветры, солнечные вспышки. Сопутствуют они взрывам, обвалам, землетрясениям. Повседневны промышленные инфразвуки. Их излучают заводские вентиляторы и воздушные компрессоры, дизели, все медленно работающие машины. Постоянный источник этих звуков — городской транспорт.

В последние годы эти загадочными звуками заинтересовались многие ученые. У профессора Гавро, работающего на юге Франции, близкое знакомство с инфразвуками началось, можно сказать, случайно. В одном из помещений лаборатории с некоторых пор стало невозможно работать. Не успев пробыть здесь и двух часов, люди чувствовали себя совсем больными: кружилась голова, наваливалась сильная усталость, нарушались мыслительные способности.

Прошел не один день, прежде чем Гавро и его коллеги сообразили, где следует искать причину. Оказалось, инфразвуковые колебания большой мощности создавала вентиляционная система завода, который был построен вблизи лаборатории. Частота волн была около 7 герц, и это влияло на человека.

Так «его величество случай» преподнес ученым новую загадку: инфразвуки и состояние человека, его здоровье и безопасность. Уже ясно: шутить с этими слышимыми колебаниями воздуха нельзя. Даже инфразвук не очень большой силы способен нарушить работу мозга, вызвать обмороки, привести к временной слепоте.

Биологи, изучавшие на себе, как действует на психику инфразвук большой интенсивности, установили, что иногда при этом рождается чувство беспричинного страха. Другие частоты вызывают состояние усталости, чувство тоски или же морскую болезнь с головокружением и рвотой.

А профессор Гавро первым высказал предположение: биологическое действие инфразвука проявляется тогда, когда частота волны совпадает с альфа-ритмом головного мозга.

Ученые ведут лишь первые «разведки боем» загадочных инфразвуков.

Что такое память?

Еще недавно даже некоторые ученые, занимающиеся исследованием мозга, считали, что человек,

возможно, никогда не сможет найти ответа на этот вопрос. Сознание считалось чем-то непостижимым, а воспоминания некими записями в нашей душе.

Каким образом познание и пережитое могло сохраняться в памяти? Это казалось сверхъестественным. Теперь сложнейшая проблема познания механизмов нашей памяти постепенно конкретизируется.

«Не все отдадут себе отчет в том, что память нечто гораздо большее, чем система знаний об окружающем нас мире, — подчеркивает академик М. Ливанов. — Можно сказать, что наша память — это мы сами, потому что наша личность, отношение к другим людям и событиям определяются не только хранящейся информацией, но и следами наших эмоций, возникающих при общении с другими людьми, или переживаний, вызванных различными событиями жизни... Глубокие знания в этой области помогут правильно обучать подрастающее поколение, так как можно выработать наиболее продуктивный режим умственного труда».

А сколько их еще удивительных, с трудом объяснимых и пока даже необъяснимых проявлений деятельности мозга, которую мы называем памятью!

В мировой печати появились утверждения о существовании в мозгу особых носителей памяти. Один из них даже был выделен профессором Унгаром и назван скотофобинном. Попадает такое вещество в другой организм, и вместе с ним переходят заложенные в нем воспоминания. Скотофобин передает крысам, например, боязнь темноты, хотя известно, что эти животные любят именно темноту.

Открытие! Нет, еще нет. При более тщательных опытах оказалось, что исследователи, увлекшись столь многообещающими выводами, желаемое во многом принимали за действительное. Так тоже бывает в науке.

Однако и зачеркнуть эту страницу в истории науки о мозге мы уже не можем. Есть в ней все-таки факты, которые заставляют думать о веществе памяти.

...Крыса сидит на платформе, несколько приподнятой над полом. При попытках сойти она получает удар током. Этот навык — оставаться на платформе — передается другим животным, мышам, стоит им ввести экстракт из мозга обученных крыс.

Другой эксперимент. Индюшат учат клевать корм так, чтобы это было связано с определенной фигурой. Если им продолжительное время

насыпать корм в треугольную кормушку, они стареют после этого клонуть не квадрат, не трапецию, а именно треугольник. Затем от этих индюшат берут из мозга инъекцию и вводят ее новым птенцам. У них тоже появляется стремление клонуть треугольник.

Но пока ученые спорят даже не о возможном существовании чудовещества, начиненного знаниями, а о самой природе памяти. Высказывают две главные гипотезы. Одна из них за то, что в основе памяти лежат молекулярные структуры. В этом случае теоретически возможны и вещества — носители памяти. Другая гипотеза утверждает, что в процессе запоминания главную роль играют нервные клетки — нейроны; запомнил человек какие-то новые сведения — и между нейронами возникли новые связи.

Одним словом, в области исследования памяти загадок предостаточно.

Мне вспоминается высказывание покойного президента нашей Академии наук С. И. Вавилова:

«Вернулся к писаниям «Воспоминаний». И вот разворачиваются в памяти большие страницы с многими мелкими подробностями о событиях, виденных 45—50 лет назад. Можно, конечно, пустить кинокартину, снятую полвека назад, для этого нужно только, чтобы она сохранилась и был проекционный аппарат. Но где же место в человеческом мозгу, полностью изменившемся за 50 лет, для хранения всех этих картин, более полных и сложных, чем кинокартина? Эти картины памяти вовсе не отпечатки «ощущений» — это сложный комплекс понятий, слов, наблюдений, мыслей. Но замечательно вот что. В этих «картинах памяти» почти не осталось ничего личного. Ни самолюбия, ни восторгов, ни ненависти, ни любви. «Добру и злу внимая равнодушно», память разворачивает эти картины прошлого с поразительной глубиной, рельефностью. По этим картинам можно читать и даже рассматривать их в «лупу». Целого эти картины не составляют, они разрозненны, эти листы, произвольно завязанные в общую папку...

Мы веруем, что с распадом мозгового вещества данного человека навсегда исчезают «картины памяти», как при пожаре архива навсегда погибает написанное в документах, в нем хранившихся. Верна ли эта аналогия?»

Может ли человек думать о чем-либо и не знать, что он думает именно об этом? «На первый взгляд», — отвечает доктор психологических наук В. Пушкин, — это не вопрос, а бессмыслица. Но несмотря на глубокую противоречивость понятия «бессознательные представления» и вообще понятия «бессознательная психическая деятельность», в науке накоплены (но не объяснены!) многочисленные факты. И факты говорят: понятия эти вполне реальны. Более того, ученым теперь известно, что неосознаваемые представления участвуют в решении задач, возникающих перед человеком».

Впервые такие факты были получены в экспериментах с гипнотическим внушением. Человеку, заснувшему под гипнозом, было приказано проснуться и забыть все, о чем говорил гипнолог, но в то же время выполнить один приказ: через четыре дня в тот же час позвонить врачу-гипнологу и справиться о его здоровье. «Мой телефон такой-то, — сказал врач, — но вы его тоже забудьте».

Все произошло без осечки. Все четыре дня человек не думал о гипнотизере, но примерно за час до назначенного срока он вдруг начал сильно беспокоиться о враче: «Как он там, не заболел ли?» Ему захотелось немедленно позвонить врачу по телефону, но тут же человек подумал, что телефона не знает.

А тревога нарастала. Не в силах сидеть за рабочим столом, он подошел к телефону и машинально, «наугад», набрал номер телефона.

Отвечил врач-гипнолог.

Этот опыт проводился многократно, с разными людьми, и всегда результат был один и тот же: под сознание человека как бы диктовало в нужный момент тот номер телефона, который был сообщен под гипнозом, а затем забыт. Забыт сознанием, но не подсознанием.

...В небольшой городок на Волге в командировку приехал человек. Остановился в гостинице, а на утро проснулся с необъяснимым чувством тревоги. На другое утро он снова поднялся с тягостным предчувстви-

ем какой-то опасности. Так прошло несколько дней и в один из вечеров, ложась спать, приезжий человек вдруг решил передвинуть кровать в другой угол. Той же ночью в номере обрушился потолок; на место, где прежде стояла кровать, упала тяжелая балка.

Когда оставшегося невредимым спросили, почему он переставил кровать, тот ответил: «Сам не знаю! Словно кто-то подтолкнул меня». Что же тут произошло?

Никакой мистики! Гостиница была старая, потолки ее требовали ремонта. Балка в комнате, где жил спасшийся человек, уже настолько прогнила, что могла обрушиться в любую минуту. Пройдет человек над ней этажом выше, — и она уже вздрагивает, тихо поскрипывает. Днем человек не замечал этих звуков, он был занят различными мыслями: в сознание проникли только громкие посторонние звуки. Однако и днем, а особенно ночью, когда все затихало, его слух передавал в мозг едва уловимое поскрипывание балки. Продолжая работать и во время сна, мозг с тревогой воспринимал эти звуки.

В подсознании человека возникла вполне естественная мысль о том, что эти скрипы грозят опасностью, потолок может обвалиться. Однако в сознании эта мысль не появлялась, и каждое утро человек просыпался с непонятной тревогой, с ожиданием чего-то плохого, неприятного. Наступала следующая ночь, и подсознание, продолжая беспokoиться, снова напоминало об опасности, а затем и подсказало человеку, что следует сделать. Мысль о том, что нужно переставить кровать, всплыла, наконец, в сознании.

Исследования последних лет самым убедительным образом показали, что бессознательное присутствует во всех формах психической деятельности человека. Не учитывая этой особой формы работы нашей психики, нельзя понять до конца поведение людей в различных жизненных ситуациях.

Подсознание находится в постоянном взаимодействии с сознанием, причем это взаимодействие не носит характера соподчинения. Нет оснований утверждать какое-то «рковое», непреодолимое господство бессознательного над сознанием, о чем так много писалось и пишется всякого рода мистики; но не следует думать, что роль бессознательного в работе нашего мозга незначительна, случайна, не имеет особого значения (поэтому термин «подсознание», наверное, нельзя назвать удачным; слово «бессознательное» лучше отражает суть вопроса).

Чего только не говорится об интуиции. Ее называют и «озарением», и «наитием», «предчувствием» и особым «чутьем»... Даже люди, стоящие на твердых материалистических позициях, нередко подчеркивают ее необычность, загадочность.

Многие выдающиеся умы человечества подчеркивали большое значение интуиции в их творчестве. Об этом писали Гете и Эйнштейн, Гаусс и Пуанкаре, Шиллер и Додэ... Рассказывая о том, как он писал многие стихотворения, Гете признавал: «Заранее я не имел о них никакого представления и никакого предчувствия, но они сразу овладевали мною и требовали немедленного воплощения, так что я должен был тут же, на месте, непрозойно, как лунатик, их записывать».

В оценке интуиции всегда легко увидеть, на каких мировоззренческих позициях находится человек. Если интуиция преподносится как озарение свыше, как необъяснимая законами природы способность постижения истины, можно не сомневаться — отсюда прокладывается дорога в мир иллюзий, и надо сказать, что именно в этой области психики, в неожиданных, ярких свершениях и открытиях, во внезапном творческом озарении, для защитников ирреальных сил находились такие факты, объяснить которые многие века не представлялось возможным. Рассекречивание естественно научных основ мышления началось только сейчас.

Многое еще прячется за семью печатями. Нам почти неизвестен, во многом не понятен механизм интуитивных решений, но уже нет того отношения, когда все, связанное с интуицией, отвергалось без изучения и таким путем отдавалось на откуп мистикам.

А то, что мы уже знаем о работе подсознания, говорит нам об одном: озарения не сваливаются к человеку с небес. Интуиция теснейшим образом связана с ранее приобретенными знаниями и навыками, с накопленным опытом и логикой мышления, то есть с вполне сознательными психическими процессами.

Только на такой основе могут рождаться в голове светлые мысли — порой совсем неожиданно, скажем, во время отдыха, а не тогда, когда ученый, писатель или изобретатель обдумывает свою проблему, сидя за рабочим столом.

Такие находки ума говорят лишь о том, какую большую роль могут порой играть в нашей жизни мыслительные процессы, протекающие в подсознании. И чем больше у человека знаний, опыта, тем чаще могут возникнуть у него правильные интуитивные решения.

Можно проиллюстрировать эту мысль одним примером. Механик перед вылетом звена самолетов проверил работу двигателей и дал «добро». Однако едва летчики поднялись в воздух, как его вдруг охватило какое-то смутное волнение. С тревогой он стал думать об одном из трех самолетов. И действительно, скоро этот самолет сделал вынужденную посадку с неисправным мотором. Если поверить в мистическое предчувствие, то можно сделать вывод, что тут и в самом деле не обошлось без предупреждения свыше. В действительности все объяснялось просто. В работе двигателя одного из самолетов опытный механик уже при проверке уловил какие-то неполадки. Но признаки этих неполадок были настолько незначительны, что до сознания механика они не дошли, а были уловлены подсознательно, и через короткое время его мозг довел до сознания мысль о том, что с двигателем не все в порядке. Мысль эта была настолько неформальной, что породила необъяснимое беспокойство.

Хочется привести еще одно высказывание об интуиции, на этот раз человека особой, редкой и опасной профессии. Речь идет о советском разведчике, полковнике Г. Леонове, воспоминания которого печатались в 1970 году в «Неделе». Там же было опубликовано его интервью с сотрудником «Недели» А. Евсеевым.

Вот отрывок из этой беседы:

— ...Я больше доверяю личным ощущениям, чем тому, что написано в анкетах и характеристиках. Я очень упорен в своем мнении о людях и, если уж составил его о человеке, изменить его может только он сам. И больше никто. Как бы мне его ни расхваливали. Или, наоборот, ни ругали.

— И вы уверены в непогрешимости своей интуиции?

— На девяносто процентов. И не вижу в этом никакой мистики. Я убежден, что, когда наука всерьез займется этой проблемой, интуицию сведут к каким-то подсознательным процессам, которые протекают в нашем мозгу, не отражаясь в сознании, не фиксируясь в памяти, но предсудостительно накапливая в ка-

кой-то клеточке нужную информацию, о существовании которой мы и не подозреваем. В нужную минуту мозг услужливо выплеснет ее, предостерегая нас об опасности... Для разведчика очень важна хорошо развитая интуиция...

Нет слов, полковник Леонов прекрасно понимает значение интуиции в работе человека, каждый неосторожный, непродуманный шаг которого грозит провалом.

...Еще не так давно считалось, что человеческого мозг разбит на княжества, и каждое из них отвечает за определенную функцию. «Ныне это мнение оставлено», — говорит директор Института экспериментальной медицины академик АМН СССР Н. Бехтерева. — Наш орган мышления, видимо, работает как сопряженная, согласованная система. В каждом акте, в каждом решении принимают участие многие его части, множество клеток... Возникает вопрос: что же происходит в такой сопряженной системе, если где-то проскальзывает ошибка, случается сбой? Подходы к ответу на вопрос намечает интересное исследование молодого сотрудника нашего института В. Речина. Больного с вживленными электродами просили выполнить какое-нибудь несложное задание. Например, запомнить и воспроизвести набор цифр или слов. Неожиданно обнаружилось, что во время неправильного исполнения задания определенная группа клеток начинает проявлять активность. Попавший в них электрод точно доносил об их состоянии».

Выходит, что в нашем управляющем центре есть некий детектор ошибок, который предупреждает другие отделы мозга: «вы поступаете неправильно!» И такое предупреждение, по-видимому, идет от глубинных участков мозга, минуя наше сознание. Не отсюда ли рождается убеждение, что человеку иной раз об ошибочном шаге говорит его внутренний голос?

Вот и здесь научные поиски обнаруживают в таинственном явлении вполне материальные причины.

Кстати, о существовании детектора ошибок свидетельствуют и житейские факты. Многие люди, близкие к природе, прекрасно ориентируются даже в незнакомых местах. Индейцы Южной Америки, например, никогда не стремятся запомнить дорогу домой в джунглях. В определенное время они решают, пора возвращаться — и, не блуждая в лесу, выходят к своим хижинам. Можно думать, им помогает в дороге детектор ошибок.

А закончить наш разговор о тайнах, которые хранит в себе человеческий мозг, мне хочется невыдуманым рассказом, который я получил от читательницы журнала «Наука и религия» еще в 1966 году. Вот его содержание:

«Хорошо погожим осенним днем посидеть в Летнем саду моего родного Ленинграда. Пахнет свежестью и прелым листом. Причудливые тени полуобнаженных ветвей то чертят замысловатые узоры на дорожках, то пропадают, когда солнце прячется за облако.

Утром и днем в саду особая публика: бабушки с внуками, дети с мамами и сестрами. Детство, молодость и старость — вечные ступени восхода и заката всего живого...

Печать одиночества, сожаление об отлетевшей юности не оставляют мою душу. Когда-то времени не хватало — его поглощали работа, семья, развлечения. Теперь его некуда девать. Умирать вроде страшновато, но жить скучно, ты уже никому не нужен. Холод равнодушия, пессимизм гасит все краски жизни...

Однажды привелось мне встретиться в саду с человеком приблизительно моего возраста. Он сидел на той же скамье, что и я, и читал книгу. Высокий и худощавый, он вызывал у меня чувство легкой зависти — слишком резко контрастировала с ним моя не в меру расплывшаяся фигура.

Заметив мой взгляд, он обернулся ко мне:

— Занятая книжка попалась! «Кибернетика внутри нас». Не читай!

— Не приходилось.

— Сколько новых теорий, открытий, изобретений при жизни одного поколения! Колоссальный прогресс! — увлеченно заговорил он.

— Научный прогресс большой, спорить не приходится. Но стал ли человек лучше? — ответила я. — Думаю, вряд ли.

— А в этом наша общая вина. Кстати, позвольте представиться: Олег Васильевич Писаржевский.

— Очень приятно, — я тоже назвала себя. — Но я с вами не соглас-

на и вину за малый моральный прогресс на себя не принимаю. Жизнь свою, скажу без лишней скромности, прожила честно, трудилась не жалея сил. Мы с покойным мужем вырастили неплохих сыновей, так что перед обществом я не в долгу.

— А скажите откровенно, ваши мысли и чувства были так же честны и чисты, как и дела? — серьезно спросил Олег Васильевич.

— Ну за это не поручусь, — смущенно улыбнулась я. — Всякие бывали и чувства и мысли.

— Значит, в какой-то мере перед обществом вы все же виноваты! Задумывались ли вы когда-нибудь о том, что такое мысль, и сидит ли она пленником в нашей голове, или способна, как птица, улетать на все четыре стороны?

— Что же, мысль — результат деятельности мозга...

— О другом речь. Способна ли мысль передаваться и приниматься? Вот какой вопрос. На этот счет есть немало теорий. Нам этого не решать, но принимать то или иное объяснение не возбраняется. Так вот, лично я на основании своего жизненного опыта твердо уверился, что мысль иногда сознательно может быть направлена к определенному лицу, но чаще всего это происходит незаметно для ее хозяина и того, кто ее улавливает. Мне нравятся слова, не помню какого философа: «Ни одна мысль, ни одно чувство, ни одна мечта не пропадают бесследно».

— Вы имеете в виду телепатия? — с легкой иронией спросила я.

— По-моему, это слово больше подходит к редким случаям мысленного извещения о смерти или опасном положении близкого человека. Я имею в виду несколько иное.

Если мысль вещественна и местопребывание ее не ограничено черепной коробкой, то представляете, что творится вокруг нас, хотя не видимо, но вполне реально? Это тоже среда нашего обитания, как воздух, и мы все в ответе, если загрязняем ее злыми, низменными мыслями...

Мы помолчали.

— Теперь, я надеюсь, вы согласитесь, что всякий человек ответствен за свои мысли и чувства?

Я неопределенно пожала плечами.

— Народная поговорка гласит: «Слово не воробей — вылетит, не поймаешь». Не в меньшей степени относится это к мысли. Она, как эстафета, передается от мозга к мозгу. В этом секрет общественного мнения, психологии толпы, возбуждения и восторга на стадионах, в зрительных залах, где переживания и наслаждения одного мимежата и усиливаются всеми.

— Для меня эти предположения новы. Если это так — как же усложняется тогда жизнь, как сильна от-

ветственность каждого за всех, Страшно становится!

— А во мне эти предположения, вернее, мое убеждение, пробуждает новый интерес к жизни. Мне дорого сознание, что мои знания, опыт и теперь, и после моей смерти будут жить в умах тех, кто настроен на одну волну со мной. Мои усилия честно мыслить, оказывается, не только мое личное дело — это работа для всех.

— Вы оптимист и хороший человек, Олег Васильевич. Но если смотреть не в розовые очки на то, что творится во всем мире, то для оптимизма нет основания. Буйство ненависти и пороков в действии и мыслях — есть от чего прийти в отчаяние.

— Ну-ну, не пугайте и не пугайтесь. Не в розовые очки, а незащищенным глазом можно видеть ростки новой морали. Долой старческое брюзжание, пессимизм, равнодушие! Не портите ими психическую атмосферу нашего обитания. Включайтесь-ка в постоянную работу над собой ради всех, — с улыбкой закончил мой собеседник...

Мне было приятно его слушать. Значит, жизнь и для меня, старого человека, не теряет смысла. Я нужна людям, пока могу мыслить и чувствовать».

«Рассказ-размышление», так назвала свое произведение автор Ольга Сергеевна Шматова. Именно размышлением и привлекло меня ее литературное послание.

Размышлением о том, какое огромное значение имеет для всех нас чистота, ясность и величие человеческих мыслей. наших мыслей и взглядов, а, значит, и наших дел!

Что же касается древней веры в возможность каких-то неведомых нам контактов между живыми существами, то эта догадка, наверно, имеет полное право на существование, как любая другая научная гипотеза. Информационные биополя никак нельзя отнести к явлениям надприродным. Но это уже тема другого разговора.

Фарли ищет руду

Рисунок
Н. Лазаревой

Среди множества специальностей собачьего племени профессия геолога — самая редкая. Она появилась лет пятнадцать тому назад, когда финский профессор Кахма приучил свою овчарку искать медь. У нас в стране работу с четвероногими рудознатоками начали в 1967 году геологи Карелии. Опыт показал, что собаки улавливают запахи руд, лежащих на глубине до 13 метров, а на болоте — еще глубже. Железо, медь, свинец, никель, вольфрам и многие другие полезные ископаемые способны находить они по запаху.

Геологи Мойвинского отряда Игорь Попов и Виктор Алексеев уже несколько лет испытывают собак на поиск полезных ископаемых на севере Урала. Две овчарки — Герда и Райт — и эрдель-терьер Фарли за лето исследовали участки в несколько десятков квадратных километров. Чтобы исследовать такую площадь обычным геохимическим методом, потребовался бы целый год.

Передо мной полевой дневник, который вел Владислав Некрасов, кандидат технических наук, научный сотрудник Пермского политехнического института. Во время своего отпуска он работал в Мойвинском отряде со своим эрдель-терьером Фарли.

Не сразу Фарли освоил новую для себя специальность. Сначала были тренировки на полигоне. В определенных местах в тайге или в горах рассыпали рудный порошок, и собака должна была найти эти точки. И на испытаниях, и потом в работе Фарли показал себя способным «геологом».

С разрешения Владислава Некрасова я познакомлю читателей с этими дневниковыми записями.

Алексей ДОМНИН

Характеристика Фарли.

Темперамент спокойный, уравновешенный, не склочный. Вместе с тем эмоциональный тип, сильно переживает, когда, по его мнению, с ним поступили неправильно. Любит ласку, но не навязчив. К людям относится благожелательно, к собакам заинтересованно, но не агрессивен и не труслив. Бойтся комаров и ненавидит мух...

8 августа

Ходили по вечерней трассе. Хотел проверить, насколько Фарли проявляет самостоятельность в поиске. Он успешно это продемонстрировал. Сам находил рудные места и садился на них без дополнительной команды. На полигоне № 2 пропустил две точки: заела мошки.

9 августа

Ходили по большому кольцу около трех часов. Всего на этой трассе 15 контрольных точек рудного порошка. Фарли ориентировался вполне самостоятельно, указал все пробы. Выгнал двух тетерок и погнался за ними. К дичи проявляет явно большую заинтересованность, чем к руде. Запах руды ему скучен, неинтересен, но приходится указывать, раз об этом просят...

11 августа

Пройден настоящий рабочий маршрут, в котором получена запаховая информация о трассе. На профиле 34 произошло непредвиденное. Фарли стал отличать точки с большой частотой на расстоянии 10—15 метров. На участке в несколько десятков метров, только встанет, сразу снова садится. При этом нюхал воздух в 10 сантиметрах от земли, проявлял сильное беспокойство, ходил кругами. Судя по всему, здесь непрерывная запаховая аномалия. Взяли несколько проб почвы из этих мест, чтобы проверить путем химанализа.

12 августа

Фарли часто указывает зоны своим поведением, слегка поджимает хвост, в особенно сильно пахнущих местах ходит на полусогнутых лапах, часто садится, иногда ложится... Фарли начинает приобретать профессиональные навыки рудопоисковой собаки.

20 августа

Фарли отметил посадкой шесть точек. Геолог Кириленко занес их местоположение на схему с координатами в шагах. Когда потом сравнили со схемой положения точек, отмеченных ранее Гердой, то оказалось, что обе схемы совпадают. Это доказывает объективность способа и демонстрирует квалификацию собак.

30 августа

Таким образом, при помощи Фарли исследована вся запланированная площадь. Поставленная задача выполнена.

СЕЗОН ТУ

Повесть

Только теперь он понял, как непроста была его задача. Корабль раскручивал четвертый виток над экватором, а в оптических системах по-прежнему тянулась то фиолетовая, то рыже-зеленая полоса непроницаемых лесов...

И тут ему по-настоящему повезло. Одна из редких случайностей, которые выпадают на долю тех, кто не сидит сложа руки. Прямо по курсу в разрывах леса на солидной пропелсине, желтой или даже, скорее, коричневой, он увидел город. Увидел настолько ясно, что не оставалось никаких сомнений — это именно город, построенный людьми. И хотя скорость была все-таки слишком велика и город мелькнул в телескопах всего на какую-то долю секунды, он уловил в его облике что-то тревожное. Он не мог с уверенностью сказать, что именно. Пришлось ждать следующего витка. Ротанов еще больше снизился, вокруг корабля теперь то и дело вспыхивали сполохи раскаленных газов. Они мало беспокоили Ротанова, потому что обшивка была рассчитана не на такие температуры, вот только сильно мешали наблюдениям.

МАНОВ

**Евгений
ГУЛЯКОВСКИЙ**

Рисунки
Е. Стерлиговой

Как только впереди показалась знакомая пропеллина, рука механически потянулась к тумблеру фиксатора, и, конечно, он не услышал стрекота кинокамер — все никак не мог привыкнуть к тому, что на корабле не работает автоматика. Он вглядывался так, что на глазах выступили

слезы. Город промелькнул и исчез. Лицо Ротанова посуровело и будто окаменело. Этого он не ожидал: город покрывали сплошные развалины... «Помощи не дождались, помощи не дождались...» — звучали в ушах слова сообщения. Пятьдесят лет они ее ждали — и не дождались.

Евгений Яковлевич Гуляковский родился в 1934 году. Окончил геологический факультет Кишиневского университета, работал в северо-восточном Казахстане участковым геологом, затем — начальником отряда. Позже учился на Высших киносценарных курсах. По сценариям Е. Гуляковского поставлены фильмы о геологах «Горная станция», «Над пустыней небо».

В 1962 году выпустил первую книгу — приключен-

ческую повесть «Украденный залог», которую высоко оценил Н. А. Ефремов, рекомендовавший молодого автора в Союз писателей. Повести и рассказы Е. Гуляковского («Планета для контакта», «Тень Земли», «Запретная зона» и другие) печатались в «Мире приключений», в журналах «Знамя», «Искатель».

В нашем журнале публикуется впервые.

Все было напрасно — их ожидание, его полет... Он опоздал. Что здесь произошло? Эпидемия? Война? Стихийное бедствие? Теперь это не имело значения: с вышедшим из строя компьютером на Землю не вернуться... Выбора у него нет, на следующем витке придется садиться поближе к городу, потому что если кто-то и уцелел, то искать их нужно именно в городе. По опыту он знал, что поселения людей на чужих планетах всегда концентрировались в одном месте...

Сел он километрах в двадцати от города, на той самой рыжей проплешине. Пыль от посадки заволокла все вокруг и окончательно испортила небольшой обзор, который давала оптика. Ротанов выключил реактор, перевел в режим консервации все энергетические системы корабля. Теперь оставалось ждать, пока оседет пыль. Если в городе кто-то уцелел, он не мог не заметить его посадку.

Он должен вернуться вопреки всему... Не бывает так, чтобы большие колонии погибли полностью даже во время серьезных катастроф. Они начнут все сначала, если нужно, построят заводы... На корабле достаточно механизмов... Пусть это потребует немало лет, через полгода — если он не вернется в этот контрольный срок — сюда прилетит Олег, а вместе они как-нибудь с этим справятся, только бы здесь уцелели люди...

Когда пыль рассеялась, рядом с кораблем стоял какой-то странный продолговатый экипаж. И два человека... Один оставался за рулем, другой ждал у открытой дверцы и, казалось, не проявлял ни особого нетерпения, ни даже интереса к кораблю... Ротанов растерялся. Он ожидал увидеть все, что угодно, но только не этот прозаичный экипаж с двумя сопровождающими. «Похоже, за двести лет они не очень соскучились... Или вообще забыли, что такое Земля!» Он наблюдал за ними в перископ минут пять: полное отсутствие любопытства. Даже не переменили поз...

Ветер нес от города к кораблю облако рыжей пыли. Этот экипаж, облако пыли и два человека выглядели слишком буднично, слишком по-земному... Казалось, не было ни пространственного перелета, ни чужой планеты, ни двухсот лет, отделявших его от этих людей... Ротанов вздохнул, расстегнул замки скафандра и пошел к выходу.

Дверь шлюза бесшумно ткнулась в мягкую почву. Те двое так и не сдвинулись с места. Молча ждали, пока он сойдет вниз, и даже тогда не сделали ни шага навстречу, не протянули руки... Настолько забыли обычаи Земли? Ротанов не стал подходить вплотную. Небольшая дистанция могла ему пригодиться.

— Здравствуйте. Моя фамилия Ротанов.

Это звучало глупо, но ничего более умного не пришло ему в голову. Нелепо протекала вся их встреча с самого начала. Важно было услышать, что они скажут в ответ. Может, уже и язык родной планеты забыли за двести лет?..

Нет, язык они не забыли.

— Мы посланы, чтобы вас встретить. Вас ждут. Просим садиться.

— Кто вас послал?

— Координатор Лор Бэрг. Садитесь.

Не слишком ли настойчиво это «садитесь»? А что ему оставалось? Он сел, все еще чувствуя себя слегка оглушенным от этой встречи. Ровные круглые затылки, одинаковая короткая стрижка. Аккуратные голубоватые рубашки при желании можно принять за форму. Оружия, правда, не видно. Впрочем, его не обязательно выставить напоказ. Хорошо, хоть уступили заднее сидение. Он

терпеть не мог, когда в неясных ситуациях вплотную к нему садился человек, которому он не вполне доверял.

Экипаж плавно тронулся с места. По звуку двигателя Ротанов не мог определить принцип его работы — скорее всего, электрический. Если так, то за двести лет они недалеко ушли. А впрочем, даже поселения, имеющие постоянный контакт с Землей, отстают в развитии. У них тут вообще должно быть натуральное хозяйство, все роботы, наверное, постепенно вышли из строя, едва ли они сумели наладить производство запасных частей... Да, в таком случае с компьютером — точнее, с его ремонтом — дела обстоят не блестяще...

Самое странное — их поведение. Сели на переднем сидении и, как ни в чем не бывало, покатались вперед, словно они каждый день подвозят к координатору космонавтов, прибывающих с Земли, и просто не знают, что с ними делать по дороге. Ни одного вопроса. Что это — полное отсутствие любознательности или такая дисциплина?.. Тогда дело плохо. То, что сохранился старый титул координатора, ровным счетом ничего не значит. За этим понятием может скрываться совсем другой смысл.

Неуклюжий экипаж обладал завидной проходимостью. Он пер вперёд без всякой дороги, перепрыгивая через встречные рытвины и кусты. Местное солнце палило нещадно. Его багровый диск занимал добрую четверть горизонта, и, пожалуй, только вид этого непривычного светила напоминал Ротанову о том, где он теперь находится. Дышалось легко, ветерок приятно холодит кожу. «Едем с комфортом. И совершенно ничего нельзя понять», — со злостью подумал он.

— Что случилось с городом? — резко спросил он. Его спутники даже не обернулись.

— Обо всем узнаете у координатора.

— А вы сами не умеете говорить или вам запретили?

— Нам поручено только доставить вас к координатору.

Что ж, оставалось дожидаться, когда экипаж въедет на улицы города. Их внешний вид, лица встречных о многом могли рассказать опытному глазу инспектора, но и тут его ждало разочарование. Экипаж остановился у неказистого строения, напоминающего какой-то сарай, километрах в четырех от города.

— Уж не здесь ли резиденция координатора? — с вызовом спросил Ротанов, не собираясь выходить из машины.

— Нет. Это станция подземной городской магистрали.

Он с трудом поверил своим ушам. Но его не обманывали. Двери сарая распахнулись, и он увидел транспортную кабину... Не такую, как на Земле, но все же и это было слишком для города, состоявшего из сплошных развалин. Кабина оказалась узкой. В ней с трудом поместились три человека. Один из сопровождавших его парней набрал на небольшом диске цифровую комбинацию и нажал кнопку. Пол кабины загудел, потом ее понесло вниз и в сторону. Они двигались минут двадцать. У парня, стоявшего напротив Ротанова, были маленькие, словно приклеенные, усики. Ротанов чуть насмешливо разглядывал его в упор, но тот не обращал на это ни малейшего внимания и ни разу не отвел взгляд. Он словно бы смотрел сквозь Ротанова. В кабине пахло сухой пылью, травой и едва заметно плесенью, словно кабиной очень долго не пользовались.

И вдруг Ротановым овладело острое чувство опасности. Он хорошо знал это почти инстинктивное предупреждение, оно его никогда не обманывало и не раз выручало в трудных обстоятельствах. Двое напротив него не

шевельнулись. Тем не менее должна была быть какая-то вполне реальная, конкретная причина! Он лихорадочно искал ее и не находил и все же был уверен, что интуиция не могла его подвести. Он бы обязательно в этом разобрался, но кабина неожиданно резко остановилась, двери распахнулись, и у него не осталось времени. Так он и не понял, что там могло быть угрожающего — в этой фанерной, тесной, плохо покрашенной кабине.

Они шли через большой двор, отделенный от улицы высокими каменными стенами, словно здесь была средневековая крепость. Вдоль стен росли колючие кусты, совершенно не похожие на земную растительность, и вновь Ротанов невольно подумал, как далеко он от дома... Попадались какие-то кучи железного хлама, обломки камня. Вообще двор выглядел так, будто его никогда не убрали. Они вошли в коридор, и Ротанов постарался сосредоточиться на предстоящей встрече. У него был большой опыт делового общения с представителями колониальной администрации, он знал, какой своеобразный отпечаток накладывает на людей долгая изоляция и слишком большая власть. Разговор предстоял не из легких.

Кабинет координатора Бэрга выглядел по-спартански просто. В нем вообще ничего не было, кроме стола, двух стульев и самого Бэрга. Стиль спартанской простоты редко сопутствовал людям, разрабатывавшим бесконтрольную власть, да и сам Бэрг мало походил на диктатора. Это был круглолицый жизнерадостный человек, пожалуй, чуть слишком простоватый для того, чтобы безоговорочно поверить в эту его простоту. Он вышел из-за стола навстречу, но руки не подал, — скорее всего, этот земной обычай был здесь не в ходу, — однако во всем остальном Бэрг просто излучал любезность. Он усадил Ротанова, достал из ящика стола бутылку какого-то прохладительного напитка и, когда Ротанов отказался, с видимым удовольствием опорожнил подряд два стакана. Казалось, что он никак не торопится и безмерно рад новому собеседнику.

— Вот уж не ждали! Корабль с Земли — через столько-то лет! Как же вы долетели?! Неужели специально решили нас навестить? Или это, так сказать, вынужденный визит?

Глаза его хитровато щурились, и Ротанов почувствовал прилив раздражения, может быть, от того, что устал за эту долгую и нелегкую дорогу. К тому же сильно хотелось пить, и он жалел, что отказался от предложенного стакана.

— Земля получила часть вашего радиосообщения, в котором вы просили о помощи, — устало сказал Ротанов, все еще не зная, какого стиля придерживаться в разговоре с этим человеком.

— Что вы говорите?! Надо же... Но это было так давно! Пятьдесят лет назад. С тех пор многое изменилось. Боюсь, что вы зря проделали столь долгий путь.

— Вы хотите сказать, что вас не интересует ни Земля, ни контакт с нею?

Видимо, Бэрг понял, что несколько переиграл. Он перестал бегать по кабинету, сел за стол и с минуту молчал, растирая ладонями свою лысую шишковатую голову. Потом заговорил совершенно другим тоном, словно перед Ротановым очутился другой человек.

— В течение двухсот лет Землю не интересовала наша судьба. Мы давно стали самостоятельным обществом и не считаем себя ничем обязанными Земле. Планете, с которой расстались в свое время навсегда. Ваш, так сказать, дипломатический визит несколько запоздал.

— Он мог бы стать не только дипломатическим. Уверен, что у вас возникло немало трудностей. Надеюсь, вы не будете это отрицать?

Бэрг промолчал, и Ротанов подумал, что беседа становится все более сложной.

— За это время Земля накопила большой опыт по освоению новых планет, у нас есть соответствующая техника, знания, и многие ваши проблемы давно уже решены.

— То есть вы хотите меня убедить, что через двести лет, несмотря на расстояние, Земля решила протянуть нам материнскую руку помощи?

— Давайте поговорим откровенно. Что тут стряслось? Эпидемия? Война? Почему разрушен город? Сколько людей осталось?

— Нет. Так дело не пойдет, — Бэрг отрицательно покачал головой. — Сначала я должен все узнать о цели вашего визита, о возможностях, которыми вы располагаете. Поймите меня правильно. За вами стоит колоссальная мощь Земли, за мною — только горстка усталых людей, мечтающих лишь об одном: чтобы их оставили в покое. Поэтому ваш призыв к откровенности не совсем корректен.

Ротанов почувствовал, что разговор окончательно зашел в тупик. Давно нужно было сказать о том, что расстояние перестало быть проблемой и что Земле нужна здесь база, не такая уж и сложная техническая база, для ремонта этих проклятых компьютеров, которые выходят из строя при проколе пространства... Тогда у них пошел бы совершенно другой разговор. Но что-то его все время удерживало, мешало говорить откровенно. Что же это было? То самое непреходящее ощущение опасности, возникшее еще в кабине подземки, или что-то другое? Слишком много странного было в их встрече. Слово он попал куда-то в другое место... Не к людям, двести лет ждавшим помощи, еще полвека назад просившим о ней...

— Ну, хорошо. Допустим, я согласен. Готов первым ответить на любые ваши вопросы. Начинайте.

— У меня не так уж много вопросов. Цель визита?

— Принят сигнал. Нас просят о помощи. Решили выяснить, что случилось.

— Не убедительно. Пятьдесят лет полета только в одну сторону. В лучшем случае вы бы послали автоматический транспорт.

— Но Земля решила послать инспектора! Не транспорт, а инспектора с определенными полномочиями. То есть меня. И, в конце концов, вам придется ответить на все мои вопросы!

Он тут же пожалел, что сорвался, но было уже поздно. Бэрг задумчиво покачал головой.

— Вот это уже ближе к истине. С этого нужно было начинать. С ваших полномочий, с силы, которая за вами стоит.

— Не будем спорить. Каким образом могу я получить интересующую меня информацию?

— Боюсь, я сейчас не готов к беседе в подобном аспекте. Да и вам не мешало отдохнуть с дороги. Она ведь была не близкой. Пятьдесят лет, а выглядите вы всего на сорок, недурно сохранились, — Бэрг вызывающе улыбнулся.

— Послушайте, координатор, я ведь все равно выясню все, что меня интересует.

— Никто не собирается вам препятствовать. Конечно, и на помощь с нашей стороны вы не можете рассчитывать. Все наше небольшое преимущество в данный момент состоит как раз в том, что на Земле не знают некоторых обстоятельств. И мы стараемся сохранить это положение как можно дольше.

— Ну хорошо. Тогда еще один, последний вопрос. Кого вы здесь представляете? Какую часть общества?

Бэрг не торопился с ответом, но было видно по напряженному взгляду, что он решает нелегкую задачу.

— Я представляю, как принято говорить в таких случаях, подавляющее большинство нашего общества. Примерно девяносто шесть процентов. Но вам это ничего не даст. Сила, которой пропагандирует противостоящая нам группа людей, ничтожна. Впрочем, у вас будет возможность лично убедиться в моей правоте. Как я уже сказал, вам не будут препятствовать в получении информации. Я прошу вас подождать всего один день.

На этот раз Ротанова даже не вывели во двор. Коридор в том же самом здании, ощущение жаркой духоты и сознание ошибки. Он проиграл по всем пунктам этому ловкому администратору. Не удалось выяснить самого главного — существует ли принципиальная возможность для создания базы? Не в Бэрге же дело, в конце концов, с Бэргом он как-нибудь справится. Лишь бы у них сохранились достаточные производственные мощности, чтобы наладить выпуск хотя бы простеньких компьютеров и автоматов, способных управлять кораблем в режиме перехода... Неважно, если они не смогут вывести корабль точно к Земле. Его засекут наблюдательные станции на любой из освоенных планет, выйдут навстречу патрульные корабли... Лишь бы пробиться сквозь безмерную толщу пространства, вставшую между ним и Землей... А что касается Бэрга... Одного координатора, пожалуйста, все-таки не учел,— того, что передышка, однодневная отсрочка в их переговорах выгодна прежде всего именно ему, Ротанову. Потому что, даже находясь в полной изоляции, он многое узнает к их следующей встрече. Гораздо больше, чем мог бы себе представить этот Бэрг...

Комната, в которой его поместили, оказалась просторной и даже с окном. Ротанов заметил, что окон они здесь не любят. Во всяком случае, в кабинете координатора окна не было, а освещался он сверху, через стеклянную крышу.

Окно закрывала толстая стальная решетка. Хорошо, хоть декоративная. С литыми украшениями. Услышав, как щелкнул дверной замок, Ротанов усмехнулся. Вряд ли они догадывались, что он пробудет здесь ровно столько, сколько сам найдет нужным. Если понадобится, он разогнет эти прутья и даже разорвет. Конечно, стрессовое состояние, вызванное самогипнозом, никогда не проходит бесследно, но если очень уж понадобится... Ладно. Это не к спеху. Один день можно подождать. Он подошел к окну и внимательно осмотрел двор. Ничего нового. Разве что крыша очень старого здания виднелась из-за забора. Когда-то ее покрывали листья лирона, а теперь пластик весь покоребился, съезжился грязными рваными валками. Для этого нужна была солидная температура. Градусов двести, не меньше... Однако здесь у них бывает жарковато...

Он отошел от окна и внимательно осмотрел комнату. Толстые стены — полметра камня. Что они, осаду здесь собираются выдержать? В комнате не было никакой мебели, ничего лишнего. Кровать с тощим матрацем, прикрепленный к полу стул, столик с дымящимся ужином. Они старались быть по возможности вежливы. Ну что же, попробуем разобраться в этом ужине.

Внимательно осмотрел посуду и пищу. Пища говорила, как он и предполагал, о натуральном хозяйстве и отсутствии развитой пищевой индустрии. Посуда тоже, несомненно, кустарного изготовления... Ему пришлось напомнить себе о скоростных подземных магистралях. Как-то одно с другим не вязалось... Есть он не стал. Завтра

потребуется доставить корабельные консервы и все его личные вещи, а пока лучше подождать...

Ротанов почувствовал, как непроизвольно напряглись мышцы спины. Кто-то за ним наблюдал. Он никогда не ошибался в этом ощущении. Медленно, стараясь ничем не выдать своего открытия, повернулся. В стенах ни единой щели. Такая же дверь... Тогда он закрыл глаза и постарался сосредоточиться. За ним определенно наблюдали. Он решительно подошел к противоположной от окна стене, постучал по ней пальцем. Стена ответила глухим тяжелым звуком. Сплошной камень, так же, как и у окна. Все же это здесь... Он внимательно осмотрел стену. Чуть выше головы отстал кусочек штукатурки. Едва заметно отстал. Стены давно не ремонтировали, кругом мелкие трещинки, подтеки. И все же его заинтересовал именно этот кусочек штукатурки. Ротанов осторожно подцепил его ногтем. Под ним было маленькое углубление, не шире вязальной спицы. Оптический датчик, притаившийся в нем, оказался совсем крохотным. Ротанов с трудом выковырнул его из отверстия. Нисколько не беспокоясь о том, что об этом подумают, он разорвал тоненькие проводнички, уходившие от датчика в стену, и, зажав в ладони драгоценную находку, медленно прошел к столу. Он едва сдерживал радость, потому что это был такой подарок, на который он даже не смел рассчитывать... Ротанов разжал ладонь. Да, все правильно. Там не было никаких световодов. Устройство не больше спички содержало в себе оптический интегратор, превращавший световой поток в систему электрических импульсов. Нечто вроде крохотной телекамеры. Это «нечто» и было для Ротанова самым важным. Колония располагала совершенным электронным оборудованием, и не просто располагала таким оборудованием, но могла его производить, потому что датчик был местного производства. Такое узко специализированное устройство не могло входить ни в один экспедиционный комплекс, к тому же небольшой срок службы подобных миниатюрных устройств говорил сам за себя — его сделали здесь и недавно. А из всего этого следовало, что теперь проблема ремонта корабельной электроники перестала существовать, и все сразу упростилось, стало почти банальным. Договориться тем или иным путем с этими людьми он всегда сумеет. «Ну что тут у них, диктатура? Рабовладельческое общество? — почти весело думал Ротанов. — Не верю я в это. Люди двадцать второго века не могли до этого докатиться, и даже если предположить самое худшее, все равно в любом человеческом сообществе всегда есть противоборствующие течения. Эти самые «четыре процента» стоит поискать, и я найду тех, кто захочет мне помочь. И раз теперь известно самое главное, принципиальная возможность такой помощи, то беспокоиться просто не о чем. Срок у меня достаточный. Из шести месяцев я пока что израсходовал всего три дня...»

Ротанов лег на кровать, все еще сжимая в руке свою находку. Он заснул почти сразу, спал глубоко и во сне продолжал улыбаться.

Ему снились непрерывные кошмары. В конце концов Ротанов проснулся, но неприятное, похожее на удушье ощущение осталось.

Он слышал, как за темным окном шумит дождь. В комнате было прохладно и сыро. Постарался вспомнить сон. Что-то липкое и вонючее душило его... Потом он куда-то падал. Пытался всплыть с большой глубины, рвался наружу, к поверхности, и все время задышался от недостатка воздуха. Даже сейчас тело покрывала лип-

кий пот. Впрочем, так всегда бывает на новой планете, пока не привыкнешь к новому климату. Адаптация. Правда, с удущем что-то уж больно реально, словно он в самом деле едва не задохнулся.

Ротанов поднялся. Все тело ломало, как после продолжительной болезни. Медленно прошел к окну. Был тот ранний предрассветный час, когда в небе уже можно уловить первые отголоски будущей зари, приглушенные унылым дождем. И еще туман... Он заполнял весь двор белесой мглой, подкрался к самому окну. На секунду Ротанову показалось, что белые полотнища у самой решетки дрогнули, когда он приблизился, и отползли дальше. Не хватало только галлюцинаций. «Надо будет сказать, чтобы с корабля принесли аптечку. Прививки — прививками, но я что-то совсем расклеился...» Постоял у окна минуты три, вдыхая сырой промозглый воздух и постепенно приходя в себя. Потом снова лег. Остаток ночи прошел спокойно. Проснувшись утром, с трудом вспомнил ночные кошмары.

В окно светило бешеное огромное солнце, не было даже намека на дождь. Может быть, он ему приснился вместе с туманом? Ротанов еще раз выглянул в окно. Под самым карнизом темнела узкая полоска влажной почвы; значит, дождь ночью все-таки был... Он пригладил волосы, растер лицо носовым платком, потом решительно постучал в дверь.

Туалет вместе с мывальником и набором бритвенных принадлежностей оказался в соседней комнате. Побрившись, Ротанов почувствовал себя более уверенно, и почти сразу его провели к Бэргу.

На этот раз Бэрг казался чем-то озабоченным. Он не стал тратить время на дипломатические любезности и сразу же перешел к делу.

— Я хочу сделать вам вполне конкретное предложение, но прежде мне нужны некоторые сведения. Они носят, так сказать, чисто теоретический характер, и, я думаю, вы сможете ответить на мои вопросы без всякого риска.

— Давайте попробуем,— ответил Ротанов, улыбувшись.

— Предположим, вы, вернувшись на Землю, сообщите, что наша колония полностью погибла. Какая-нибудь эпидемия... Вам подберут вполне убедительные материалы... Но что за этим последует? Будет ли организована еще одна экспедиция? Или Земля этим удовлетворится, и нас оставят в покое?

— Трудно сказать... Какое-то время вы, конечно, получите. Но почему вы решили, что я соглашусь на подобную фальсификацию?

— Об этом позже. Давайте сначала рассмотрим второй вариант. От вас никаких известий. Вы ведь можете не вернуться. Несчастный случай на планете или неполадки с двигателем. Неисправность компьютера... Мало ли что?

— Вы осматривали корабль?

— Корабли всегда осматриваются после посадки. Таковы старые правила, и мы не считали нужным их изменять. А вы, что, против досмотра?

Это была правда. Досмотр прибывших кораблей, их технический и медицинский контроль — действительно общепринятая вещь в любой колонии, и спросил Ротанов об этом скорее для того, чтобы выяснить, что они теперь знают...

— Нет, я не против досмотра. Продолжайте.

— Естественно предположить, что через какое-то время будет послана вторая экспедиция. Как велико это время?

— Мне кажется, оно не будет слишком велико.

— Я так и думал. Ну, а если не вернется и вторая экспедиция, что тогда?

— Тогда, скорее всего, сюда вышлют эскадру специально оснащенных кораблей, с которой вы уже ничего не сможете сделать.

— Я так и думал... Постарайтесь меня понять. Вы никому здесь не поможете. Никто и не просит вас о помощи. Никто в ней уже не нуждается. Сообщение, которое вы получили, давно устарело. Сейчас вас просят только об одном — не вмешивайтесь, оставьте нас в покое, хотя бы на время. Поверьте мне, лучше всего, если вы улетите, приняв мое предложение.— В голосе Бэрга звучала неподдельная горечь. Он словно понимал уже всю бесполезность этого разговора и предвидел все, что последует дальше. Почему-то Ротанов не сомневался в его искренности. Наверное, из-за этой горечи.

— Для кого лучше?

— Что? — не понял Бэрг.

— Для кого лучше, если вас оставят в покое? Для вас лично? Для всех колонистов? Для кого?

— Прежде всего — для землян.

— Вот как... Ну земляне в состоянии позаботиться о себе сами.

— Прежде всего — для землян,— настойчиво повторил Бэрг.— Потом уже для нас. Большого я не могу сказать, и вы мне, конечно, не поверите. Вы сейчас броситесь все вынюхивать, выворачивать наизнанку, инспектировать. И пройдет немало времени, пока поймете, что я был прав. Но тогда уже будет поздно... Скорее всего, вам не позволят получить никаких сведений.

— Почему бы вам не попробовать еще один вариант?

— Какой же?

— Поверить в мою доброжелательность. Позволить самому во всем разобраться, самому решить, как поступить. Может быть, я и соглашусь с вашим предложением.

— Наверное, я бы так и поступил. Собственно, вчера так и собирался сделать. Но с тех пор кое-что изменилось. Я убежден, что, получив все данные, вы все равно не сможете правильно их понять. Это неизбежно.

— Мы все время ходим вокруг да около. По-моему, наша беседа давно потеряла всякий смысл.

— Ну что же... Я вас не задерживаю. Жаль, что нам не удалось договориться. То, что последует теперь, будет одинаково трагично для всех. Для вас, для нас, для всех людей. Я вас не задержу, и вы выйдете отсюда, если вам повезет. Это уже будет зависеть не от меня. Но даже если вам повезет...

— Мне повезет.

— Тем хуже, потому что тогда вы сделаете все, чтобы ускорить прилет следующей экспедиции, и это будет главной ошибкой. Попросту катастрофой. У меня к вам последняя просьба — постарайтесь не спешить с выводами.

— Я постараюсь.

Ротанов стиснул зубы, поднялся и вышел.

С минуту Бэрг задумчиво смотрел ему вслед, потом повернулся к скрипнувшей за спиной внутренней двери. В кабинет вошел высокий подтянутый человек, возраст которого, как и возраст Бэрга, трудно было бы определить даже приблизительно. На моложавом, без единой морщинки, лице поблескивали маленькие, глубоко посаженные глаза.

— Ну что?

— Все очень плохо, Лан. Мне пришлось его отпустить.

— Куда он денется, пусть яхоходит.

— Да нет, ты не понимаешь... Он... Видишь ли, он не поддается воздействию...

— То есть как?! Не было воздействия, и ты его отпустил?!

— Воздействие было, но безрезультатно.

— Это невозможно!

— Выходит, возможно... Может быть, иммунитет. Я не знаю, в чем здесь дело.

— Надеюсь, ты понимаешь все последствия?

— Еще бы... Нам не удастся его использовать. Очень скоро этот человек станет для нас серьезной проблемой.

— Ну, это мы еще посмотрим. Проблему можно попросту устранить.— Он рванул к выходу, но его задержал усталый голос Бэрга.

— Не торопись, Лан. Инспектор с Земли не может исчезнуть бесследно. Вспомни двигатель на его корабле... Боюсь, что его ликвидация только ускорит следующий визит.

— Возможно. Но у нас нет выбора. Надеюсь, ты понимаешь, что будет, если он ускользнет от нас и найдет тех. Что будет, если он узнает?.. И потом, следующий корабль может сесть у них... Нет, Бэрг, убрать его необходимо.

На улице дул сухой ветер. Ротанов стоял, прислонившись спиной к стене дома, из которого только что вышел. Двор лежал перед ним, как огромное пустое ущелье, требовалось определенное усилие, чтобы оторваться от стены и пересечь этот двор. Он еще не понял, почему это так, и потому не спешил. Что-то уж больно легко отпустил его Бэрг и слишком неожиданно. Если вспомнить вчерашнюю встречу, его планы изменились довольно круто... Пожалуй, нужно было потянуть, продолжить дипломатическую игру, собрать побольше информации...

Ну, а он сам? Что с ним такое случилось? Почему он сорвался в кабинете у Бэрга и пошел напролом? Что он там такое почувствовал? Какое ощущение подняло его со стула и повело к двери?

Вдруг он вспомнил руки Бэрга. Они лежали на столе, как два бесполезных предмета, словно бы не принадлежавших хозяину. Кажется, по правому пальцу проползал какой-то жучок, но палец не шевельнулся, не дрогнул, не попытался смахнуть назойливое насекомое... В этом было нечто, заставившее Ротанова на секунду утратить обычную рассудительность, хладнокровие... Он до сих пор не мог подавить в себе ощущение брезгливости и холодного, никогда раньше не испытанного ужаса. Самое неприятное, что он толком не мог разобраться, в чем, собственно, дело...

Наконец, он оторвал спину от стены, совершив над собой почти насилие, и медленно пошел через двор. Сзади что-то неожиданно хлопнуло, и на него посыпалась кирпичная крошка.

Екнуло сердце, и, еще не сообразив, что произошло, Ротанов стремительно бросился вперед и в сторону, за толстую арку ворот. Второй выстрел поднял облако пыли на том месте, где он только что стоял...

Вот, значит, как... Что же, теперь все стало на свои места. Одно оставалось неясным: почему они так долго медлили? Стрелять нужно было гораздо раньше,— когда он шел через двор, а проще было вообще его не выпускать. Что-то у них там не ладилось, не сходилось, не было единого мнения. Они не знали, как поступить, ударились в панику... Он воспользуется этим. И раз уж с первых шагов на этой планете определились его враги, то и друзья тоже найдутся.

Если только удастся уйти отсюда... Они долго медлили, но если впереди, на улице, есть посты, ему не сдобровать.

Солнце по-прежнему низко висело над горизонтом. Оно словно не сдвинулось с места с того момента, как Ротанов проснулся...

Сзади сверкнул ослепительный зайчик, и вокруг, царапая кирпичную кладку, противно взвизгнули осколки. Все: оставаться здесь больше нельзя. Ротанов сжался перед броском, и в этот момент ему навстречу с улицы шыгнул какой-то человек в плотной, облегающей одежде мышиного цвета. Он, видимо, не понимал, что здесь происходит. Растерянно смотрел на Ротанова и нерешительно тянул из футляра на поясе какой-то параллелепипед. Тянул неуверенно, словно не знал, что ему с ним делать. Ротанов ударил его по руке. Человек споткнулся и выронил оружие. Блестящий квадратик упал впереди Ротанова, тот подхватил его и, не останавливаясь, бросился под арку ворот. Над головой свистнуло, в лицо брызнуло каменное крошево. По тому, как был сделан этот выстрел, Ротанов понял: шутки кончились. Он мельком глянул на параллелепипед, зажатый в руке. Это был тепловой пистолет старого образца. В школе их обучали обращаться с музейным оружием и, кажется, не зря... У него солидная мощность, но заряда хватит всего на несколько выстрелов. Придется экономить... Он осторожно выглянул из-за арки. Узкая пустынная улица горбом взбиралась на небольшой холм. Неряшливые низкие стены строений без единого окна убежали в обе стороны. Никакого транспорта, ни одного пешехода. Спрятаться здесь практически невозможно. Дурацкая ситуация, он даже не знает толком, против кого вынужден будет через секунду применить оружие. Кто бы они ни были— убивать он не имеет права, даже если придется защищать свою жизнь. И значит сейчас ему нужно скрыться во что бы то ни стало. Не устраивать здесь баталии, а скрыться. Вот только куда? В противоположной от подъема стороне улица упиралась в грязную сточную канаву с высоким каменным парапетом. На первый взгляд ему показалось, что там не пройти, но, еще раз внимательно присмотревшись, он понял, что если сумеет добежать до перекрестка, то у него появится шанс.

Давно он так не бегал. Ветер свистел в ушах, то и дело приходилось бросаться из стороны в сторону, чтобы не стать мишенью для очередного выстрела. Стрелять они начали слишком поздно, иначе бы ему не сдобровать. И все же нескольких секунд не хватило, чтобы добежать до угла,— пришлось ничком броситься на землю. К счастью, теперь между ним и преследователями оказалась бетонная эстакада, пересекавшая улицу метрах в пяти над мостовой. Он заметил ее сразу, как упал, и тут же понял, что нужно делать. В той стороне улицы, откуда он бежал, уже можно было рассмотреть темные фигуры преследователей,— они жалась к заборам... Ротанов дважды выстрелил, подрезая эстакаду тепловым лучом с обеих сторон. Еще в воздухе она разломилась на несколько частей и рухнула со страшным грохотом, перегородив улицу грудой обломков. Все вокруг заволочило пылью и дымом. Теперь у Ротанова появилось достаточно времени, чтобы незаметно, свернув за угол, перелезть через забор и попытаться укрыться в каком-нибудь строении. Если ему повезет и он сразу же наткнется на жилой дом, возможно, удастся выгадать еще полчаса или час, пока они будут прочесывать улицу в обе стороны, и за это время придумать следующий ход.

Забор был довольно низкий. Спрыгнув на усыпанный ржавым железом двор, он прислонился к стене и не-

сколько секунд стоял неподвижно, жадно хватая ртом воздух. Отдышавшись, двинулся вдоль строения, стоявшего почти вплотную к забору. Одноэтажное длинное здание тянулось бесконечно. Он слышал с той стороны забора крики и топот ног. Но здесь, во дворе, все пока было тихо. Кажется, ему повезло: строение ничем не напоминало жилой дом. Скорее, это склад или мастерская, и, похоже, тут никого нет. Окончательно он в этом убедился, когда обнаружил на широких, как ворота, дверях висячий замок. Это последнее препятствие показало ему непреодолимый, но тут он вспомнил про тепловой пистолет. Не хотелось оставлять следов, однако другого выхода не было, и, сунув ствол пистолета под самую дужку, он направил его вверх так, чтобы не задеть крышу строения. Потом отвернулся и нажал спуск. Вместо хлопка раздалось протяжное шипение: видимо, он израсходовал на эстакаду слишком много энергии. Все же дужка раскалилась почти добела, он подцепил ее куском ржавого железа и разорвал размягченный металл.

Закрыв за собой дверь, Ротанов очутился в темноте. Постепенно глаза привыкли к полумраку: в вентиляционные отверстия под крышей проникало достаточно света. Широкий проход вел от дверей в глубину. По обеим его сторонам до самого потолка высились ряды полок, довольно беспорядочно заставленных гирями ящиков и бочек. На улице Ротанов успел заметить, что весь квартал застроен одинаковыми бараками. Возможно, этот район отведен под склады. Тогда здесь относительно безопасно.

Пахло гнилью и чем-то незнакомым, пряным, как корица. Он думал о том, что хорошо бы найти в ящиках что-нибудь действительно полезное. Оружие или продовольствие, концентраты не требуют для хранения холодильников. Однако самым необходимым в ближайшее время для него станет вода... Кстати, раз тут есть бочки, наверняка в них какая-нибудь жидкость: вполне возможно, что это продовольственный склад... Прямо перед ним на полке стоял контейнер необычной многогранной формы. Словно кто-то вытесал из пластика фигуру около метра в поперечнике для урока школьной геометрии. Ну что же, с него и начнем...

Контейнер оказался неожиданно легким. Ротанов без всякого труда сдвинул его с места и повернул. Нигде не было видно ни малейшей щели или намека на дверцу. Пластмасса отозвалась на стук глухим звонком и оказалась слишком твердой. Нужно поискать тару попроще, решил Ротанов.

Всю правую половину полок заполняли пластмассовые контейнеры, на левой же стояли бочки и ящики из грубых досок. На Земле дерево берегли, здесь же богатая, еще не освоенная планета, по-видимому, позволяла такое расточительство. Склад словно иллюстрировал состояние общества, в котором высокая техника существовала рядом с кустарным ручным трудом.

«Стоп,— остановил он себя.— О состоянии общества пока не будем. Маловато у тебя информации...»

Он решил вскрыть ближайший деревянный ящик, привлекаяший своими размерами. Подцепил крышку все тем же куском железа. Она отскочила сразу, но внутри не было ничего интересного. Тяжелые слитки блестящего металла. Титан, а может, вольфрам... Он перешел к ряду огромных, под стать ящикам, бочек. Из пробитого отверстия медленно, словно нехотя, ползла струя вязкой смолистой жидкости. От нее шел знакомый пряный аромат, который он чувствовал, когда сюда вошел. По-видимому, сок какого-то местного растения. Без анализа пить его нельзя, и Ротанов с огорчением пошел дальше...

Прошло около десяти часов. За это время Ротанову удалось обследовать лишь небольшую часть склада. Ничего полезного он так и не нашел. Здесь не было технических изделий или продуктов сельского хозяйства, одни только упакованные для отправки или длительного хранения минеральные и сырьевые ресурсы планеты. Возможно, ему не повезло. В конце концов, продукцию должны сортировать по отдельным видам, и если это действительно так...

Он вспомнил про тот пластмассовый контейнер, на который наткнулся в самом начале. Необычная тара могла содержать что-нибудь интересное. Правда, он был слишком легок и, пожалуй, пуст... Ротанов осмотрелся. В дальнем углу склада на отдельной полке стоял еще один такой же контейнер. Ротанов подошел к нему, раздумывая, чем можно вскрыть неподатливую пластмассу, и уже протянул было руку, но вдруг застыл на месте.

Что-то там блеснуло, в темноте за ребром призмы. Что-то едва различимое, тоненькое, как паутинка. Но паутины здесь не было. Целые тонны пыли и ни одного паука... Лучше всего оставить этот контейнер в покое... Но если там действительно сигнализация, значит, в контейнере что-то важное, нуждающееся в охране. Ради того, чтобы выяснить, что они считают достойным такой защиты, стоило рискнуть...

Уже через полчаса кропотливой, осторожной работы он уяснил, насколько сложная система прикрывает контейнер. И хоть он не знал общей схемы и даже не пытался разобраться в управляющем блоке, в конце концов ему удалось обнаружить и обезвредить основной узел сигнализации, снабженный многочисленными датчиками тепловых и механических воздействий.

Ротанов осторожно провел рукой по стенке контейнера. Как будто все в порядке, но если он не обезвредил хоть один датчик... Достал тепловой пистолет, подбросил на ладони, словно проверяя вес. Потом приставил к боковой грани и нажал спуск. В пистолете оказалась достаточно энергии для того, чтобы хорошенько разогреть пластмассу. Она, впрочем, не желала плавиться, даже раскалившись добела... К счастью, он повредил механизм запора, внутри массивной стенки звякнуло, и неожиданно толстая крышка на шарнире выскочила наружу, больно ударив его по руке.

Ротанов не спешил. Потирая ушибленную руку, он задумчиво смотрел на контейнер. Ему не нравилась чрезмерная толщина крышки. «Сантиметров двадцать, при такой-то прочности... Похоже на радиационную защиту. Только этого не хватало...» Он вытянул ладонь и быстро провел над крышкой. При большой интенсивности излучения он почувствовал бы тепло, но ничего не было, хотя это ни о чем еще не говорило, потому что все зависело от характера излучения. Наконец, ему надоело топтаться около контейнера. Он уже не сомневался, что влипнет из-за него в неприятную историю, и именно поэтому следовало поторопиться.

Отшвырнув бесполезный пистолет, в котором не осталось уже ни капли энергии, он сунул руку в контейнер сразу по самое плечо. И ничего не обнаружил. Впрочем, нет, на самом дне было несколько округлых и скользких предметов. Он попытался ухватить один из них и сразу же выпустил, ощутив легкое покалывание.

Осторожно, сантиметр за сантиметром, он снова приблизил руку к неизвестному предмету. Сначала покалывание, как от разряда тока, потом рука заныла, а когда коснулась поверхности предмета, он ее уже не чувствовал. Перед глазами все поплыло. Очень неясно, едва заметными контурами, на стены сарая накладывалась ка-

кая-то картина... Чтобы не отвлекаться, он закрыл глаза, и картина стала отчетливой. Комната... Большая комната, залитая солнечным светом, окно распахнуто... И что-то колышется у окна, что-то знакомое, какие-то грязные полотнища... Дым от пожара? Остатки занавесок?.. Онемело уже все плечо. Дальше не стоило рисковать.

Стиснув зубы, одним точно рассчитанным движением он подхватил таинственный предмет и рывком выдернул его из контейнера.

По форме эта штука походила на бутылку Бутлерова, сантиметров двадцати в длину. Она казалась прозрачной и довольно тяжелой. Внутри что-то переливалось. Какое-то жидкое холодное пламя. В такт с его мерцающими переливами Ротанова бросало то в жар, то в холод, все его чувства необычайно обострились. Это был бешеный коктейль из радости, беспричинного смеха, безысходной тоски, острого пряного страха, в голове что-то гремело и грохотало, словно били в древние негритянские там-тамы, казалось, еще секунда, и он не выдержит чудовищного напряжения, а рука намертво вцепилась в эту дьявольскую штуку и не желала разжиматься. Вдруг, словно пройдя через усилитель, в его сознании прогрехотали слова: «Эй, ты! Брось это!» Рука разжалась сама собой, сосуд упал в глубину контейнера. Шатаясь, будто только что выбравшись из-под обвала, Ротанов обернулся. В конце прохода стоял высокий, давно не бритый человек в рваном комбинезоне с тяжелым, блестящим от смазки пистолетом в руках.

Пистолет, направленный в живот Ротанова, медленно двигался, словно отыскивал подходящую точку, чтобы всадить в нее пулю, или чем он там стреляет...

— В чем дело? — как мог острее, спросил Ротанов. — Может, вы сначала объясните?

— Жаль, шума поднимать нельзя, а то бы я тебе объяснил.

— Может, все же поговорим? — предложил Ротанов, не сводя глаз с пистолета.

— О чем можно говорить с синглитом? Лицом к стене!

Ротанов не двигался. Он не собирался терять из виду ствол пистолета.

— Я не синглит.

— Ты повернешься к стене или нет? — Пистолет перестал рыскать из стороны в сторону и замер, словно нашел, наконец, точку, которую искал так долго.

— К стене я не повернусь. Можете стрелять так.

Его противник усмехнулся.

— Первый раз встречаю синглита, который так много говорит. Ладно, можешь не поворачиваться. Иди вперед. Дистанция пять шагов. И запомни, остановишься — выстрелю.

Не следовало перегибать палку, и Ротанов медленно пошел к выходу, надеясь, что, пропуская его вперед, противник допустит ошибку. Но тот отступил в самый конец бокового прохода, пропуская Ротанова, и теперь был у него за спиной. Между тем, нельзя было позволить вывести себя из склада... Ротанов помнил, что в центральном проходе, недалеко от двери, с левой стороны стоял целый штабель тяжелых ящиков. Ящики эти еле держались, и, едва миновав их, Ротанов изо всех сил ударил ногой по нижнему ящику.

Штабель с грохотом рухнул. Противник Ротанова успел увернуться и не выстрелил...

Сейчас их разделяла гора ящиков, можно было спокойно уходить. Склад тянулся метров на семьсот, найти

здесь затаившегося человека практически невозможно. Но Ротанов все медлил, стараясь понять, почему не было выстрела... «Он говорил о каких-то синглитах, что это — секта, партия? Люди, захватившие власть? Судя по всему, сам он не принадлежит к этой группе, и уже только поэтому нельзя его упускать... А ведь он тоже может уйти, затаиться...»

— Я сейчас выйду! — громко сказал Ротанов. — Подожди со стрельбой.

Никакого ответа. Но, в конце концов, не выстрелил же он, когда рухнули ящики... Ротанов вышел на середину прохода и остановился.

Несколько секунд стояла напряженная тишина, потом в углу за ящиками шевельнулась неясная тень. Наконец, в проходе показался его противник, впервые — с опущенным пистолетом.

— Ну? Чего тебе?

— Нуждаюсь в собеседнике... — проворчал Ротанов. — Да спрячь ты свою игрушку. Есть серьезный разговор.

Человек сделал шаг, другой навстречу Ротанову, но пистолет все же не убирал.

— Здорово вас здесь запугали.

— Кто ты такой?

— Что, не похож на синглита?

— Синглит давно вызвал бы охрану... Так кто же ты?

— Про корабль что-нибудь слышал?

Человек тихо свистнул, спрятал пистолет, но ближе не подошел.

— А чем ты докажешь, что ты с корабля?

— Вот уж не собирался доказывать... У меня есть документы.

— Документы можно подделать... Ну, хорошо. Меня специально послали, чтобы разузнать про корабль. Двое наших видели посадку, но им не очень-то поверили, думали, какие-то штуки синглитов... Ладно, придется мне тебя забрать на базу. Там у нас хорошие специалисты. Разберутся, и если ты синглит...

— Да не синглит, а пилот с этого корабля! И давай выбираться отсюда. Мы тут нашумели, а меня наверняка ищут. Слышал утром стрельбу?

— Так это из-за тебя?

— Сначала они меня вроде бы отпустили, а потом почему-то передумали. Здесь не очень надежное место.

Словно подтверждая его слова, у наружной двери послышался шум. Шаги, скрип засова.

— Ну вот, дождались...

Видимо, его собеседник принял решение. Он махнул рукой, приглашая Ротанова за собой, и нырнул в боковой проход.

В противоположном от входа конце склада оказался замаскированный хламом лаз. Из него широкая сточная труба вела в соседний двор... В этом городе у его недавнего противника были свои собственные, известные только ему дороги.

Открылась крышка канализационного люка, скрытая под слоем дерна, и они очутились в узком подземелье. К удивлению Ротанова, здесь не ощущалось никаких неприятных запахов и было относительно сухо. Очевидно, канализация давно не работала.

Долгий путь по туннелям, задним дворам и закоулкам вывел их, в конце концов, в маленький тихий дворик. Здесь они впервые остановились и перевели дух. Они стояли вплотную друг к другу, втиснувшись в узкую щель между стеной здания и забором. Почему-то Ротанову вспомнилась кабина подземки. Там пахло пылью, плесенью, чем угодно, только не человеческим потом,

он вспомнил об этом, и, может быть, поэтому несвежий запах рваного комбинезона его спутника показался ему приятней любых духов.

— Как тебя зовут?

— Вообще-то Филон. Но наши окрестили Филином. Так и зови.

В щель забора, за которым они прятались, хорошо просматривалась довольно оживленная городская улица. Транспорта не было совсем, наверное, его полностью вытеснила в городе подземка, зато пешеходы шли довольно часто.

— Чтобы выбраться из города, нам придется пересечь здесь улицу. Другого пути нет. А это опасно. Если ты сказал правду, по всему городу объявлена тревога, и здесь нас ждут.

Филин достал пистолет, пересчитал заряды и снова сунул его в карман. Ротанов хмуро слушал его и все никак не мог оторвать взгляд от огромного, в полнеба, красноватого чужого солнца, висевшего над крышами.

— И давно вы так ходите по городу?

— Как? — не понял Филин.

— Да вот так, с оружием.

— Все вас ждали... Когда вы там про нас вспомните, на своей Земле... Лет пятьдесят и ходим. Не больно вы спешили... Мне доктор говорил, что рано или поздно вы прилетите, только я не шибко верил...

Ротанов почувствовал скрытый упрек в его словах, но промолчал. Не пришло еще время для объяснений... Он по-прежнему не знал, чьи интересы отстаивал этот человек, против кого и почему взял в руки оружие...

С того места, где они стояли, хорошо просматривалась улица в обе стороны, и ничего подозрительного на ней не было. Впрочем, Ротанов вообще не знал, что здесь считается подозрительным, и поэтому полностью положился на Филина. А тот все не спешил выходить и продолжал разглядывать одиноких прохожих. Ротанов отметил, что люди шли быстро, не обращая внимания друг на друга, и как-то слишком уж отчужденно. Обычно в таких изолированных маленьких городках толпа разбивается на небольшие, объединенные общим разговором группы. Здесь этого не было... Филин тронул его за рукав.

— Как только выйдем на улицу, ни в коем случае не спеши. Иди быстро, как все здесь ходят, но не спеши. Ни к кому не подходи, ни на кого не обращай внимания, но самое главное — не спеши и не смотри по сторонам, иначе тебя сразу заметят. Ко мне не подходи ближе трех шагов, что бы ни случилось, даже если начнется стрельба. Ну, пошли! Да, и запомни на всякий случай, мало ли что. Если выйдешь из города один, к нашим нужно идти все время на север, километров сорок. Выйдешь на посты — скажешь, тебя Филин прислал. Ну, давай.

— Подожди. Минута дело не решит... Скажи мне сначала, что там было в контейнере на складе?

Из всех вопросов, вертевшихся на языке, Ротанов выбрал этот и теперь с напряжением ждал ответа. Но Филин только покачал головой и посмотрел на него неприязненно.

— Этого я тебе не скажу. И у наших ты об этом лучше не спрашивай. Раньше нужно было прилетать, вот что. Пошли! Некогда нам разговаривать!

Он сунул пистолет за пазуху и весь сразу преобразился. Во всем его облике появилась деловая сосредоточенность. Плечи он откинул назад, и в походке обнаружилась та целеустремленность, которая была свойственна большинству прохожих. Стоило ему шагнуть на улицу, и он сразу же затерялся, слился с толпой.

Выждав немного, Ротанов пошел за ним следом, стараясь в меру сил подражать Филину. Но у него получалось плохо, не было многолетней практики, и вообще он не понимал, почему нельзя проскочить улицу с ходу. Филин зачем-то дошел до перекрестка, потоптался на месте и, неожиданно юркнув между прохожими, сразу оказался на той стороне. Боясь потерять его в толпе, Ротанов прибавил шагу, но перед перекрестком ему на плечо легла чья-то тяжелая рука.

— Стой!

Не оборачиваясь, Ротанов пригнулся и резко рванулся в сторону. Почти сразу выстрелил Филин с противоположной стороны улицы, кто-то за спиной Ротанова упал. Сбившаяся на перекрестке толпа бросилась врассыпную. Когда она рассеялась, Филин нигде не было видно. Понимая, что нельзя терять ни секунды, Ротанов шагнул в ближайший подъезд. Не раздумывая, поднялся по лестнице примерно до середины и рванул первую попавшуюся дверь. Он был почти уверен, что никто не заметил в сутолоке, как он исчез. Филин выстрелил специально, чтобы отвлечь внимание на себя...

Дверь подалась без всякого сопротивления, от неожиданности он с силой захлопнул ее за собой. Несколько секунд стоял в полумраке, тяжело дыша и с горечью думая о том, что, пока не разберется здесь во всем, он будет обузой, слепым котенком, и кто-то, вызволяя его из беды, будет вынужден подставлять себя под удар... Он дал себе слово, что это не будет продолжаться слишком долго...

Наконец, глаза немного привыкли к полумраку коридора.

Квартира казалась нежилой, но почти сразу из комнаты женский голос спросил: «Кто здесь?» Ротанов молчал, и женщина вышла в коридор. Какая-то невысказанная пушистая шаль, платье из блестящего материала в обтяжку,— все это выглядело так нелепо на фоне грязных обоев, что Ротанов буквально остолбенел. Она смерила его спокойным, чуть высокомерным взглядом:

— Что вам здесь нужно? Кто вы?

— Ротанов.

— Ах вот как, Ротанов,— она произнесла его фамилию слегка втянувшись.— И что же дальше?

Он пожал плечами.

— Вы слышали шум на улице?

— Это из-за вас?

Он кивнул.

— Хорошо, проходите.— Она не испугалась и даже, кажется, не удивилась. Только плотнее закуталась в свою шаль и пошла вперед, показывая дорогу.

Они вошли в гостиную, если можно было назвать гостиную комнату, где не было даже стульев. Валялись какие-то обломки мебели, книжные полки без книг, рама от картины. Ротанов молча смотрел то на женщину, то на эту кучу хлама.

— Вы здесь живете?

— Конечно. Ах, это...— она перехватила его взгляд.— Это осталось от людей.

— То есть... как это — осталось от... Вы хотите сказать, что вы сами не...— он почувствовал себя так, словно кто-то схватил его за горло. Еще в кабинете у Бэрга он почти догадался... Даже раньше, в транспортной кабине. Но мозг отказался верить очевидным фактам...— Надеюсь, вы догадываетесь, что я...

— Что вы человек? Конечно. Это любопытно. Я уже давно не встречала здесь людей.

— Послушайте!— сказал Ротанов, опускаясь на то, что когда-то было диваном. У него голова шла кругом,

он был слишком потрясен, чтобы сказать что-нибудь вразумительное. Но она ждала, и было похоже, что она способна простоять неподвижно целую вечность.— Послушайте... Даже на Земле никто не мог бы предположить, что это возможно... Создание таких совершенных моделей — невысказано! Таких роботов не существует!

— А кто вам сказал, что я робот?

— Так кто же вы?!

— Просто нечеловек.

— Ах, ну да... конечно... просто нечеловек...

Внутри у Ротанова словно что-то взорвалось. Он вскочил и несколько мгновений не мог протолкнуть в себя ни глотка воздуха.

Нечеловек здесь, в человеческом жилище! В человеческом обличье, в человеческом платье!.. Она перестала кутаться в шаль, и Ротанов вдруг заметил царапину на ее щеке. Царапина была довольно глубокой, но вместо засохшей крови под кожей обозначилось что-то белое, и это что-то не было похоже на человеческую плоть...

Ротанов отвернулся, борясь с приступом тошноты.

— Вы хорошо держитесь. Другие обычно выпрыгивали из окна или сразу начинали стрелять.

— Ладно,— сказал Ротанов.— Может, вы объясните, откуда у вас... почему вы так похожи на человека?

— Вы хотели спросить, откуда у меня это тело? Ведь так?

— Ну допустим.

— Этого я, к сожалению, не знаю. Однажды утром я пробудилась в лесу такой, какая есть. Что-то я смутно помнила — лицо старой женщины, например. Не знаю, почему именно это лицо я так долго не могла забыть. Какой-то дом... Только это все было так... Ну, неважно, что ли... Когда здесь, в городе, поселились наши, я тоже перешла сюда. Вначале здесь было очень беспокойно, часто приходили люди. Они всегда очень громко кричат и всегда начинают стрелять... И знаете, почему я догадалась, что вы хотите спросить меня об этом теле?

— Нет,— хрипло ответил Ротанов.

— Потому что временами мне кажется, что оно не мое. Слово надеваешь чужое платье, только это сложней... Мне хотелось спросить об этом, узнать, почему. Но наши никогда об этом не говорят. Считается неприличным. А потом мне стало безразлично.

— А эта комната... Как вы тут живете?

— О, мне совершенно все равно, где быть. Здесь или в лесу. Холода я не чувствую. В вещах не нуждаюсь. Иногда меня тянет в лес. Мне нравятся его прохлада и запахи... Не знаю, почему я говорю вам все это...

Может быть, и Филин тоже? Удачная подделка, не больше?.. Ротанов надеялся найти здесь людей, а не чужой враждебный разум. Расчет строился именно на этом, и если людей не осталось, все сразу теряло смысл...

— Чего же вы медлите?— устало спросил он.— Вы ведь, наверное, должны сообщить о моем приходе?

— Это их дело искать вас. Меня это не касается.

— В таком случае, дайте хотя бы напиток.

— Воды?.. Я не знаю... Сейчас посмотрю, но, кажется, водопровод давно не работает...

— Как же вы обходитесь?

— Мне не нужна вода.

Она вышла из комнаты. Ротанов услышал, как заскрипел кран, потом она пошла к двери, вышла на лестницу. У него не было ни малейшего желания выяснить, куда именно она отправилась. Пусть делают, что хотят. Он сбросил с просевшего дивана обрывки старых бумаг, мусор от обвалившейся штукатурки и растянулся, чувствуя, как усталость постепенно овладевает всем телом.

Сейчас бы выпить чего-нибудь холодного и заснуть. Может быть, на свежую голову он сумеет разобраться в этой сумасшедшей ситуации...

Женщина вернулась минут через пятнадцать с большой глиняной кружкой, в которой плескалась темная жидкость.

— Я вспомнила, что в подвале остались какие-то бочки. Вот это, по-моему, годится, я видела, как люди это пили.

Он не стал раздумывать. Кружка была огромной, литра на полтора. От жидкости пахло хвоей и по всему телу разливалась теплота, хотя сама жидкость казалась холодной, даже запотела кружка. Он выпил ее всю, до дна, и снова развалился на диване.

— Сядьте куда-нибудь. Что вы маячите перед глазами?

— Я знаю, что «сидеть» — это такая поза. Но для чего ее принимают, не знаю...

— Ну как хотите... Если я засну, постарайтесь меня не будить.

— Хорошо. Я постараюсь, — послушно сказала она и неподвижно застыла в немыслимой для человека позе. Но им уже овладело блаженное безразличие ко всему, глаза закрылись сами собой.

Проснулся он полностью отдохнувшим. И сразу вспомнил все, что с ним произошло.

Он рывком поднялся, прошел на кухню и здесь увидел женщину. Она стояла спиной к окну, широко и как-то неловко расставив ноги. Было в ней все же что-то от механического манекена и еще что-то такое, что невольно вызывало жалость. Он должен был бы чувствовать брезгливость, ужас, но ничего этого не было. Только легкая жалость. И еще ему очень хотелось узнать, откуда

она взялась, почему она и все те, другие, так похожи на людей. Он подумал, что теперь самое время заняться этой загадкой.

— Вы что же, никогда не устаете? Почему вы даже не присядете?

— Так вот почему люди так часто садятся... Нет. Усталости я не чувствую.

— И никогда не спите?

— Не знаю, сон ли это. Когда наступит ночной сезон, меня не станет.

— Вы хотите сказать, что ночью...

— Нет, не той ночью, которая сменяется днем, а тогда, когда ночь длится несколько месяцев по вашему времени, когда наступает холод. Вот тогда...

— Ах да, я совсем забыл, что у вас тут даже на экваторе бывают полярные ночи...

Только теперь он рассмотрел ее как следует. Черные, как воронье крыло, с синевой, волосы обрамляли бледное худое лицо с удивительно правильными чертами. Он затруднился определить, сколько ей лет. Гладкая кожа была неестественно бледной и, пожалуй, чересчур гладкой. Ни одной морщинки. Место, где недавно он видел царапину, теперь было прикрыто высоким воротничком.

Кухня выглядела под стать всей квартире. Ржавые водопроводные трубы, покореженная электрическая плита... Над плитой висел небольшой куб морозильника. Хотя проводка, зачем-то выдернутая из стены, валялась рядом с плитой, к морозильнику она не имела отношения. Эта марка должна была действовать от автономного питания, такими аппаратами до сих пор пользовались в некоторых колониях. Ротанов открыл дверцу, и морозное облачко пара коснулось плеча женщины. Она дернулась, как от боли, и отодвинулась.

— Зачем вы?..

— Я хочу есть. А здесь, кажется, что-то сохранилось. Он испытывал зверский аппетит с той самой минуты, как проснулся. В холодильнике лежали куски покрытого инеем неестественно розового мяса. И еще банки. Именно на них он и рассчитывал. Этикеток не было. Он взял первую попавшуюся. Там оказалось гороховое пюре, он ел его холодным, как едят мороженое. Сейчас ему было не до гастрономических тонкостей. Пережевывая эту ледяную массу, от которой ломило зубы, он продолжал искоса наблюдать за женщиной.

— Весь этот город, его построили люди, ведь так? — он спросил это как можно небрежнее, чтобы она не догадалась, какое значение имел для него следующий, уже подготовленный вопрос.

— Конечно. Они все здесь бросили. Потом несколько раз приходили, но это было очень давно.

— И с тех пор... Я хочу сказать, когда вы в последний раз видели человека?

Ему не удалось полностью скрыть волнение.

— Насколько я знаю, людей здесь больше нет. Они все ушли в лес. Потом много лет была война между ними и нашими. Если кто-то еще и остался, то только там, в лесу.

Если предположить, что Филин сказал правду, у Ротанова оставался шанс найти людей. Но искать их надо не в городе... Он старательно припомнил встречу с Филином. Конечно, можно было подстроить и стрельбу на улице, и все остальное. Но... Когда они стояли в повороте, что-то такое было... Запах! Запах человеческого пота. Вряд ли и это догадались подделать.

Что ж, нужно найти место, о котором говорил Филин. Вероятно, там сохранился последний укрепленный плацдарм, где люди сражаются до последнего с этой враждебной планетой...

— Скажи, почему вы воевали с людьми? Чем они вам мешали?

— Мы? Мы никогда не воевали с ними. Только оборонялись, потому что люди хотели нас уничтожить.

— Вас уничтожить?! Как они могли этого хотеть, когда их была здесь горстка, а вас...

— Нас было еще меньше. Это сейчас нас стало больше, а вначале, когда началась война... Нет, я не знаю, почему она началась, но начали ее люди. Люди, наверное, очень злые.

Он посмотрел на нее, не пытаясь скрыть изумления. Меньше всего он ожидал услышать что-нибудь подобное. По ее неподвижному лицу невозможно было понять, что она чувствует. Даже глаза ничего не говорили, они оставались холодными и пустыми, словно там застыли два кусочка льда.

— Но если все, что ты говоришь, правда, ты должна ненавидеть людей. И меня в том числе. Ведь так?

— Почему? Все это не имеет никакого значения. Наверное, нашим было интересно победить, но на самом деле это совсем неважно. Мы не чувствуем боли. Ненависть, горе, страх — все это чуждо для нас. Мы же не люди, я тебе уже говорила. Только внешне... Поэтому нам было все равно. Дневной сезон слишком короток, за ним приходит ночной, и нас всех не станет. Поэтому мне кажется, что война забавляет наших. Но ненавидеть? Почему? За что я должна ненавидеть? Раз это всего лишь игра...

— Но люди?! Для них это не было игрой! Наверное, они по-настоящему умирали и обливались кровью, которую у тебя нет!

— Это их дело. Они сами начали войну.

Он замолчал. Чувствовал, что все время натывается на какую-то стену, тупик, за которым всякое понимание обрывалось и начиналось нечто совершенно чуждое ему, какая-то черная яма. Он даже не заметил, когда они перешли на ты. Было совершенно бессмысленно возмущаться и что-то доказывать. Человеческая этика не имела ни малейшего значения в ее мире.

— Тебе, наверное, пора...

— Куда пора?

— Ты же хотел выбраться из города?

Ротанов готов был поклясться, что не говорил ей этого.

— Сейчас самое время. Видишь, солнце почти зашло. Все наши уже на местах, но энергию в подzemке еще не выключили, и, если хочешь, я покажу тебе дорогу.

— Это тоже игра? То, что ты решила помочь мне?

— Ты не такой, как остальные люди. Но все равно ты, наверное, прав. Игра — самое точное слово. Все, что происходит вокруг, все это игра. Меняются только правила, иногда сами игроки, суть от этого не меняется... Так ты идешь?

Она провела его по лестнице на задний двор.

Кабина подземки оказалась в соседнем доме. Женщина набрала под схемой линий комбинацию из нескольких цифр. Ротанов ни о чем не спрашивал, решив полностью положиться на нее. Ему хотелось узнать, какое она выберет направление... Они стояли в тесной кабине совсем рядом. Когда она молчала, ее можно было принять за статую. Не шевелился ни один мускул, даже грудь словно не дышала. Почему-то он не решался спросить об этом. В кабине опять пахло старым деревом, машинным маслом, пахло чем угодно, только одного запаха он совершенно не ощущал, как и в первый раз, — человеческого запаха... Он чувствовал, что скоро кабина остановится и начнется, по ее определению, совсем другая игра. Возможно, он ее больше не увидит. Странно, он не испытывал от этой мысли ни малейшего облегчения, словно ее общество не было ему в тягость...

— Как тебя зовут?

— У меня нет имени.

— Как это?

— Когда ко мне обращается кто-нибудь из наших, я и так знаю, что он имеет в виду именно меня. Можешь называть меня как угодно, сам придумай имя, если оно тебе необходимо.

— Это, пожалуй, лишнее. Мы ведь не увидимся больше? — полуутвердительно спросил он.

— Не знаю. Все зависит от того, как сложится игра, которую вы, люди, называете жизнью... Ну вот, мы уже приехали.

Двери кабины распахнулись, и он увидел рыжеватую пыль. Зеленые подушки леса километрах в трех и широкое пустое пространство вокруг. Он сделал шаг к выходу, но, видя, что она не двигается, тоже остановился.

— Ты возвращаешься?

— Конечно. Здесь мне нечего делать.

— Если понадобится... Я хотел бы знать, как мне найти тебя?

— Это невозможно. Я сама не знаю, где буду находиться завтра.

Она повернулась и нажала кнопку. В последний раз мелькнуло перед ним ее лицо, полузакрытое рассыпавшейся волной волос, потом двери кабины захлопнулись, и он услышал глухой шум включившихся механизмов. Он даже не успел попрощаться и только сейчас, когда она

уехала, ничего больше не сказав, понял, насколько это неважно.

Он осмотрелся. Фиолетовое солнце наполовину опустилось за горизонт.

Слишком долгий день, подумал Ротанов. Всего один день, но, пожалуй, слишком долгий...

Далеко на юге горные вершины разорвали зеленую шкуру леса и тянулись вверх, словно клыки огромного зверя.

Между лесом и предгорьями пролегла полоса ничейной земли. В редких зарослях усатых перекрученных растений расположились передовые посты колонии. Если смотреть вниз со склона, оттуда, где начинались первые пещеры, пикетов не было видно. Многолетняя повседневная опасность приучила людей к осторожности.

У выхода одной из пещер стоял высокий седой старик. Ветер развеивал его длинные спутанные волосы, играл бородой и полами короткой кожаной куртки. Старик думал о том, как много бесполезных для жизни вещей узнали люди за те годы, пока он медленно старился. Он видел, как юноши у соседней пещеры разучивают сложные упражнения, годные лишь в бою, и чувствовал горечь вины за то, что не сможет оставить им лучшего дома... Возможно, завтра кто-то из них не вернется в лагерь: планета требовала все новых жертв.

Порочный круг, из которого не видно выхода, смыкался. Слово безжалостная рука затягивала петлю. Когда он был молод, границы колонии проходили далеко на севере, за лесом... Горько к старости ощутить предел своих сил, истраченных на безнадежное, хотя и справедливое дело. Раньше в колонии ничто не обходилось без его участия, но сейчас, хотя звание председателя совета осталось пока за ним, со всеми вопросами обращались к другому человеку. Он старался не думать об инженере плохо, потому что боялся оказаться несправедливым, и все же невольно укорял его за фанатичность, за спровоцированные и порой ненужные схватки, приводившие к новым потерям. В какой-то роковой миг численность колонии стала сокращаться. Долгие годы они как-то сводили положительный баланс смертей и рождений, но все меньше семей отгораживали в подземных катакомбах свой собственный угол. Никто не жаловался. Молодежь просто не знала другой жизни, и город давно уже стал для них крепостью врага. Если прислушаться, то снизу, со второго яруса, доносится неумолкающий рокот станков, производящих оружие... Оружие — вот и все, что им осталось. Земля о них забыла... Несколько раз, в самом начале, пока еще не были потеряны город, электростанция и корабельная рация, они пытались послать сигнал... Ответа не было. Инженер говорит, что на Земле хватает своих забот, что рассчитывать можно только на себя. Но инженер слишком молод, откуда ему знать, какими были те, кто когда-то отправил их сюда завоевывать новые звезды...

Он глянул на часы. Скоро шесть. Совет назначен на семь. Всегда перед заседанием с тревогой сжималось сердце: какой новый неприятный сюрприз ждет его на этот раз? Инженер не пропускал ни одного случая, чтобы укрепить свои позиции, добиться от совета новых уступок. Зачем ему нужна полная власть? Что он собирается с нею делать? Ускорить их поражение? У председателя не было фактов, только чутье старого, много повидавшего человека. «Этого, в сущности, мало, чтобы осуждать того, кто сменит тебя на посту...»

Он медленно брел по тропинке вверх к седловине

совета. Нужно было подняться метров пятьсот, и с каждым годом дорога давалась ему труднее, словно склон становился круче, а расстояние длиннее. Здесь, на большой высоте, растительность поредела, но дышалось так же легко, как внизу. Огромная и плотная атмосфера довольно насыщена кислородом... Он часто думал о планете как о хлебосольном доме, с лесами, богатыми деревьями, с реками, полными пресноводных креветок, с воздухом, перенасыщенным кислородом... Слово дом этот ждал хозяев долгие годы и дождался... Приходите, живите с миром... Они пришли в этот дом, сели за стол, забыли только, что дом чужой... Забыли... и дорого заплатили за свою доверчивость.

Кольцо пещер кончилось. Тропинка шла теперь через редкую рощу карликовых кустов, сквозь которые тут и там виднелись беспорядочно разбросанные бревенчатые домики молодоженов. Люди постарше считали пустой тратой времени строить дом на один сезон, до прихода туманов. Да и молодежь все реже могла позволить себе такую роскошь. Почти все время отнимали у людей непростанные дозоры, вылазки в город, забота о хлебе насущном и об оружии... Пожалуй, об оружии прежде всего. Только благодаря оружию так много власти сосредоточилось в руках инженера. По воле этого человека мог остановиться завод — их последняя надежда. Страшно даже подумать, что случится, если завод остановится хоть на сутки. Перестук его автоматических станков долетал до самой седловины. Они привыкли жить под этот стук. Автоматы выплевывали в конце конвейера холодные стальные яйца протонных гранат, капсулы для огнеметов, шрапнельные стаканы реактивных оружий... И получилось, что они жили для смерти, сеяли смерть... Хотя прилетели сюда с совсем другими намерениями. Их вынудили, конечно... Но самое ужасное то, что первопричина, из-за которой все началось, в сущности недостижима для их оружия. Незвестно даже, приносят ли какой-нибудь результат все эти схватки, организованные инженером, все эти батальи с огнеметами и протонными гранатами. Может быть, они пытаются поджечь море, а враг так же необъятен и вездесущ, как воздух? До сих пор председатель не терял надежды на то, что они найдут уязвимое место противника, смогут не только сдерживать его, но и уничтожить. Для того и создан был научный центр, на который он возлагал так много надежд... Но центр постепенно хирел, превратился сначала в отдел, потом в группу... А затем, когда пришлось полностью перейти на снабжение охотников, у них словно отрубили руки. Инженер потратил немало сил, доказывая, во что обходится этот отдел, и попросил привести ему цифры, чтобы увидеть отдачу... Что ж, в ближайшей перспективе инженер был, конечно, прав. Они сэкономили много рабочих рук, много сил и средств, зато сейчас уже нельзя даже мечтать о наступлении, и кольцо сжимается все туже...

Как только тропинка перевалила через выступ, перед глазами открылась знакомая картина. Широкая каменная чаша уступами сбегала вниз, и там, среди живописных выветренных глыб, около холодного родника стояли скамьи совета. Здесь все дышало суровой простотой первых лет походной жизни, когда победа казалась делом ближайших месяцев, а эпидемия, как и последовавшая за ней война, всего лишь печальным недоразумением. Старик спустился вниз, к самому ручью. Он пришел сегодня, как всегда, раньше времени, чтобы посидеть одному. Но на скамье уже расположился доктор. Так коротко все звали руководителя научной группы. Может быть — потому, что в его обязанности входил и уход за ред-

кими ранеными, число которых с каждым годом все сокращалось. С поля боя этой странной войны редко возвращались раненые.

Доктор был сухопар, желчен и неряшлив, в руках он вертел суковатую палку, которой рисовал на земле переконные рожи, но старик знал, что таким он был не всегда. В молодости это был общительный, подающий надежды ученый, и лишь когда из очередной схватки не вернулся его единственный сын, доктор стал вот таким. Не сразу, постепенно.

Председатель сел рядом с доктором. По давней привычке они не обменялись приветствием, не сказали друг другу ни слова. Доктор продолжал ковырять своей палкой жесткую, словно сделанную из стальной проволоки щетку короткой травы, а председатель смотрел, как со склонов гор рушится вниз голубой водопад плотного густого воздуха.

Подошли еще трое. Заведующие секторами производства, заготовок и охраны. Не было только Филина и инженера. Но Филин редко приходил на заседания: охотники вели кочевой образ жизни и в промежутках между вылазками скрывались в лесах и болотах, окружавших город. Инженер задержался. Так он делал довольно часто, возможно, для того, чтобы лишний раз подчеркнуть, какое огромное бремя дел и ответственности ему приходится нести.

Опоздание стало как бы психологической подготовкой, и председатель пожалел, что на заседании не будет Филина. Мнение Филина значило немало. Производственный сектор подчинялся инженеру; недавно инженер добился, чтобы ему передали фактическое управление охраной. Остаются доктор и заведующий заготовками, подчиненный Филину... Три голоса против трех, если Боран, заведующий заготовками, сохранит нейтралитет... Все зависит от того, что инженеру потребуется на этот раз...

Наконец на тропинке появилась знакомая худощавая фигура. В который раз председатель спросил себя: чем неприятен ему этот человек?

Среднего роста, подвижен и деловит, шрам на левой щеке, темные очки,— в одной из схваток ему обожгло лицо, и теперь он их не снимает. Резкие складки около губ придавали лицу инженера неприятное выражение брезгливости. Но ведь не во внешности дело...

Заседание началось спокойно, с обсуждения обычных текущих вопросов. Долго решали, как переправить очередную партию материалов, захваченную охотниками. Как всегда, очень плохо было с транспортом, не хватало людей... Это послужило для инженера трамплином, с которого он начал свой очередной выпад против научного отдела.

— Сколько у вас человек? — обратился он к доктору.

— Все столько же, как будто вы не знаете? Мы еще не научились создавать гомункулусов.

— Но, может быть, вы добились успехов в какой-нибудь другой области? Я хочу знать, чем занимаются ваши люди и почему мы должны кормить бездельников в то время, как...

Спор разгорелся, и, не слушая, председатель думал о своем: «Хотел бы я знать, чего он хочет на самом деле. Ведь не председательское же место само по себе? Он человек дела и прекрасно понимает, что колония не продержится долго, тут что-то не так... И каждый раз одно и то же. Он грозит остановкой завода. Как дамочков меч, висит над нами этот завод, и нечего возразить, потому что этот довод неопровержим. Если завод встанет, то колония погибнет. Не завтра, не через год или два, а просто не-

медленно... Нам так и не удалось ни разу создать достаточный резерв боеприпасов и вооружения, но почему? Почему после каждой небольшой передышки все запасы бесследно исчезают?»

Вот и сейчас разговор вертелся вокруг последней стычки в ущелье. Еще минуту назад председатель не собирался ничего предпринимать, однако совершенно случайно он знал точное количество израсходованных боеприпасов. «Поймать бы его на прямом обмане хоть раз! Но инженер умен, он вовремя сманиврирует, найдет какое-нибудь объяснение...» Все дело в том, что никто не поверит в злой умысел. Председатель и сам в него не верил. Не может человек желать собственной гибели, предательство невозможно, потому что синглитов не интересуют предатели, они, вероятно, даже не понимают, что это такое... Но куда же все-таки делись боеприпасы?

— Скажите, Савицкий,— вдруг сказал председатель,— были в эти два дня еще какие-нибудь бои, где вы расходовали дополнительные припасы? Постарайтесь быть предельно точным. Это очень важно.

«Он и сам понимает, что важно... Ну давай же, давай, ловушка расставлена, рано или поздно это должно было случиться. Кто же ты на самом деле, инженер Савицкий?»

— Расходы... Были, конечно, расходы, у меня все записано, точно я не помню.

— Нет уж, пожалуйста, точно. Где, сколько, когда. Все до последнего ящика.

— Хорошо. Я дам вам полный отчет. Но предупреждаю, я не стану терпеть на совете вместо дела... Я должен сходить за документами.

Инженер ушел, члены совета растерянно молчали. Все понимали, что через несколько минут произойдет окончание многолетнего поединка между председателем и инженером. Доктор пересел к председателю.

— Если он принесет документы — все пропало.

— Я знаю. Но он их не принесет. Или принесет фальшивые.

— Но это еще хуже, потому что он вернется с охраной.

— Слишком рискованно. Этого ему не простят. Однако даже если так, нужно, наконец, все поставить на свои места. Это первый случай, когда я могу поймать его с поличным.

— Нас не поддержат. У него в руках жизненно важные центры, снабжение, охрана, производство...

— Я часто думаю, как это могло случиться?..

— Что именно?

— Как этому человеку, которого все недолюбливали, удалось сосредоточить в своих руках такую власть?

— Он энергичен, жесток, находчив. В сложных условиях, когда идет схватка, у людей нет выбора, они считают, что подчиняются необходимости...

Члены совета по одному покидали свои места, не желая участвовать в том, что должно было произойти через несколько минут. Снизу донесся звук роллера. Было видно, как машина, раскачиваясь на поворотах, стремительно понеслась вниз.

— Инженер уехал!

— Я так и думал, что сейчас он не решится ничего предпринять. Почти все его люди на третьем посту.

— Завтра утром он вернется.

— Да, и если Филин не найдется к тому времени, нам не сдобровать.

Закончив работу, Анна торопливо шла к выходу по длинному подземному ходу. Сегодня их десятка дежу-

рила в швейной мастерской. Однообразная работа утомила девушку, и она спешила поскорей выбраться на волю, чтобы не потерять драгоценные часы, оставшиеся до захода солнца.

Вместо ламп на низких подземных сводах были развешаны светящиеся плоды кустарников, которые приносили снизу охотники. Анне еще ни разу не удалось побывать ниже охранного яруса. В колонии не было различий между мужчинами и женщинами, все пользовались одинаковыми правами, у всех были одинаковые обязанности. Но старшие старались уберечь неопытных юнцов от бесчисленных опасностей, которыми грозил синий лес. Еще два бесконечно долгих сезона туманов придется провести Анне в наглухо замурованных подземельях, постигая сложную военную науку, прежде чем она хоть что-то узнает об огромном и ярком мире, широко раскинувшемся вокруг. А пока ее крохотный мирок ограничивался подземными переходами, площадкой возле пещеры да еще тропинкой к высокогорному озеру, в котором они ловили креветок. Скоро и этого не станет... До сезона туманов осталось не больше двух недель... Уже сейчас с наступлением темноты закрывались все входы. Мощные излучатели и силовая защита прикрывали людей, как панцирь. Все длиннее становились ночи, все короче дни... Через две недели солнце в последний раз выглянет из-за горизонта, и здесь, на экваторе, наступит долгая шестимесячная ночь... Сезон туманов.

Узкая тропинка вывела девушку к озеру. Его длинная зеленая чаша лежала перед нею в кольце рыжеватых скал. До захода оставалось часов пять, у Анны было достаточно времени, чтобы наловить креветок и искупаться. Она хорошо плавала и любила короткие купания в обжигающей ледяной воде.

Девушка отвязала пластмассовую плоскодонку, резко оттолкнулась. Лодка шла быстро и легко слушалась двухлопастного весла. Анна направила ее к завалу в самом конце озера, туда, где начинался Белый каньон. Его называли Белым не зря: перевалившая через перемычку вода становилась седой от пены на своем стремительном пути вниз. Шум потока заглушал здесь все другие звуки, и нужно было большое искусство и точный расчет, чтобы удерживать легкую лодку на той невидимой грани, где сила устремившейся вниз, в ущелье, воды окажется неодолимой. На сильном течении брали наживку самые крупные креветки. Анна швырнула снасть далеко в сторону, резким толчком весла развернула лодку кормой к перемычке и стала выгребать против потока. Течение отнесло снасть к самому порогу, и вскоре девушка почувствовала первый рывок добычи.

Больше всего креветка походила на толстую колбасу, составленную из находивших друг на друга сегментов. У нее не было ни ног, ни клешней, только мощный хвост и зубастая пасть. Весила такая колбаска не меньше двух килограммов, и стоило немалого труда перетянуть ее через борт, одновременно удерживая лодку на месте. Анна еще дважды забросила снасть, и вскоре на дне лодки забилась вторая креветка. На третьем забросе снасть зацепилась. Девушка ослабила леску и попробовала рывком в сторону освободить крючок, но ничего из этого не вышло.

Еще несколько безрезультатных попыток — и пришлось достать нож, чтобы перерезать леску. В лицо ударил резкий порывистый ветер. Погода портилась. Рыбалка явно не удалась. С досадой Анна перерубила леску. Несколько сильных взмахов, и она вдруг увидела, что лодка осталась почти на месте...

Вначале это ее не встревожило. Девушка ниже пригнулась, чаще заработала веслом. Но для того, чтобы вырваться из стремнины, нужно было пройти по крайней мере метров десять, и она очень скоро поняла, что сил преодолеть эти десять метров у нее не хватит. Анна боролась отчаянно, но теперь это было бесполезно. Лодку начало сносить к завалу... Минута, другая,— и яркое суденышко, мелькнув последний раз на гребне перемычки, понеслось вниз вместе с ревущей водой. Почти сразу Анна поняла, что удержать лодку на поверхности не так уж трудно. Нужно лишь держаться подалее от берегов. Здесь не было ни подводных камней, ни перекатов, слишком велика была сила воды, несущейся по дну каньона.

Она не успела как следует испугаться, не осталось на это времени. Все внимание поглощало управление лодкой. Вспомнила, что некоторые охотники пользовались этим путем, когда очень спешили... Внизу русло потока постепенно распрямлялось. Вода замедляла свое движение, стены ущелья становились не такими крутыми. Если ей удастся удержаться на середине стремнины, все еще может обойтись... Она старалась не думать о том, что Белый каньон кончается далеко внизу, в самом центре Синего леса...

Оставшись один, Ротанов определился по солнцу. Возвращаться к кораблю было бессмысленно — там наверняка засада. Теперь у него оставалась только одна дорога, та, которую указал Филин. Сорок километров, конечно, многовато, к тому же скоро наступит ночь, а он ничего не знает об этом лесу. И нет никакого оружия... По данным автоматических разведчиков, обследовавших планету задолго до первых поселенцев, здесь не было крупных животных. Но Ротанов не привык полностью доверять отчетам, к тому же таким старым. Чужой лес всегда таит в себе опасные неожиданности. Ядовитая плесень, например... Не любил он леса на чужих планетах и, в общем, не зря.

Вот и здесь с первых шагов начались неприятности. Трава подлеска не желала сгибаться под его весом, предпочитала впиваться в подошвы. Он представил, каково по такой травке пробегаться босиком... Подлесок почти целиком составляли знакомые «войлочные» кусты, словно связанные из стальной проволоки. Сами же деревья по своей конструкции напоминали земные пальмы. Короткий чешуйчатый ствол и огромные листья, уходящие далеко вверх. Ротанов задрал голову и долго рассматривал эти листья, похожие на крылья летучих мышей, пронизанные фиолетовыми жилками, с полупрозрачной перепонкой. Солнечный свет, просочившись через них, приобретал неестественный фиолетовый оттенок, и, наверное, от этого все вокруг казалось немного ненастоящим.

Проще всего было двигаться сквозь заросли вдоль реки, у берегов они всегда реже. Отыскать реку при таком обилии влаги нетрудно, нужно только определить общий рельеф местности, найти водораздел. Растительность ограничивала обзор. Тогда Ротанов выбрал дерево покрупнее. Интересно, выдержат ли листья? Он накинуд на толстый водянистый черешок пояс и повис на нем всей тяжестью. Лист даже не наклонился. Ну что же, можно попробовать... Чужие деревья иногда выкидывают фокусы, но если соблюдать осторожность... Ротанов поставил ногу на толстую чешуйку ствола, как на ступеньку, и осторожно подтянулся, готовый тут же прыгнуть в сторону. Ничего не случилось. Еще шаг вверх и новая остановка — все шло благополучно. Минут через пять он до-

брался до нижнего яруса листьев и только тогда почувствовал запах. Пахло чем-то сладковатым, противным, но запах был несильным, и, подумав, Ротанов пошел дальше. Еще немного, метра два, и он сможет осмотреться... Запах шел какой-то въедливый, приторный, и все время едва заметно менялся. Ротанов не мог с точностью сказать, чем именно пахло, но пахло чем-то определенно знакомым. Может быть, падалью или порохом, а может быть, кровью... У него слегка закружилась голова. Кажется, пора спускаться, но он уже достиг цели, последнее движение — и в широкой развилке между листьями блеснула справа река, совсем близко. Он засек направление и, стараясь не дышать носом, начал спускаться. Проклятое дерево... Запах проникал сквозь стиснутые зубы, просачивался во все поры его тела. Он видел толстые, как нарывы, узлы на листьях, полные желтоватого сока. Запах шел именно от них. Теперь пахло железом. Ржавым железом. Краской. Металлом и порохом... Запахи шли волной друг за другом в строгом порядке, выстраивались в определенную картину. Словно дерево что-то хотело сказать... Чувшь... Просто кружится голова, и нужно скорее вниз, на землю... И тут он увидел... Стальная громада тяжело присела на гусеницах, развернув свою глотку в синее безоблачное небо. Густо смазанное, ухоженное металлическое чудовище, до отказа набитое кровью и смертью... Около него неподвижно застыли маленькие человеческие фигурки...

Порыв ветра, и картина заколыхалась, разлетелась ключьями... Ротанов висел на одной руке, пальцы закалились, голова гудела. Рванувшись, преодолел последние метры, прыгнул и отбежал в сторону. Ноги плохо слушались, голова кружилась, и к горлу подступала тошнота. Несколько минут приходил в себя. Картина была слишком четкой, слишком реальной... Картина, нарисованная запахом? Дерево-художник? Или фотограф? Скорее всего, последнее... Для того, чтобы изобразить эту неуклюжую штуку, ее надо было увидеть. Старинная реактивная пушка... Вот, значит, как... Да у них здесь настоящие боевые действия, с применением тяжелой техники... Постой, не могло же дерево видеть, у него же нет глаз! Или могло? Голография, например, и передача видеoinформации с помощью запахов? Для этого нужен сложный приемник, очень сложный... Такой, например, как человеческий мозг, только тогда это дерево имело смысл, и вряд ли оно возникло в результате простой эволюции... Эволюция никогда не создает ничего бесполезного. Все здесь было сложным, слишком сложным, стоило чуть-чуть глубже проникнуть сквозь то, что лежало на поверхности, с виду совсем простое...

Метров через сорок он наткнулся на ржавый искореженный остов реактивной пушки. Судя по толстому слою ржавчины, она стояла здесь не один год, и если бы не картина, увиденная на дереве, он не смог бы даже определить тип этого устройства. Кто-то с ожесточением искромсал его металлическое тело, разбросал во все стороны листы обшивки, расплавил и согнул направляющие полозья... Но, разглядывая эти ржавые останки, Ротанов все еще видел ухоженное металлическое жерло, направленное круто вверх... Похоже, эта планета обладала незаурядной памятью... Кто их поставил, эти деревья, зачем? Он еще раз обошел место давнего боя. Время и влага уничтожили следы... Пройдут годы, и этот остов превратится в желтый порошок, и его развеет ветер, а дерево будет помнить, хранить в своих пахучих недрах некогда полученную информацию... Для кого?

Он пошел дальше. Теперь до берега оставалось совсем немного.

Огромный золотистый жук жужжал слишком громко. И все время назойливо вертелся почти рядом. Анна пыталась отогнать его, но он не обращал ни малейшего внимания на ее усилия, тупо кружась вокруг... Прошло не больше пяти минут, как она выбралась из потока. Ее унесло далеко. Слишком далеко... Она промокла до нитки, и теперь от пронизывающего холодного ветра ее колотил озноб. Она стояла у самого берега, рискуя снова свалиться в стремнину и не смея сделать лишнего шага, потому что вплотную к берегу громоздились гигантские, посаженные фиолетовыми листьями деревья... Синий лес. Даже самые опытные охотники не смели нарушать его покой в это время. Никто не возвращался из леса ночью, накануне сезона туманов... Значит, не вернется и она. До заката оставалось не больше двух часов...

Она оглянулась. Нос лодки плотно заклинило в расщелине. Весло сломалось. Да и сама лодка треснула от последнего удара. Там должна быть сумка... Нужно разжечь костер, обсушиться и хоть немного согреться.

Пропитанные смолистым соком ветви занялись ровным коптящим пламенем. Охотники говорили, что особенно опасен в лесу огонь,— но она совершенно закостела от холода... Теперь жаркое пламя высушит ее одежду... Она чувствовала, как живительное тепло постепенно обволакивает ее, и продолжала подбрасывать сучья. В сумке, кроме сухих лепешек и зажигалки, лежали три ребристых стальных цилиндра. Тяжелые и вполне надежные с виду... Протонные гранаты, ее последняя защита. Она подумала, что держится, в общем, неплохо, почти спокойно готовится к неизбежному, и сразу поняла, отчего это. Она просто не верила, что мир для нее может исчезнуть навсегда... Лес стоял совсем рядом, молчаливый и равнодушный, даже жук улетел, отпугнутый дымом костра. Эти деревья стоят здесь, наверное, не меньше тысячи лет. Они появились задолго до того, как люди прилетели на планету. Незваные гости, пришельцы— вот кто люди для этого леса. Он ждет своего часа, и теперь уже скоро... Скоро здесь совсем не останется людей, и все вернется на изначальный круг... Ей вспомнились леса далекой Земли. Она видела их только в кино и была убеждена, что это только красивая выдумка— про земные леса, где можно развести костер и сидеть у него ночь напролет, и никого не надо бояться... Анна подбросила в огонь новые ветки. Пламя костра порождало иллюзию безопасности, отодвигало круг постепенно сгущающейся темноты.

Красноватое зарево, видимое за много километров на открытом берегу реки, встало над лесом, как вызов. Может быть, лес удивился наивной дерзости человека? Или леса не способны удивляться ни на одной планете? Во всяком случае, что-то шевельнулось в его глубине, что-то вязкое и бесформенное, похожее на липкий клубок тумана, дернулось и опало, запутавшись в цепких руках кустов, рванулось раз, другой, снова бессильно опустилось на колючую подушку травы, растеклось по ней, мелкими ручейками просочилось вниз до самой земли и медленно поползло туда, где горел огонь.

Второй час Ротанов шел вдоль берега. Иногда заросли непроходимой стеной подступали к самой воде, и тогда ему приходилось идти в обход, но, в общем, двигаться вдоль реки стало легче. Река все время петляла. Какое-то время она сохраняла общее направление на юг, потом резко свернула в сторону. Ротанов по-прежнему шел вдоль берега, надеясь, что река вновь изменит направление. Но этого не случилось, и он уже совсем было

собрался покинуть реку, когда заметил на листьях дальних деревьев красноватые блики, похожие на отблески костра... Он прошел еще немного, осторожно раздвинул колючие кусты и... увидел сидящую у огня девушку. Почти идиллия. Такой мирный земной пейзаж... После той встречи в городе он уже ничему не удивлялся. Если она ждет его, то прятаться тем более глупо... Ротанов медленно вышел на открытое место. Увидев его, девушка вскопчила и прижала к груди маленький черный цилиндр.

— Не подходите!

Он остановился. Смотрел на ее побелевшие пальцы, стиснувшие цилиндр.

— У вас тут так принято? Всех встречать оружием? Отпустите чеку!— почти зло крикнул Ротанов, и она послушалась. Может быть, на нее подействовали усталость и злость в его голосе? Он даже не пытался выяснить, какого дьявола она тут делает одна у этого костра, посреди замершего перед закатом леса. Ему начинали надоедать все эти штучки, все эти девицы, похожие на роботов...

Он прошел прямо к костру, присел на корточки и протянул к огню озябшие руки. По крайней мере, огонь был настоящий, без подделки. Краем глаза он заметил, что девушка попятилась при его приближении, что рука ее вновь напряглась, сжимая цилиндр.

— Не делайте глупостей. Вас же не затем сюда прислали, чтобы устраивать взрывы.

Наконец он оторвал взгляд от огня и посмотрел ей прямо в лицо. Его просто сбдало волной ужаса, который исходил от ее побелевших губ и расширенных застывших глаз. Те, кого он встречал в городе, не проявляли подобных эмоций, разве что Филин... Вдруг его взяло сомнение.

— До сих пор меня еще никто здесь не боялся...

— Ну чего вы ждете?!— вдруг крикнула она.— Только у вас ничего не выйдет! Это протонная граната, и я выдерну чеку прежде...

— У вас тут все происходило с ума. Давно. Сумасшедший дом, а не планета. Что у вас с ногой?

Его вопрос сбил ее с толку, он именно этого и добивался. Прежде всего нужно было разрядить обстановку, от страха она и в самом деле в любую секунду могла сорвать чеку.

— Это... Это неважно, царапина, какое это имеет...

— Имеет. Кровь? Ну, конечно... Мне надо было сразу догадаться, чего вы так боитесь! Вот смотрите.

Он встал и показал ей руку, которой только что раздвигал кусты. На коже отчетливо проступали следы свежих царапин... Ее глаза потемнели, безвольно опустились и разжались руки. Граната выпала и покатила по песку.

— Но этого не может быть... Я всех знаю, всех наших, их не так уж много...

— Меня вы не знаете, потому что я прилетел совсем недавно.

— Прилетели?! Откуда?

Ее голос прерывался от волнения, от желания поверить в чудо. Сейчас только чудо и могло ее спасти.

И тогда, усмехнувшись, он просвистел мотив старой песенки о зеленой планете, песенки, которая была когда-то своеобразным гимном тех, кто улетал завоевывать новые звезды. Она замотала головой, на глазах у нее проступили слезы.

— Не надо! Этого не может быть! Не может!

— Ну вот, наконец-то меня встретили, как надо. Девушки всегда плачут, когда прилетает корабль с Земли, только они плачут от радости...

И вдруг она ему поверила, поверила потому, что, лишённые всего, забытые, загнанные, все еще не сложившие оружия, но почти потерявшие надежду, они мечтали об этом корабле, ждали его, искали вечерами маленькую огненную точку, прокладывающую среди звезд свой собственный маршрут... И сейчас наступила реакция. Анна почувствовала, как слезы хлынули из глаз неудержимым потоком.

— Ну, ну, полно... Расскажите лучше, как вы здесь очутились.

— Я сейчас, подождите...— она всхлипнула еще раз два, отвернулась, вытерла лицо. И вдруг резко, без всякого перехода, спросила: — Постойте! А где ваш корабль, почему вы один?

— Корабль? Корабль далеко. Его захватили те, из города. Я прилетел один.

— А оружие, скафандр? Впрочем, скафандр не поможет... Вы же ничего не знаете!— В голосе ее звучала тревога. Теперь она была по-деловому сосредоточена, готова была встретить опасность лицом к лицу, как умели они все, дети этого жестокого мира.— Потушите костер, скорее... Возьмите гранату, ту, на песке. Вы знаете, как с нею обращаться?

— Может, вы сначала объясните, в чем дело?

— Потом. В сумке есть карта, как я сразу не догадалась... Ведь третий пост совсем близко, километров десять. Туда еще можно добраться. Самое трудное переправиться, нужен плот, потому что от моей лодки почти ничего не осталось.

— Объясните, наконец, что вы задумали, зачем нам плот?

— Наша база далеко, там, в горах,— она махнула рукой в сторону далеких вершин, уже скрытых синевой сумерек.— Меня унесло потоком. Но поблизости есть вре-

менная база охотников, мы зовем ее третьим постом. Да не стойте же! Ищите дерево для плота!

Древесина была легкой, как пробка, оказалось достаточно всего двух бревен. Прежде чем оттолкнуть плот, девушка осмотрелась.

— Приготовьте гранату, но кидайте, только если я скажу. Если что-нибудь случится, в сумке карта и компас, азимут я отметила. Через десять километров вы увидите отдельно стоящую скалу, в ней пещера охотников. Будьте осторожны при подходе к пещере. Ночью они стреляют во все, что движется. Вы должны дойти, слышите? Должны!

— Успокойтесь. Мы дойдем вместе.

Он почувствовал, как ее горячая шершавая ладонь сжала ему руку и тут же отпустила.

— Ну, а теперь вперед. И молчите! Мне нужно слышать малейший шорох. Иногда их выдает шум...

Она оттолкнулась шестом, и течение сразу же подхватило плот. Солнце окончательно скрылось за горизонтом, и заря почти сразу поблекла. Чуть слышно журчала вода. Ротанов молчал и думал о том, как много мужества нужно людям на этой планете, чтобы оставаться людьми...

Плот продирался сквозь плотную серую вату, в которую превратилось окружающее пространство. Берегов не было видно, река текла бесшумно и плавное, казалось, они и не движутся вовсе. Но вот резкий толчок едва не сбросил их в воду, и сразу же Ротанов увидел противоположный берег. Девушка прыгнула и ждала его, повернувшись лицом к реке. Сзади послышалось резкое шипение, словно кто-то стравливал пар под высоким давлением. Ротанов оглянулся, но ничего не увидел, кроме плывущего над рекой плотного тумана. Наверное, все-таки там что-то было, потому что девушка широко размахнулась и бросила в реку гранату. Ослепительный синий

протуберанец взметнулся вверх, стало светло, как днем. Но и тогда Ротанов ничего не увидел. Он все еще стоял на плоту. В разные стороны летели разорванные взрывом клочья тумана, клубился пар — и это было все. Горячая волна воздуха толкнула его в грудь. Толчок был гораздо слабее, чем можно было ожидать после такого взрыва.

— Да прыгайте же, наконец! — крикнула девушка, и он тут же очутился на берегу рядом с нею.

— По-моему, ничего не было. Зря израсходовали гранату.

— Скорее!

Минут тридцать они молча, с ожесточением продирались через колючие заросли. Ротанов чувствовал, что задыхается. Все его силы уходили только на то, чтобы не отстать от нее, а ведь он шел вторым... Он уже хотел, наплевав на мужское самолюбие, попросить ее идти потише, но, к счастью, заросли расступились, выпустив их на небольшую поляну.

Девушка обернулась, и в эту секунду он перестал ее видеть, потому что глаза закрыла мутная завеса. Впечатление было такое, словно ему на голову опрокинули ведро с молоком. Он услышал, как вскрикнула девушка, рванул к ней, но не смог двинуться с места. Руки и ноги слушались, однако каждое движение стоило огромных усилий, словно на него надели плотный мешок из резины. Он не знал, удалось ли ему продвинуться хоть на метр, потому что больше ничего не слышал и не видел... Потом в ушах раздались ритмичные глухие удары, сдавило виски.

Он вновь изо всех сил рванул, стараясь вырваться из этой непонятной вязкой массы, облепившей все тело. Ее плотность и давление постоянно менялись. Она пульсировала и то поддавалась его усилиям, то будто застыла в сплошной монолит, и тогда он не мог шевельнуться. Он не знал, сколько времени это продолжалось, — минуту или час. Но после очередной попытки освободиться заметил, что пелена вокруг глаз редет, и почти сразу увидел звездное небо. Что-то беловатое, похожее на клубы пара, опадало с его плеч на землю, растекалось по ней плотным слоем метровой высоты и уползло прочь. Девушки нигде не было видно. Он вспомнил про гранату. Последние хвосты белесой дряни уползали с поляны в заросли кустов. Он метнул гранату им вслед. На несколько секунд стало светло.

Девушка лежала посреди поляны, неловко подогнув руку. Пульс прослушивался очень слабо, а лицо в отблесках догорающих кустов показалось ему смертельно бледным. Ротанов беспомощно шарил по карманам, заранее зная, что аптечки с ним нет. Потом подхватил девушку на руки, почти автоматически отметил по звездам нужное направление и пошел вперед.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

К ВОПРОСУ О ДВУХХОРДОВЫХ

«...Он схватил меня за рукав и поволок в угол, где на черной лакированной подставке был растопырен какой-то странный скелет величиной с собаку.

— Видишь, у него два позвоночника. Зверь с Нистагмы. Когда мы взяли первый экземпляр, то подумали сначала, что это какое-то уродство. Потом другой такой же, третий... Выяснилось, что на Нистагме обитает целый бранч животного мира — двуххордовые. Их нет больше нигде... да и на Нистагме только один вид».

Приведенный отрывок взят из повести А. и Б. Стругацких «Парень из преисподней».

Между прочим, Корней (герой повести) ошибается, утверждая столь категорично, что двуххордовые живут только на Нистагме. Они обитают и на другой планете А. и Б. Стругацких. Где именно?

Для ответа полистайте повесть «Возвращение (Полдень, XXII век)».

«— Нет, Лин. Одни пустяки. Десяток двуххордовых змей, несколько новых...» А чуть ранее Охотник (автор реплики) говорит, что вернулся с Яйлы, с Тысячи Болот.

Вот и получается, что бранч двуххордовых живет также и на планете Яйла. И, следовательно, сами авторы — А. и Б. Стругацкие — допустили невольно ошибку, утверждая устами Корнея противоположное. Это именно ошибка, потому что упоминаемые произведения связаны между собой общими названиями планет, различными событиями и т. д. Кроме того, в повести «Парень из преисподней» Земля описывается в более поздний период, чем в «Возвращении». Почему? За доказательством далеко ходить не надо: в «Возвращении» в расцвете самодвижущиеся дороги, в повести же «Парень из преисподней» сообщается, что этими дорогами перестали пользоваться. Таким образом, Корней должен был знать, что бранч двуххордовых хотя и редок, но существует тем не менее на двух (а не на одной!) планетах в той Вселенной, которую создали братья Стругацкие.

В. КОЗУБОВ

Алтайский край

ИГНАТОВО ЗНАМЯ

Юрий
НЕМИРОВ

В селе Новокумском, что на Ставрополье, живут потомки отважных мятежников из войска Игната Федоровича Некрасова. Бывший атаман Есауловской станицы, он был в числе ближайших сподвижников Кондрата Булачина, поднявшего в начале XVIII века народное восстание. После его поражения Некрасов, спасая тысячи казаков и их семьи от царской мести, в конце 1708 года увел их на Кубань, принадлежавшую тогда Турции. Дальше путь добровольных изгнанников лежал на Дунай, к турецкому побережью Эгейского и Мраморного морей.

Два с половиной века прожили казаки на чужбине, сумев сохранить любовь к далекой Родине, нравы и обычаи предков.

О загадочной судьбе одной из святынь некрасовцев — знамени атамана Игната Федоровича — рассказывается в очерке.

«Царизме не покоряться, при Царизме в Расею не возвращаться», — говорил казакам Игнат Некрасов. Его заветы стали своеобразным моральным кодексом казаков.

У некрасовцев были серьезные основания ненавидеть российских императоров.

В «Истории города Таганрога», изданной в 1898 году, П. П. Филевский писал:

«Расправа с восставшими была самая беспощадная: некоторых четвертовали, целыми сотнями вешали, виселицы с повешенными ставили на плоты и пускали вниз по Дону в наидание прочим. Казацкие городки разоряли и сжигали...»

Возвращение казаков на землю предков началось еще перед первой мировой войной. Это решение созревало исподволь, и для него были веские основания: по султанскому указу казаков обязали служить в турецкой армии. Войсковой круг постепенно терял свою законодательную силу, а над выходцами с вольного Дона был поставлен турок — мухтар...

Кстати сказать, на вопрос одного русского путешественника, как же казаки, состоящие на султанской службе, могут поднимать меч на соотечественников, он получил такой ответ: «А мы с русскими не бьемся, мы через них палим, и они через нас. Как можно с ними биться?!»

Четверых детей привезли из Турции Леонтий и Полина Пушечкины, да двое еще здесь родились. Пригласив меня в парадную горницу и сняв с головы темный вдвой платок, Мария Родионовна начала рассказ:

— Мама моя, Мария Лукиневна, недолго пожила на родной земле. Умерла она ста семи лет от роду. Все, бывало, плакала да убивалась, что так мало дней судьба оставила ей на долю после нашего отъезда на родину из Туретчины. Пришли казаки туда с пушками, с саблями, со знаменем... Я его, мил человек, своими глазами видела, своими рученьками ласкала. Оно ведь у нас в дому хранилось, когда матушка моя Мария Лукиневна его из церкви к нам в хату забрать надумала...

Речь моей собеседницы течет плавно, словно сказку она мне рассказывает: Эта манера осталась у некрасовцев с давних времен. Они ее сохранили, как сумели сберечь песни и предания, свои костюмы...

— Омочи уста, — сказала мне Мария Родионовна, предлагая выпить стакан студеного, из холодильника, квасу. А неспешный рассказ звучал дальше: — Мама в церкви служила. Храм этот в нашей деревне Кюдзягель, что значит — Большое озеро, был старей-престарый. У входа стоял мраморный камень с буквами «И. Ф.»

Это значит — Игнат Федорович. Так Некрасова нашего звали.

Мария Родионовна помолчала, собираясь с мыслями. Я не торопил ее, понимая, что такое молчание и есть золото.

— ...Ну, мил человек, я вот про что. Мама моя в том храме прибирала, свечки продавала, делала, что придется. А в деревне нашей один турок-нехристь завелся, все жалобы писал на нас. А особо он Игнатово знамя невзлюбил, все грозилась его украсть. Матушка и спрятала его дома. Долго мы это знамя в хате соблюдали, потом все же отнесла его матушка в церкву. Незадолго это было до нашего отъезда в родные края, уже билеты на теплоход «Грузия» имелись... Узнав про то, турки наш храм опечатали, и что было в церкви дорогого для нас, мы забрать с собой не сумели. И все пропало!.. И знамя, и старинные иконы, и книжечка с игнатовыми заветами нам — казакам да казачкам. Вот ведь какая беда вышла.

Этот горький рассказ подтвердил Василий Порфирьевич Саничев — крепкий старик с седой окладистой бородой. У некрасовцев он всегда славился грамотностью. Это его посылал казачий круг в Анкару вести переговоры с советским послом о возвращении на Родину, а также в Москву — решать конкретные вопросы переселения.

— Все так и было, как вам сказали, — начал Василий Порфирьевич. — Когда я узнал, что Мария Лукичевна отнесла Игнатово знамя в церковь, я, помнится, сказал ей: «Эх, бабушка, ты бы лучше дома эту святыню спрятала или мне на хранение отдала».

Перед отъездом в Стамбул мы уже не имели доступа в нашу церковь. Турки золото там надеялись найти. Да откуда ему взяться?.. Знаю, что в Турцию потом посылался официальный запрос о наших реликвиях, но ответ пришел неутешительный: дескать, некрасовцы все увезли с собой. Вот и весь разговор... Не раз писал я в Турцию моим добрым знакомым, все спрашивал: «Не слышно ли чего нового про Игнатово знамя?» Получил ответ, что некоторые наши реликвии, возможно, попали в стамбульский собор Святая София.

Полгода спустя после этого разговора с Саничевым я отправился в туристический круиз по Средиземноморью. Не было сомнения, ехать или не ехать в столь дальние края.

Собор Святая София, построенный в 537 году греческими архитекторами Изидоросом и Артемисом, в 1935 году по указу первого турецкого президента Ататюрка стал музеем. Да и собор сам по себе — редкостный музей. Это один из древнейших христианских храмов на земле.

После завоевания Константинополя турками пришлось ему, гордости Византии, превратиться в мусульманскую мечеть. В 15—16 веках были построены четыре минарета, которые и придадут сегодня Святой Софии магометанский «профиль». Но самые старинные византийские мозаики — здесь! Они были на века скрыты гипсом и штукатуркой, и реставраторы наших дней открывают миру нетленную красоту средневековых росписей. Год от года их становится на стенах все больше...

Сегодня в собор Святая София приходят туристы из разных стран. Рядом — знаменитая Голубая мечеть, развалины древних турецких бань и ипподрома, гигантский обелиск, некогда привезенный в Константинополь из египетского города Фивы...

Но знамени Игната Некрасова в Святой Софии нет.

Доцент Ростовского педагогического института, известный донской фольклорист Федор Викторович Тумилевич давно интересуется судьбой Игнатова знамени. С 1936 года он бывает у казаков-некрасовцев. Те седебородые старцы, с которыми он тогда познакомился, вернулись в Россию в 1912 году и после долгих приключений — жить им довелось в Грузии, потом — под Армавиром — основали хутор Ново-Некрасовский, неподалеку от городка Приморско-Ахтарска.

В книге Ф. В. Тумилевича «Нам землю Ленин дал» («Сказки и предания казаков-некрасовцев», Ростиздат, 1961), на первый взгляд, есть исчерпывающий ответ на вопрос о судьбе Игнатова знамени. В одной из сносок мелким шрифтом написано:

«Тихон Пушечкин — казак-некрасовец, знаток некрасовской истории, хранитель старого знамени Игната, печати, наски Игната, старопечатного евангелия. В 1932 году он сдал в районный отдел НКВД знамя, печать, евангелие. Умер в 1936 г., на 98-м году жизни».

Но подлинным ли знаменем он обладал? Может быть, это еще одна легенда?

...Представим себе день отъезда нескольких казачьих семей в Россию. Проданы дома — и своим, некрасовцам, и соседям — туркам, которые всегда с восхищением цокали языками, проходя мимо русских дворов: такая здесь была чистота и ухоженность. Уложены пожитки по телегам, привязаны накрепко — дорога предстоит неблизкая, до Константинопольского порта.

В самое надежное место упряганна копия знамени Игната Федоровича Некрасова. Сделала ее большая рукодельница Татьяна Ивановна Капустина, тоже покидавшая Турцию.

По рассказам стариков, только одного она не сумела: у подлинного, очень ветхого знамени на солнце просвечивал Игнатов профиль. Но так ли это было, проверь, выдумка тот профиль или нет?..

У Татьяны Ивановны, кстати сказать, впереди был долгий век — в прямом смысле этого слова: она прожила ровно сто лет и умерла в хуторе Ново-Некрасовском в 1949 году.

Отслужен на прощание молебен, и все рассказываются по телегам. Только казаку Семену Агаповичу Каткову что-то не сидится. На одну минутку заскочил он в божий храм, сорвал священное некрасовское знамя с амвона и спрятал его в широкие штаны. Но пропажа, по рассказам стариков хутора Ново-Некрасовского, немедленно обнаружилась. Каткова обыскали и... ничего не нашли. Кто бы мог предположить, что прежде всего надо пошарить в штанах. Но устроить такое — значит насмерть оскорбить казака, нанести обиду и его мужскому потомству. И знамя — судя по всему, то самое, подлинное! — отправляется, как и его копия, в Россию. А двадцать лет спустя, в 1932 году, сланное дряхлым церковным служкой Тихоном Пушечкиным, оно оказалось у сотрудников Приморско-Ахтарского отдела НКВД.

Время было горячее, классовая борьба в связи с коллективизацией сельского хозяйства обострилась, и кто же из чекистов имел тогда возможность поразмыслить над этнографической и художественной ценностью того, что принес в отдел НКВД перепуганный старик Пушечкин? С тех пор знамени в Ново-Некрасовском никто не видел, как и атаманской наски и старопечатного евангелия. Река бурного, сложного времени унесла эти замечательные реликвии донской истории в небытие. И никого в этом сегодня не упрекнешь... Да и подлинным ли знаменем обладал Тихон Пушечкин?

Мария Родионовна Саничева говорила еще об одной копии знамени, кроме той, что была вышита Татьяной Ивановной Капустиной.

Как ни дорожили ново-некрасовские деды произведением искусства рук Татьяны Ивановны, они, приняв Федора Викторовича Тумилевича, уроженца Пензенской губернии, в казаки-некрасовцы, подарили ему ее копию Игнатова знамени. С 1957 года она хранится в фондах Ростовского краеведческого музея.

— Я не считал возможным держать у себя дома эту святыню, — говорит Тумилевич. — Тем более, что про нее сложена еще одна легенда.

Игнат Васильевич Господарев, проведав, что Пушечкин сдал свои сокровища в отдел НКВД, почему-то

решил, будто их забрали силой, и вознамерился сохранить для потомков хотя бы копию Игнатова знамени. Обмотав им тело, Господарев уехал с Кубани на Дальний Восток, занимался там привычным для некрасовцев рыбальством и вернулся в Приморско-Ахтарский район только после войны. Копия знамени все это время была при нем.

В предании «Некрасовцы разделились на три части», вошедшем в книгу «Сказки и предания казаков-некрасовцев», читаем:

«Ну, когда пришел Некраса на границу Турции, салтан просил Некрасу, чтоб дал он клятву. Тогда стрельнул Некраса в свое знамя. Прострелил Некраса знамя, с того времени оно пробито. Гутарили и другое, будто бы знамя в бою пробила Катярина, когда Игнат воевал с ней...»

В предании нет единой точки зрения на происхождение отверстия в знамени Игната Федоровича. «...Ты в крест стрельнул, клятву басурманину дал», — как говорится в предании, упрекали Некрасова его братья, внешне немалою смуту в Войско. Старики же им резонно отвечали: «Для спасения народа клятва дана. Игнат ниже креста стрелял, беды в том нет».

На копии Игнатова знамени, хранящейся в Ростовском музее краеведения, на изнанке действительно есть белый старообрядческий крест, а под ним вышито отверстие. Это соответствует если не фактам, так преданиям. След на знамени остался от пули, посланной Игнатом Федоровичем. Он был вынужден поклясться султану, говоря на современный лад, в лояльности своего Войска: не верил иначе султан сынам Тихого Дона.

Султан, взяв с Игната Некрасова страшную клятву не приносить ему лишних хлопот, однако же, имел и свой интерес: на самой границе с Россией, на Кубани, ему было выгодно разместить вооруженных, антикрепостнически настроенных людей, готовых оказать русскому царизму сопротивление. Так вскоре и случилось. После того, как Некрасов отверг предложение императрицы Анны Иоанновны вернуться в Россию, она послала против Игнатова войска свою армию. Некрасовцы, читаем в «Истории Дона», вышедшей в 1973 году, «...еще много лет продолжали войну с самодержавием и совершали время от времени походы на Дон и южные окраины крепостнической России».

На лицевой стороне знамени вышиты разноцветные квадраты. Зеленый — это цвет надежды, желтый — тоски по родине. Трехглавый орел тоже глубоко символичен. По центру — сам Игнат Некрасов, по бокам

от него ближайшие сподвижники и боевые друзья — Драный и Голый. Еще здесь есть лабиринт красных линий, а в центре — два яйца. Старики объясняли эту символику так: яйца олицетворяют все живое на земле, а из лабиринта рано или поздно будет найден выход, Россия вновь станет для некрасовцев родной матерью...

...В сентябре 1962 года 999 потомков Игнатова войска на теплоходе «Грузия» в прекрасную штилевую погоду вышли из Стамбула в Новороссийск. На борту в семье Бабаевых родился сынишка, и поплыла на «Грузию» ровно тысяча пассажиров. Русское поселение в Турецкой республике прекратило свое существование. Зато на Ставрополье появилась село Новокумское — центральная усадьба богатого виноградарского совхоза.

Все изменилось в жизни этих людей — они стали гражданами великой Страны Советов. Но некрасовцы не забывают старых, исполненных поэзии и красоты преданий, и загадка Игнатова знамени — из их числа. Наверное, не самое главное — выяснить, куда же делся подлинник стяга, хотя и интересно бы, конечно, про это узнать. Более 250 лет шли некрасовцы к своей Родине, и проявленная ими на этом пути верность знамени восставших, их сердечная привязанность к реликвиям мятежной старины — вот самое существенное в этой истории.

Оленин-Волгарь

Валерий ЯКОВЛЕВ

В архивах Касимовского краеведческого музея хранятся два письма. Вот их текст:

«Уважаемый Петр Алексеевич, Я прочитал вашу рукопись и уже передал ее К. П. Пятницкому.

Если вам интересно знать мое впечатление — позволите мне говорить откровенно.

Вы обладаете богатым материалом, но — в повести много такого, что давно и хорошо знакомо русскому читателю и что очень замедляет ход рассказа. Архитектура повести, мне кажется, нарушена описанием рыбных промыслов. Этот эпизод, будучи интересен сам по себе, поставлен вами не на месте и — пропадает, разрушает внимание читателя.

Вы ввели его ради характеристики Дмитрия, но Дмитрию уделили очень мало места и перегрузили описательную часть.

Думаю, что в «Безлюдье» основную тему повести не следовало разрывать, перенося действия в иную среду да еще резко отличную, — тем более не нужно, что ведь Дм. является на сцену в самом конце повести. Основной, — или во всяком случае преобладающий тон отношения помещиков к «народу» у вас добродушный, думаю, что читатель усумнится в этом.

К недостаткам следует отнести и тот факт, что вы берете дворян преимущественно в их делах и отношениях друг к другу и стусивываете

их отношения к деревне, мужику. Эпоха, когда именно развивается действие повести, неясна.

Вот какие соображения вызвала у меня ваша работа. Может, я не верно сужу, но — таково впечатление. Желаю всего лучшего

А. ПЕШКОВ.»

«24 марта 1911. Капри. Многоуважаемый Петр Алексеевич. Исполняя Ваше желание, послал Вам почтой рукопись «Безлюдье». К ней приложил три Ваши книжки, переданные мне Алексеем Максимычем.

Балладу Мюссе я отнес Ал. Максимычу в тот же день, как только получил.

«Безлюдье» интересно. Масса любопытных типов. Чувствуется, что автор прекрасно знает среду, которую описывает. Хотелось бы, чтобы Вам удалось довести до конца задуманную эпопею.

Алексей Максимыч хотел послать Вам подробный письменный разбор первой части. Ему и книги в руки.

Я же надеюсь подробнее поговорить при личном свидании, так как на этих днях непременно побываю в Неаполе.

Всего хорошего.

С уважением готовый к услугам
К. ПЯТНИЦКИЙ.»

На тусклой любительской фотографии — широколицый человек с сажеными плечами, в форменной капитанской куртке с шевронами на рукавах. Так он выглядел при жизни — мятежный капитан, драматург и прозаик Петр Оленин-Волгарь.

Алексей Николаевич Оленин, известный археолог, историк и художник, был с 1811 года директором петербургской Публичной библиотеки, а затем — президентом Академии художеств. Он дружил с Пушкиным и Жуковским, Брюлловым и Кипренским. Дочери Оленина, петербургской красавице Анне Алексеевне, Пушкин посвятил стихи:

Я вас любил, любовь еще,
 быть может,
В моей душе угасла не совсем,
Но пусть она вас больше не тревожит...

Это стало известно по приписке, сделанной рукой самого поэта. Она была найдена пушкинистами в альбоме Олениной. Поэт был влюблен в Анну Оленину и даже сватался к ней.

Сын А. Н. Оленина — Петр, участник Бородинского сражения, унаследовал от отца любовь к искусству, он успешно занимался живописью.

Одни из портретов, принадлежащий кисти Оленина, можно увидеть в Касимовском музее. На нем изображен черноротый смуглолицый человек в пышной розовой чалме. Надпись на обороте свидетельствует о том, что брамин Нам-жоги Алан из индийской области Мальва, город Удепур, прибыл в 1816 году в Петербург «для выяснения научных и философских вопросов». Брамин остановился в доме А. Н. Оленина.

И еще один портрет, тоже выставленный в Касимовском музее: красивый мужчина средних лет с утонченным аристократическим лицом. Это — Алексей Петрович Оленин, сын Петра Оленина.

Родился Алексей Петрович в 1834 году. По тогдашнему времени он получил блестящее образование. По достижении совершеннолетия был зачислен офицером Нижегородского драгунского полка, где когда-то служил Лермонтов.

Здесь, на Кавказе, произошла прелюбопытная встреча Алексея Оленина с французским писателем Александром Дюма, автором знаменитых «Трех мушкетеров».

Оленин с командой охотников стоял в дозоре на крутом берегу горной бурливой реки Сулак. Внизу, в долине, сокрытый сизым маревом, показался обоз, охраняемый конвоем казаков. Внезапно налетели горцы, обложив обоз со всех сторон. Оленин уже собирался было броситься на выручку со своими охотниками, но казаки дали отпор, и горцы бежали.

Наконец, обоз подкатил к стоянке. На одной из повозок, по-барски развалившись, восседал грузный телом господин.

— Кто это? — спросил Оленин у казака.

— Сказывают, француз, генерал Дюма, — ответил казак.

Оленин учтиво, на французском языке справился у проезжего господина о прелестях путешествия, о кавказских впечатлениях и пригласил его отобедать у себя на бивачной холостяцкой квартире.

Шумная была пирушка — истинно гусарская! Позже, в своих путевых записках о путешествии по России, Дюма подробно ее описал. Упомянул он также и про стычку драгун с отрядом непокорных джигитов и

про свое участие в ней. Но, оказывается, Дюма попался на удочку. Командир Нижегородского полка, в котором служил Оленин, задумал показать именитому гостю всю тревожную боевую обстановку на Кавказе. Он приказал переодеть отряд казаков в одежду горцев и «напасть» на обоз. Все было разыграно весьма натурально, и Дюма «понохал», что называется, опасность...

Отслужив на Кавказе и выйдя в отставку, Алексей Оленин женился на Варваре Бакуниной, двоюродной племяннице идеолога анархизма М. А. Бакунина, и поселился в своем имении Истомино, неподалеку от Касимова.

У них было четверо детей: Александр Оленин — композитор, примыкавший к «Могучей кучке», автор оперы «Кудеяр», собиратель русских народных песен; известная камерная певица Мария Оленина — Д'Альгейм; невеста сына Шамиля Джемаль Эддина — Елизавета Оленина; Петр, взявший себе псевдоним Оленин-Волгарь, — пролетарский писатель.

Жизнь Оленина-Волгаря была мятежной и бурной. Судьба бросала его с лазурного берега Неаполя на продымленные палубы волжских пароходов, он сочинял изящные либретто для опер и оплакивал крах газеты, которую взялся редактировать, царская цензура конфисковывала сборник его очерков «На вахте», он спас от преследования охранки беглого очаковца, матроса с восставшего корабля «Очаков», и был вынужден эмигрировать в Италию... Здесь, в Неаполе, он направил на суд М. Горькому свой роман «Лишние люди». После встречи с Горьким Оленин-Волгарь писал брату композитору Александру Оленину:

«Передай Марусе (их сестре Марии Олениной-Д'Альгейм) просьбу от Максима Горького приехать к нему, так как он жаждает ее услышать. Я вчера был у него на Капри целый день. Все старался устроиться в Знания. Он... был необыкновенно мил и прост...»

После революции Петр Алексеевич Оленин-Волгарь плавал капитаном парохода по Волге и Оке, писал статьи, очерки, стихи, пьесы. Умер он в 1946 году в преклонном возрасте...

ЛАБОРАНТ

Экзамены в институт он сдал довольно хорошо, хотя конкурс был огромный. На собеседовании спросили, чем занимался после школы.

Ответил как было:

— Работал лаборантом в физической лаборатории.

— Очень хорошо, и чем занимался?

— Чай заваривал инженерам, — решил пошутить он.

— Прекрасно! Вот и расскажи, как ты его делал, какие при этом происходят процессы. Только подробнее.

Они не шутили. А потом, когда мы сидели в скверике, я спросил, что же, в действительности, делал он на заводе как лаборант.

— Семьдесят процентов времени занимался всем, чем придется, в общем, всякой мелочью... Они сказали, что у меня слабо развита любознательность, интерес к привычному. Это правда?

— Не исключено. Отбирали очень строго. Зато теперь знаешь, как это бывает. Расскажи, пожалуйста, чем занимался остальные тридцать процентов времени.

Он рассказывал, я про себя комментировал. В первые дни его взяли на базу за приборами. Он слышал, как инженер сказал кому-то: «Это наш новый лаборант, крепкий мальчик — погрузит».

Приборы были известны по школьному кабинету физики: реостаты, миллиамперметры, термостат. А два прибора незнакомые: приставка к бетатрону и коэрцитиметр. Он мог бы спросить у инженера про них, и на завод приехал бы чуточку грамотнее, чем выехал. Но не спросил. Езда, оформление, погрузка и разгрузка — это, конечно, семьдесят процентов. А тридцать процентов — он не заметил, где потерял.

В другой раз инженер попросил отнести реостат на тарировку и проверку. Пришел, а в проверочной лаборатории обеденный перерыв, отнес обратно. Инженер позвонил секретарю, узнал, когда там кончается перерыв. Потом — в проверочную, уточнил: будут ли сегодня принимать реостаты, когда лучше придти, что с собой принести, и дал трубку — сам слушай. Там ответили: с собой принести секундомер, провод-удлинитель и паспорт на прибор. А приходить сегодня не нужно, в лаборатории отключено напряжение.

Мотай на ус, в другой раз сам все узнавай — не потеряешь время. Когда принес реостат, мог бы попроситься посмотреть, как делается тарировка, возможно, помог бы, а главное — научился. Но ушел, и до обеда ничего не делал. Это семьдесят или тридцать процентов?

Потом инженеры попросили его

заварить чай, пили все вместе, и они спрашивали, нравится ли здесь. Конечно, пока ничего интересного нет, но это работа. Вот скоро будут устанавливать приставку к бетатрону, надо присмотреться — возможно, придется на нем поработать.

— А как работать? — наконец спросил он.

— Потом покажем. На бетатроне просвечивают сварные швы. Слышал про дефектоскопию? Помнишь про рентгеновские лучи? Почитай-ка инструкцию.

Он читал про ускорение заряженных частиц, про жесткое излучение и думал: опять теория! А ему так хотелось что-то делать самому, а не читать!

...Однажды инженер положил в термостат две металлические пластинки, между ними пластмассовую прокладку, подсоединил проводочки, сказал, что нужно записывать показания вот этих двух приборов: потенциометра и амперметра.

— Через каждые 10 минут в течение двух часов. Правильно, 12 замеров, 12 точек для построения кривой. Только не прозевай, работай по секундомеру.

— Есть же автоматические самописцы, — блеснул он эрудицией.

Инженер сказал, что самописцев в лаборатории нет, кроме того, ему нужна точность выше, чем дают автоматы.

Да, это была скучная работа, из числа семидесяти процентов. Много раз он вот так же записывал показания. А однажды, чтоб не ждать 10 минут, он решил записывать через 5 минут. Говорили же, что требуется высокая точность! Построив графики, инженер похвалил его: действительно, через 5 минут картина получается интереснее.

— Поздравляю с инициативой, я думал, ты только от сих до сих умеешь.

— А давайте блиц играть в шахматы, — совсем осмелел он, — как раз пять минут партия, заканчиваем — и я снимаю показания.

Инженер рассмеялся: в обеденный перерыв обязательно сыграет, а сейчас надо отлаживать бетатрон.

Когда установили и запустили бетатрон, его научили наводить пучок электронов на резкость, показали, как просвечиваются сварные швы, как расшифровывать пленку. Он даже попросился поработать на установке, но оказалось, что ему нельзя — нет восемнадцати лет. По инструкции не положено работать несовершеннолетним на аппаратах с рентгеновским излучением.

Зато на других станках он оказался незаменимым. Однажды инженеров-мужчин не было, остались одни женщины. Потребовалось сдать пробу на анализ химикам. Надо было образце металла просверлить на станке, и выяснилось, что женщины

сверлить не умеют. То есть знают, как это делается, но к станку подойти боятся.

— Ты у нас единственный мужчина, выручай слабый пол.

Смешно, чего здесь бояться? В школе, бывало, сверлил не один раз. Закрепил испытуемый кусок металла, закернил и просверлил.

— Ой, не так, — сказал слабый пол, — нужно стружку помельче, и дробленную, и чтоб она не горела — ведь пойдет на анализ.

Тогда он понял: в школе стружка была отходом, ее выбрасывали или сдавали в металлолом. А здесь именно она — объект исследования. Взял сверло поменьше, сходил в цех, попросил заточить, убавил на станке обороты. Когда сверлил, вспомнил, как в школе учили на уроках труда: почаще выводить сверло из отверстия да побольше поливать эмульсией. Стружка не вилась, ломалась и получилась «просто замечательной», как выразился слабый пол.

Скоро он стал специалистом по пробам. Можно даже оформить его пробоотборщиком, сказал инженер, есть такая рабочая профессия, там зарплата побольше, зато работа однообразная...

— Вы оформите пробоотборщиком, а работать я буду, как и сейчас, лаборантом.

— О, ты стал совсем смелым! Лучше мы повысим тебе разряд — зарплата еще выше, а работа разнообразная. Так что, готовься на третий разряд.

Почему у лаборантов не бывает первого разряда, ему объяснили. Это как школьные оценки — на единицу всегда знаешь. Там оценивают знания, здесь, на заводе, в первую очередь — умение. Два балла — это уже знание, хоть и плохое.

— Значит, если у меня сейчас второй разряд, я лаборант на двойку? — спросил он.

— Представь себе, и не огорчайся. Ведь и работаешь ты маловато. Зато у тебя есть крепкие знания, значит, придет и умение. Скоро станешь лаборантом на твердую, крепкую тройку. Готовься.

Еще он спрашивал, бывают ли лаборанты пятого разряда.

— О, это профессора своего дела! Многие они умеют даже лучше инженеров.

Теперь он понял, что значит готовиться на разряд. Не так, как к экзаменам в школе или в институт — зубрить и запоминать. Здесь надо самому уловить, что требуется для помощи инженерам, и уметь это делать не хуже, чем инженер, а со временем и лучше. Для него это было: заправлять пленку бетатроникам и знать, какие детали они просвечивают. Следить за исправностью всех приборов в лаборатории и вовремя относить их на проверку. Делать самому элементарный

ремонт, а при необходимости — и модернизацию под наблюдением и по указанию инженеров.

Между прочим, одну модернизацию он уже сделал, и даже без указания, сам догадался. Ну, не модернизацию — громко сказано; просто увеличил барашки, которыми плотно затягивается крышка термостата. Женщинам трудно закручивать барашки, сил не хватает, звали на помощь его, а после экспериментов опять звали — откручивать. Вот он и приделал на барашки вентили от больших кранов. Теперь легко справляются сами.

Это было уже абсолютные точные тридцать процентов. Здесь он оказался на высоте. А в другой раз опять сплеховал, хотя и не понял этого.

В лаборатории проводили научный семинар. Пришлось ему принести от соседей стулья, доску, расставить и подключить приборы. Еще надо мелу побольше, тряпку намочить. И еще, ну конечно же — чаю заварить и воды согреть.

Когда все сделал, инженеры сказали, что теперь он может быть свободным. Он и обрадовался возможности уйти пораньше. А ведь не гнали, мог бы и остаться, послушать. Глядишь, чего-нибудь да понял бы. Не на тридцать процентов, конечно, хоть на пять — зато каких!

Правда, название семинара он все же запомнил: «Новые методы в дефектоскопии». Какая интересная тема! Ведь не исключено, что придется работать дефектоскопистом.

— Да, тут я дал маху, — сказал он, вставая с лавочки в сквере. — Впредь буду умнее, останусь в лаборатории на второй год.

Теперь и мне стала понятней работа лаборанта, которую сам знал лишь со стороны инженера. Кстати, если инженеры принесут так называемый императорский чай, вьетнамский, его надо заваривать особым образом, при низкой температуре, в два приема. Чтобы эфирные масла ушли, кофеин не действовал, а дубильные вещества, теины, остались. И я поделился с ним рецептом, который сам недавно узнал. Очень интересный рецепт. Лаборант слушал внимательно.

В. БОРИСОВ

*Рисунок
Н. Лазаревой*

ШАГИ ПО СИБИРИ

**Андрей
ИЛЛАРИОНОВ**

Рисунки
Л. Смирновой

Чернь

Среди осинника возвышались черно-синие пихты. За вершины их цеплялись низкие серые облака. Мне захотелось войти в этот странный лес — попытка закончилась смешно и печально. Внизу он зарос такими густыми травами и кустарником, что углубиться далее полусотни метров не удалось. Обрато я вышел промокшим до нитки: с каждой ветки при малейшем движении обрушивался холодный душ.

Потом привелось мне не раз наблюдать такой лес в восточном Алтае и в Горной Шории, в Кузнецком Алатау и на западном Саяне, но впечатление от первой встречи с ним не поблекло.

Чернь — так называют в южной Сибири горные леса с преобладанием пихты и осины в отличие от беликов — березников. Чернь словно притягивает дожди. Уроженец таежной деревеньки рассказывал мне, что мальчишкой был убежден: во всем мире почти непрерывно идет дождь и стоят туманы.

Однако хоть на минуту выглянет солнце — куда только девается хмурость пейзажа. Воздух наполняется пением птиц, жужжанием шмелей

и слегка дурманящим ароматом таежного разнотравья. Над зонтиками дягиля и сныти, над огромными темно-красными цветами марьяны корня выютясы осы и бронзовки, порхают бабочки. Тучами атакуют путника комары и оводы.

Травы, особенно на полянах, называемых здесь еланями, достигают гигантских размеров. Они скрывают пешеходов с головою. Первые исследователи называли здешние травостой «черневыми прериями».

Но чернь не везде одинакова. В тех местах, где сплошьяком высится старый пихтач, в самый солнечный день господствует мрак, да такой глубокий, что травы тут не выживают, и под ногами шуршит лишь россыпь хвои. Разгоряченный ходьбою, приложишь к щеке бархатистую лапу пихты и ошушаешь, как отдает она тебе прохладу леса.

Темень эта и у бывалого человека вызывает оторопь. Мой знакомый, таксатор, говорил по этому поводу: «В каких лесах не лазил, а в этих я один не ходок».

На северных склонах, в укромных тенистых логох, под козырьками обрывов можно и в конце лета встретить в черневой тайге толщу слежавшегося снега. Но там, где пихта в меньшинстве и преобладает осина или береза, где во втором ярусе

леса — черемуха и калина, жимолость, бузина и таволга, густота растительности такова, что под ее покровом — свой особый микроклимат. И температура на несколько градусов выше, чем под кронами деревьев. Так что чернь не только холодит, но и греет. Может быть, этому ее свойству обязаны жизнью такие реликты, как копытень, названный в соответствии с формой листьев, как герань Роберта с малиновыми цветами, напоминающими по форме розетки шиповника.

Но самый замечательный реликт черни — липа сибирская. Та самая, которой в других таежных зонах когда-то пришлось отступить перед злыми морозами. Где-то на южном Салаире, в Горной Шории сохранилось чудо — целые липовые острова.

Чернь замечательна и животными. Старожил и знаток здешних мест, егерь Г. Дараев по объединенным лапкам пихты учил меня узнавать зимние стоянки лосей. Издали наблюдали мы за молодой лисой, выжившей из норы сурка. Рассказал он, как недавно имел удовольствие держать в руках еще беспомощных барсучат. Теперь — новая забота: появились волки.

У путешествия по малой реке — свои прелести. Шум порогов не заглушает пения птиц. Меньше борешься с течением и водоворотами, больше видишь и слышишь.

От Мочиг до Петеней река Бердь не тронута человеком. Справа — болотина. Слева — крутизна сопок. Время от времени подходят они вплотную к реке, и мы убеждаемся, что по этим густо заросшим пихтою и осиною крутым склонам не только человеку — зверю трудно пройти. И вспомнилось, что в черневую тайгу без топора не ходят.

На берегу, в кустах, играет, не обращая на нас внимания, полосатый бурундучок, дорогу нашу поспешно пересекает, во всю разбрызгивая крыльями воду, выводок удивительно маленьких для августа утят. А утка тем временем пытается манить нас за собой вниз по течению, отвлекая внимание от выводака.

Порою Бердь становится зеленым коридором каких-нибудь пяти метров ширины. И лоцманом служит нам переливающийся сине-зелеными тонами зимородок. Отлетит метров на тридцать вперед и ждет нашего приближения. Мы делаем вид, что не замечаем его. Но он все равно осторожничает. Еще издали недоверчиво смотрит в нашу сторону.

В притоках Берди водится выдра, охотится за хариусом и иной рыбешкой. Местный лесник утверждал, что не одна рыба мелочь обитает в Берди. Есть будто бы и двухметровые щуки. Сначала не верил ему, а как промерил плесы шестом и оказалось, что до дна он не достает, подумал:

может, и водятся здесь щуки-гиганты.

Осенью заросли Салаира привлекают немало любителей собирать ягоды. И на всех хватало бы, да трудность в том, как до ягоды добраться. Каждый шаг стоит великих усилий. Перелезть через поваленное дерево — все равно что пытаться стать акробатом. Сапог то оказывается накрепко опутанным ветками кустарника и стеблями прошлогодней травы, то внезапно проваливается в яму. Сломать здесь ногу — пара пустяков, а тогда уж и с места не сдвинешься.

Вот почему дикую ягоду собирают пока в основном вблизи дорог. Сколько ее остается в глубинах таежных массивов — занимает ботаников-ресурсоведов. И для сибиряка, испытывающего недостаток витаминов, это не безразлично.

Кто знает, по какому пути: глубинных ли экспедиций заготовителей, постепенного ли окультуривания диких ягодников, пойдет заготовка таежных деликатесов. Ясно одно: дело это перспективное.

А еще Салаирский кряж — лучшее место для пчеловодства. Таежный или алтайский мед — светлый, тягучий и крупчатый — по качеству не имеет себе равных. Мест же для пасек на еланях предостаточно.

Из рассказанного можно было бы сделать поспешный вывод: что черневая тайга почти не тронута человеком и ничто ей не угрожает. С этим-то согласиться и нельзя. И поводом тому совсем не вздохи стариков, что «тайга стала не та». В разумных пределах рубки не только нужны, но и полезны. Другое дело — когда они захватывают водоохранные зоны, не сопровождаются в достаточной мере восстановлением леса. Тут уж затрагивается тот самый микроклимат черни, нарушить который легко, восстановить — трудно.

Заяц в городе

Катались мы с дочкой на лыжах, а этот взрослый вроде бы человек бродил по бурьяну, выписывая самые неожиданные зигзаги и проваливаясь по колено в сугробы. Поначалу я даже подумал, что это какой-то новый вид активного зимнего отдыха. Но скоро все объяснилось сколь просто, столь и неожиданно:

— Глядите, глядите! — закричал он нам.

Я глянул и был поражен: огромными прыжками удалялся от нас по накатанной лыжне довольно крупный заяц.

Происходило это, как ни странно, в самом центре Новосибирска. Когда-то был здесь овраг речки Каменки. Потом его заполнили песком из Оби.

А после дождей тут вымахала трава. И вот на этом-то острове, с одной стороны которого стучали по рельсам трамваи и электрички, с другой нутжно ревели грузовики, каким-то непонятным образом и завелся заяц. Потом знатоки высказывали догадку, что в центр города он забежал по льду широкой Оби.

Такое соседство радовало. Значит, и в городе с полуторамиллионным населением, с его шумом, дымом, может-таки прижиться существо, привыкшее к тишине леса и раздолью поля. Беспокоил только не в меру усердный следопыт:

— Ты бы заехал сверху, — предлагал он мне. — А я — снизу. Посмотрел бы я, куда он денется.

— А может, не стоит? Пусть живет себе на здоровье!

Но, видно, он не мог лишиться себя такого удовольствия.

На нем были валенки, белый полушубок в талию, какие выдают работникам внешней охраны, и я назвал его про себя «охранником». Встречались мы с ним все там же каждое воскресенье.

— Это ж — ночное животное, — укорял я его. — Ему днем спать надо.

— Собаку бы хорошую, — возражал он. — Посмотрел бы я тогда на это ночное животное... — и продолжал тяжело мять валенками сугробы.

Определять отношение к зайцу одними симпатиями и антипатиями было бы рискованно, и я рассказал обо всем экологу — профессору С. Фолитареву.

— Заяц в соседях был бы нам кстати, — обрадовался он. — Ведь половина населения страны живет в городах и потому в черте их особенно важно соотношение «природа — город». Вот в Академгородке есть такой Телегин, так он это соотношение поддерживает.

Зайцы — слабость зоолога В. Телегина. На стене его тесной комнаты — фотоснимок большеглазого, трогательного в своей беззащитности зайчонка.

«Заяц гложет посадки», — жаловались ему садоводы.

Он советовал, как защищать сады.

«Косой пуглив и недекоративен», — твердили ему.

«Зато увидишь поутру на снегу свежую заячью стезжку — на весь день бодрости прибавляется, — вздыхал он мечтательно. — Без животного все наши парки походили бы на какую-то выморочную территорию».

Позиции у Телегина основательные. Да, горожанин проводит свой день у станка, вечер — за книгой, у телевизора. И его отношения с живой природой все более переходят в сферу абстракции. Вот почему так важно, чтобы рядом было дикое живое существо.

Зоолог опытной станции Сибир-

ского ботанического сада Владимир Иванович Телегин — человек действия. Благодаря ему не один любитель заячьего рагу поплатился за это блюдо расположением сослуживцев. Ему обязаны городским устройством многие тысячи таежных птиц, две тысячи белок-телеуток, пепельно-голубых красавиц в рыжих перчатках, с рыжими кисточками на ушах, а когда телеуткам пригрозила голодная зимовка, жители по призыву зоологов сколотили сотни кормушек.

— Это совсем не моя заслуга, — скромничает Телегин. — Белка сама за себя наилучший агитатор, и за всю природу — тоже.

И тут он прав: новосибирцы сначала ездили любоваться белками в академический городок. Теперь можно встретить этого зверька и в лесопарках старого города. Было время, когда иной мальчишка с легкостью необыкновенной мог и пристрелить белку из дужкового ружья с одной лишь «невинной» целью — хорошенько ее рассмотреть, набить чучело. Теперь рассмотреть ее можно и не убивая, да никто этого и не позволит. Вот он — эффект присутствия белки в городе.

Телегина кое-кто называет чудачком. А все чудачество его сходитя на том, что из-за зверя готов он поспорить даже с собственным начальством. На территорию все того же академического городка забрела мудрая лосиха. Принесла там двух лосят. Потом к ним примкнули еще трое сохатых. Эта компания крепко там осела, и, конечно же, добралась до участков ботанического сада. Зоология вошла в противоречие с ботаникой. Ботаники решили, что с лосятами пора кончать. Но на комиссии по охране природы главным оппонентом у руководителей Ботанического сада оказался их же сотрудник — Телегин. Он предложил огородить посадки заморских растений, и взял в споре верх.

...Недавно я вновь решил побывать там, где почти в центре города спугнули мы зайца. Пришла моя очередь бороздить сугробы. Но как ни старался — не мог-таки найти заячьей стежки...

Тут Нарым — тут и Крым

Ночь застала нас наверху и была она по-зимнему студеной. И чтобы согреться, мы пораньше тронулись в путь.

Склон, по которому шла тропа, становился все круче, и с него мы любовались озером, окаймленным густым хвойным лесом.

Подъем на перевал был крут, но совсем не так длинен, как можно

было бы ожидать. Вышли на плоскогорье, покрытое поначалу сухим и высоченным листвяком. Мы посидели в беседке, сооруженной лесниками. Повесили по обычаю нитку цветную на дерево, обвешанное разноцветными лоскутами, чтобы дорога была без злоключений. И тронулись далее. Тайга становилась болотистой, все более дикой. Тропа была еле заметна, да и она время от времени раздваивалась.

С густых ветвей, как в декорациях какого-то сказочного спектакля, свисали огромные борода лишайника. Наши лошади то безнадежно увязали в болоте, то до крайности замедляли шаг, переступая обнаженные корневища. Время от времени сверкали вечным снегом дальние зубья вершин. И невольно вспомнилось:

Дик и страшен верх Алтая,
Вечен блеск его снегов.

Вскоре мы поняли, что спуск рядом. За деревьями мелькнула узенькая лента Чулышмана, рева его порогов слышно не было. Река была очень далеко внизу.

Спуск в долину, казалось, бесконечен. И не достигнув низа, мы начали ощущать, что попадаем словно бы в другую страну. Лиственницы уступали место осинам со стволами в два обхвата, высокими и стройными, как эвкалипты. По красоте и силе состязались с ними березы. А в самом низу, на плоской, как тарелка, луговине, встретила нас зелень акации и шиповника, пестрота вики и клеверов, дружный стрекот кузнечиков, крупных и ярких.

На уединенной поляне, в высокой траве потревожили мы семейство испуганных глухарей. Они не стремились спастись. Огромный бородастый глухарь с набухшими красными бровями только взлетел тяжело на ближайший сук и оттуда что-то настоятельно советовал глухарке.

Было это все на высоте около тысячи метров над уровнем моря. На холодных каменистых обрывах высоко над нами паслись дикие козлы — по-местному, буны, может быть, даже прятался снежный барс. А здесь — если б не рокот пенного Чулышмана, не скалы и водопады — можно было бы подумать, что очутились мы в средней полосе России. И чем ближе знакомились с этими местами — тем сходство все более подтверждалось. Сосны были, как с картин Шишкина, попадались обильные клубничники. Ночь тут дышала теплом, и стало ясно, что мы ехали навстречу лету.

Урочища, подобные этому, расположены в среднем течении Чулышмана. К здешнему теплу тянутся пернатые обитатели равнин. Все выше по реке косари расчищают луга, а за ними с оглядкой следует пугливый коростель. Под его немзыкальные трели вели мы вечерние разгово-

ры у костра с лесниками ближайшего кордона.

Лесничий Николай Емельянович Болгарин рассказал, что, используя здешнюю теплыню, на кордоне выращивают не только огурцы и помидоры, яблоки и сливы, но и арбузы. Недаром же местные жители сложили пословицу: «Тут Нарым — тут и Крым». Жалко только, что местный Крым по достоинству оценили не все. Совхоз «Советский Алтай» засеял овес там, где могла быть районная бахча.

Потом, в Новосибирске, желая прояснить чулышманский феномен, я засел за агроклиматические справочники, но они мало о чем поведали. Если верить им, эти места входят в «наиболее прохладную» и даже «холодную» зону, где в поймах возможно возделывание разве овса и ячменя.

Оставалось одно объяснение — микроклимат. Действительно, южные каменистые склоны днем прогреваются, чтобы ночью отдать тепло воздуху. Густые леса, словно шуба, тепло это надежно удерживают. Осенью там не бывает сквозящих ветров, а зимой — злых морозов.

Известный сибирский ботаник, доктор биологии А. Куминава сказала мне по этому поводу, что микроклимат Алтая, Саян изучен еще недостаточно, а именно он определяет возможности продвижения земледелия в глубь гор.

И в горах южной Сибири, если хорошо поискать, найдется немало урочищ, в какой-то мере способных заменить сибиряку Крым...

Сарбоянский карп

Поддев сачком, его тут же обернули травой, чтобы не сох. А через два часа, уже дома, когда на него плеснули воды — он вдруг ожил. Плотного сложения, с высокой спиной, он шевелил плавниками, и стенки ванны отражали исходившее от него золотисто-розовое сияние.

Надо же так: протрястись полтора часа в машине, подышать дорожной пылью, а потом плавать себе как ни в чем не бывало.

Но удивляться, скорее, следовало другому: что такая южная рыба все же живет в Сибири. Сорок пять лет назад завезли карпа за Урал, но поселиться здесь он тогда не захотел. Там, на родине, он привык нежиться в теплых заросших зеленью прудах. Здесь за короткое холодное лето растительность на дне водоема, не успев подняться, тут же оказывалась выщипанной голодным рыбьим стадом. «Посеянный» тогда карп сохранился в виде курьезного исключения лишь в одном месте на Алтае.

Неудачные попытки переселить в

Сибирь избалованного теплом обитателя южных прудов повторялись потом не раз. Пятнадцать лет назад доставили сюда карпов украинской селекции — не дожили и до зимы. И в кругах специалистов складывалось мнение, что акклиматизация карпа за Уралом — затея сомнительная. Но научные сотрудники института животноводства Сибирского отделения ВАСХНИЛ решили, что не все потеряно. Надо было подкрепить выносливость обитателя юга. Оставался один путь — скрещивание.

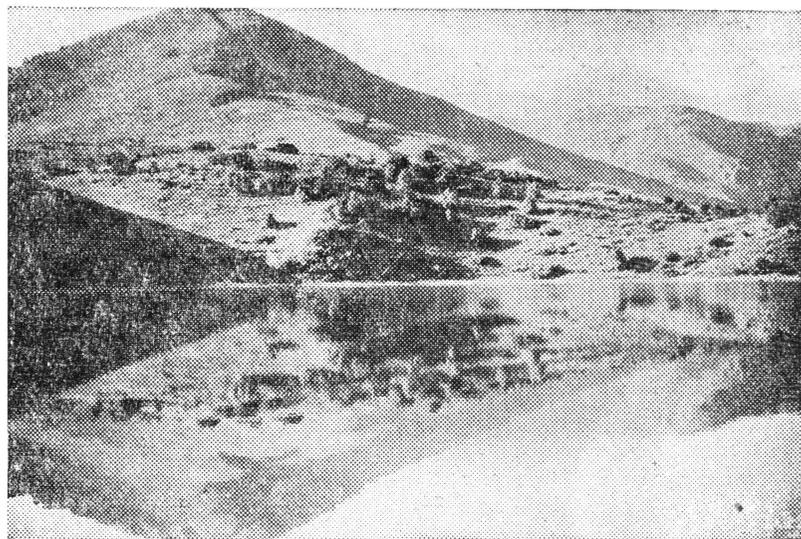
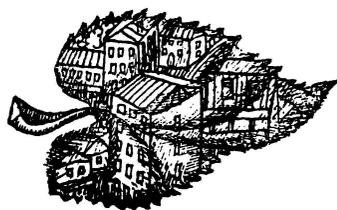
Выбор пал на близких родственников — курского карпа и амурского сазана. Первый быстро рос в условиях умеренного климата, второй хорошо переносил холод.

Научный сотрудник института животноводства В. Коровин одеждой и манерами напоминает бывалого рыбака. Короткое лето проводит он в совхозе «Зеркальный», в старой избушке на берегу пруда, окруженного крутобокими сопками, поросшими березняком. Скрещивание давно позади, за ним последовал длительный и терпеливый отбор особей — крупных, выносливых, продуктивных.

— Внедрение найденного у нас тут немедленное, — весело рассказывает он, но тут же становится серьезным: — Интересно, но страшно: все эти эксперименты не в лаборатории, а в масштабах крупного хозяйства.

Но, думаю, страхи все реже посещают рыбоводов. Сегодня в «Зеркальном» подрастает четвертое поколение сибирского карпа. И он привык обходиться без подводной зелени. А жирность его, быть может, благодаря прохладе поднялась до шестнадцати процентов при обычной — семь. И плодовитость у него неплохая — сто тысяч икринок от матки.

Ежегодно «Зеркальный» дает другим хозяйствам до полутора миллионов рыбеи молодки. У западных соседей прижилась «омская отводка» сарбоянского карпа, названного так по имени речки, наполняющей пруды «Зеркального». Третий год совхоз — участник Выставки достижений народного хозяйства в Москве. И в ближайшие годы сарбоянскому карпу держать экзамен на право представлять новую породу. По плодовитости, выживаемости и весу он и сегодня мог бы пройти такое испытание, но правило требует дожидаться потомства пятого поколения.

Вздохи озера

Древняя легенда рассказывает, что в одном из озер Каракыстакской долины живет айдахар, существо, похожее на верблюда и змею.

Я обследовал несколько озер, пытаюсь найти змея. Одно из них привлекло меня голубишной. У воды растет претолстая арча, сплошь увешанная узелками с приношением. Валяются монеты, по году чеканки которых можно судить, что озеро посещают давно. Вблизи дерева, под водой видны два провала, похожих на норы животных... И тут вспомнился мне давний рассказ. Разморенные летним солнцем двое парней решили искупаться в озере. Сложив аккуратно вещи на берегу, они спустились к воде. И вдруг горы потряс крик: айдахар, айдахар!.. Прибежавший чабан увидел странное волнение воды. В страхе чабан убежал. Спасатели после долгих поисков извлекли утонувших, широко открытые глаза которых выражали ужас.

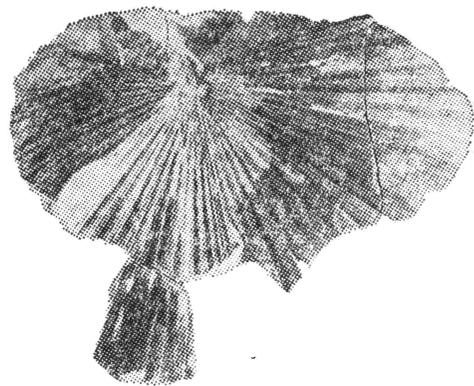
И вот на озере — экспедиция школьников. С первых же дней установили круглосуточное дежурство. Среди ночи, когда луна зашла за горы, дежурные Света Непряхина и Витя Плотников услышали глубокий вздох, какой обычно издает тяжело груженный верблюд. После вздоха послышался свист, напугавший ребят. Змей? Дальнейшие наблюдения подтвердили, что с озера иногда доносятся звуки, но кто их производит — загадка.

С далеких времен озеро считается лечебным, о чем говорят отложения солей на границе береговой линии и воды, которые при длительных дождях, растворяясь, смываются. Рассматривая такой слой соли на береговой линии, Женя Земляков, Людья Романюк, Света Царева, Таня Непряхина, Сережа Сафронов, Николай Москатов заметили около берега на воде небольшие воронки. Звучное засасывание воды с воздухом через эти воронки напоминало звуки животных и птиц. Это происходило не только в дождь, когда озеро пополняется, но и в сухую погоду, когда на поверхности его появляются извивы, напоминающие движения змея под водой. Эпизодическое подводное течение за счет выброса воды через провалы на берегу, не оно ли причина гибели людей и животных?

Но однажды мое внимание привлекли облака. Я почувствовал, что они несут страшный холод. И не ошибся. Это были снеговые тучи, тут же вытряхнувшие на вершины гор снег. Полетели холодные капли дождя. Озеро запаровало. По поверхности поползли туманы. Они стали принимать очертания каких-то животных. Передняя часть туманного облака вытягивалась, образуя длинную шею с головой. Все это настолько выглядело устрашающим, даже при дневном свете, что я невольно отпрянул, когда уродливое облако прошествовало мимо меня. Естественно, если это зрелище наблюдалось в сумерках, да еще и в сопровождении вздохов, свистов, оно могло, несомненно, породить легенду о многоголом животном, которое перевоплощается в крокодила, змею или верблюда.

А. ПЕЧЕРСКИЙ

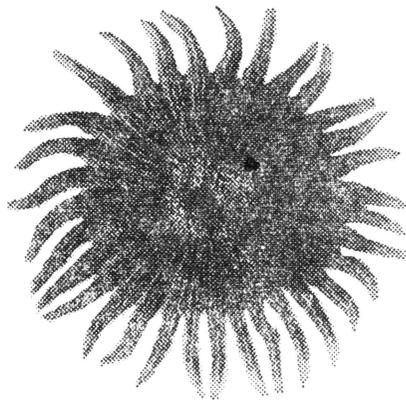
Встреча с морским драконом

Ископаемый лес

Этот удивительный лес, погребенный примерно 30 миллионов лет назад под слоем вулканического пепла, до сих пор используется мастерами красивых поделок. Крупные обломки окаменевшей древесины в Грузии имеют очень красивую окраску. На некоторых кусках ископаемых деревьев выделяются отпечатки огромных листьев пальм-великанов, росших в далекие времена. Здесь найден самый крупный в мире отпечаток листа веерной пальмы, ставший уникальным экспонатом Ботанического музея СССР.

На снимке: отпечаток листа пальмы.

Морское солнышко

В океане это солнце красиво играет лучами — нитевидными руками, украшающими светло-желтый диск. Кроме лучей-рук, у морского беспозвоночного животного имеются такие же тонкие лучи-ноги. Опираясь на них, морская солнечная звезда несет свой диск по дну.

Показанный на снимке экземпляр животного из группы иглокожих добыт в Тихом океане.

До конца отпуска оставалось еще много дней, и я решил заняться рыбной ловлей. У соседа взял легкую, как ласточка, лодку и вышел в море. Тихое, ласковое, ничем оно не напоминало тот «Понт Эвксинский» — Черное море. Грозное море, как называли его древние мореплаватели.

Не прошло и получаса, а в лодке лежало уже десятка три селедок и ставрид. И у соседей дела шли успешно, судя по азартным выкрикам, доносившимся с разных сторон. Перед самым закатом наступило затишье. Минут десять я безрезультатно дергал шнур с удочками и смотрел на солнечный шар, катившийся к горизонту. Вокруг не осталось ни одной лодки.

Последний взмах — и я вытащил сразу трех рыбок. Снял с крючков одну ставриду, затем другую, схватился за третью... Острая боль, будто я сунул руку в куст держидерева, обожгла руку! Рыба упала в лодку. Это был морской дракон. Из руки выступили капельки крови. Я сунул руку в воду, потом кое-как снялся с якоря, взялся было за весла, но меня начало тошнить, боль в руке стала невыносимой. Между тем лодку сносило в открытое море. Я закричал о помощи. Вы, конечно, понимаете, что обидно и стыдно мужчине звать на помощь из-за какой-то рыбки-недомерки. Меня услышали, две лодки повернули назад. К счастью, в каждой из них было по два человека. Двое из них пересели ко мне и взяли за весла. Рука вспухала, боль усиливалась, меня вырвало. Причалив к берегу, мои спасители вызвали «Скорую помощь», и я оказался в больнице. А тут еще и врач набросился на меня: «Надо было выдавить из ранки побольше крови, а вы суете руку в воду! Ну, ничего, в другой раз будете знать!»

Я едва пролепетал: «Если это чудовище меня сейчас не доконает, то другого раза, надеюсь, не будет». Доктор сделал обезболивающий укол, чем-то смазал кисть, туго перевязал. «Будет плохо, приходите, постараемся «сбить» боль». Дома я вскоре заснул, но проснулся, увы, очень быстро. Кисть правой руки безобразно распухла и, казалось, лежала в раскаленном зеве печи. Я метался по комнате, словно рысь в западне. В конце концов не выдержал — бросился в больницу. Уколы, сделанные вокруг кисти, облегчения не принесли. Состояние было пресквернейшее. Если бы мне в тот момент предложили отрубить руку, ей-богу, согласился бы! Мне дали морфий, и я ненадолго забылся. Так я мучился трое суток.

Окончательно же последствия от моего «рандеву» с этим разбойником — боль и опухоль — исчезли только через полгода. И, наверное, всем будет понятно мое желание узнать подробности об этом чуде, причинившем мне столько страданий. Вот я и написал письмо на морскую биостанцию. Вскоре пришел ответ. «Морской дракон — самая ядовитая из европейских рыб. Хищник. Часто закапывается в грунт, оставляя на поверхности одни глаза. Живет на относительно большой глубине. Ядовитые железы находятся у основания лучей-игл спинного плавника и жаберных крышек. Длина его достигает тридцати сантиметров, мясо вполне съедобно и довольно вкусное.

И вот теперь, когда мне приходит охота половить морскую рыбу, я тщательно осматриваю всю пойманную добычу: обжегшись на молоке — дую на воду. А море, море люблю по-прежнему...

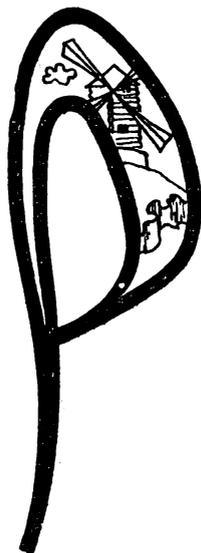
А. АХАНОВ

Язык Земли

Краткий словарь географических названий Урала

**Александр
МАТВЕЕВ**

Оформление
З. Баженовой

РАСЬЯ, название нескольких рек в Пермской области, притоков Вишеры и Березовой (бассейн Колвы). По предположению И. Я. Кривошекова, из мансийского *рась* — «рысь». Убедительнее коми-пермяцкое происхождение: *рас* — «роща», «смешанный лес», *я* — суффикс обладания (*из* — «камень», *изъя* — «каменистый», *ув* — «сук», *увъя* — «суковатый»). Основа *рас* очень часто встречается в топонимии Коми АССР: Расвож, Расшор, Расью и т. п.

РЕВДА, левый приток Чусовой, в устье которого в 1731—1734 годах А. Н. Демидовым был построен железнодорожный Ревдинский завод. В 1935 году рабочий поселок Ревда стал городом Свердловской области.

Очень интересное название, которое до сих пор не получило надежного объяснения, хотя на Урале есть и другие топонимы с тем же корнем. Несомненно, он обозначал что-то существенное. Но что именно и на каком языке?

Вот еще некоторые факты. Близ истоков Ревды начинается текущая на запад речка Ревдель (приток Барды-

ма в бассейне Уфы). В Пышму слева впадает Рефт (раньше писали и Ревт), на берегу которого находится возникший в 1966 году рабочий поселок Рефтинский. В Башкирии в бассейне Белой есть реки Реват (приток Зилима) и Реветь (приток Малого Инзера). Наконец, в Ялуторовском районе Тюменской области есть деревня Ревда.

Возможно, что некоторые из этих топонимов не имеют отношения к названию Ревда и только случайно созвучны с ним, но это не меняет картину в целом. Самое же интересное, что все эти названия зафиксированы в тех местах, где или господствуют, или, по крайней мере, присутствуют тюркские топонимы, а ведь в исконных тюркских словах начальное *р* не встречается.

Именно поэтому на сцену прежде всего выступают финно-угорские и иранские языки: в древности иранские племена сарматов, как установили археологи, обитали на Южном Урале, а по некоторым данным и в южной части Среднего Урала.

Но в языках уральских финно-угров — коми и манси — никаких параллелей не нашлось. Зато они обнаружилась в языке далеких саами — жителей Кольского полуострова. Здесь есть и *рэвд* — «дикий олень (бык)», и *ривд*, *рувд*, *ривдэ*, *руовдэ* (в разных диалектах) — «железо», и топонимы Рэвдъявр — «Оленье озеро», и Рувдъявр — «Железное озеро», и даже название поселка в Мурманской области — только с другим ударением — Рэвда.

Как относиться к этой версии? По звуковому составу саамские слова близки к уральским топонимам, по смыслу тоже подходят: оленей еще в середине XIX века встречали в окрестностях Екатеринбурга, железа на Урале тоже хоть отбавляй, правда, на Ревде и северо-восточнее Свердловска в сторону Рефта распространены не железные, а медные руды, но названия металлов в древности легко переносились друг на друга.

Главная трудность в том, что других названий, похожих на саамские, на Южном и Среднем Урале пока не нашли, есть они только на Северном Урале. И финно-угорская версия повисает в воздухе.

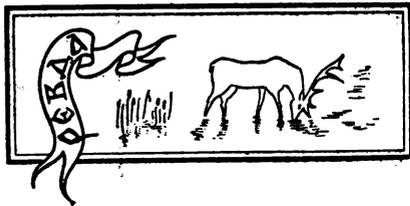
Продолжение. Начало см. в №№ 1—3, 5—10, 12 за 1978 г.

Может быть, в основе этих топонимов иранское слово со значением «река» (древнеперсидское *раутах*, ягнобское *раут*, *реут*, таджикское *руд*). Но и здесь сложность: других топонимов, которые надежно объясняются из иранских языков на Среднем Урале, тоже пока не нашли.

А надо ли их искать? Ведь все эти названия находятся в зоне тюркской топонимии, а в тюркских языках много заимствований из арабского и персидского (одного из иранских) языков, где начальное *р* встречается часто.

Так возникает еще одна версия. И вот мы уже находим в тюркских словарях заимствованное из арабского языка слово *рибат*, которое означает то «караван-сарай» в древнетюркском и турецком языках, то просто «зимовье» в языке тобольских татар.

Топоним Ревда поставил перед учеными очень трудные задачи, так что могут появиться и другие версии...

РЕДИКОР, село на правом берегу Вишеры в Чердынском районе Пермской области. Упоминается впервые как погост Редикор в 1579 году. Русские восприняли этот топоним от коми-пермяков. Географический термин *кор* — «город», «городище» (коми-пермяцкое *кар*). И. Я. Кривошеков пытается возвести основу *реди* к коми-пермяцкому *ряд* — «ряд», «порядок», однако это слово не подходит ни по звуковому составу, ни по значению. В. А. Оборин считает, что в основе скрыто личное имя Редя — «Городище Реди».

РЕЖ, правая составляющая Ницы (Свердловская область). На реке Реж в 1773 году был заложен Режевский чугуноплавильный и железодельный завод. В 1943 году поселок Реж стал городом.

Из-за начального *р*, которое отсутствует в исконных тюркских сло-

вах, следует в первую очередь обратиться к индоевропейским и финно-угорским языкам. Однако приведенные в научной и краеведческой литературе индоевропейские параллели очень сомнительны (иранское, точнее, таджикское *рез* — одна из основ глагола со значением «течь», «литься»).

Несколько лучше финно-угорские соответствия, в частности, коми-зырянское диалектное *реж* — «обрыв», в коми-зырянской топонимии Режью — «Обрывистая река». Хорошо известно, что по берегам Режа много скал и обрывистых склонов, так что по значению это вполне подходит. Все же и в этом случае остаются неясности: во-первых, слово *реж* известно только на севере — в Коми АССР, а во-вторых, в бассейне Ницы обычно встречаются тюркские и обско-угорские названия, а не коми.

Наиболее перспективно в данном случае изучение исторических документов. В мангазейских памятниках XVII века отмечено слово *реж* или *режма* — «проток» («А путь водяной: режами и морем»). Этот же термин фигурирует в качестве гидронима и в «Чертежной книге Сибири» (1701 год) С. У. Ремезова. Здесь Северная Сосьва (крупный левый приток Оби) названа рекой Режмой. Но ведь топоним Сосьва переводят «Рукав-вода», «Приток-вода» (подробнее смотри СОСЬВА).

И еще деталь. В настоящее время начало реки Реж считается место слияния Айти и Большого Сапа, а в XVII веке, как свидетельствуют памятники, Режом называли и исток из Аятского озера (современная река Аять). Следовательно, в те времена Реж воспринимался как приток, соединяющий Аятское озеро (тогда Аятские озера) с Ницей. Более того, и название Сап означает «приток», «исток». На это указывают данные хантыйских диалектов, где *сап* — «исток», «приток», «ручей», «река», и мансийское название Иртыша, крупнейшего притока Оби, — Сап.

Таким образом, название реки Реж вполне можно истолковать как «Исток», «Приток», «Рукав» (по отношению к Нице). Однако язык-источник топонима пока не установлен. Возможно, что это русский язык, если словообразовательной базой названия явился глагол *резать* в значении «отрезать», «отделить». Тогда Реж первоначально — «Отрезок», «Ответвление». Сравните западносибирский географический термин *резка* — «прорытый в болотах узкий канал, по которому может пройти лодка».

САБЛЯ, горный хребт на Приполярном Урале в верховьях рек Большой Паток и Большая Сыня (Коми АССР). Наивысшая отметка — 1497 метров. Название представляет собой яркую метафору — главный пик Сабли действительно напоминает острый клинок, взметнувшийся к небесам.

САКМАРА, правый приток Урала в Башкирской АССР и Оренбургской области (современное башкирское Хакмар, в «Книге Большому Чертежу» Сакмар).

Название, о котором написано уже много, но все не очень удачно. Так, Г. Вильданов в статье «Несколько слов о происхождении названий рек в прежней Башкирии» утверждает, что Сакмар — от башкирского *сак* (*хак*) — «осторожно» и *бар* — «иди», что в целом означает «река, куда следует ехать осторожно» (потому что некогда по Сакмаре проходила южная граница Башкирии).

Лучше сравнение с русским *сакма* — «колея», «тропа», «след» (сравните еще «шлях»), которое считается заимствованием из тюркских языков (казахское *сокла* из *сокма* — «дорога», «тропинка», джагатайское *сокмак* — «дорога», «тропа»). Но, во-первых, остается необъясненным элемент *ара* или *ра* и, во-вторых, эта этимология наталкивается на непреодолимые звуковые трудности: по-татарски «тропа», «тропинка», «дорожка» *сукмак*, а по-башкирски *хукмак* (сравните Сакмар и Хакмар).

Были еще попытки призвать на помощь венгерский и другие финно-угорские языки, но и они не более удачны.

САЛАВАТ, город в Башкирской АССР на левом берегу реки Белой. Образован в 1954 году из поселка нефтяников. Назван в честь башкирского национального героя, сподвижника Емельяна Пугачева, поэта Салавата Юлаева (1752—1800).

САЛДА, две реки в Свердловской области — правый приток Тагила и правый приток Туры. На Салде,

впадающей в Тагил, во второй половине XVIII столетия были построены Верхнесалдинский и Нижнесалдинский металлургические заводы. В 1938 году Верхняя Салда и Нижняя Салда стали городами.

Название можно сравнить с мансийским *салт*, *салта* — «лыко», «мочало», памятуя о значении этого предмета быта в прошлом. Интересно, что северо-восточная граница распространения лыпы проходит именно в этих местах.

САЛЕХАРД, город на правом берегу Оби близ Северного полярного круга и устья реки Полуи, центр Ямало-Ненецкого автономного округа. Здесь в крутой излучине Оби в конце XVI века находился Обдорский Носовой городок, принадлежавший ханты (остякам). Этот городок, по свидетельству Г. Ф. Миллера, остяки называли Пулинг-ават-ваш, а самоеды (ненцы) — Салия-гарден, что в переводе означает одно и то же: «Носовой (мысовой) город» или «Город на носу (мысу)», только у остяков с добавлением слова Пулинг, то есть «Полуи-ский Носовой город».

Коми-зыряне издавна называли земли, прилежащие к устью Оби, Обдор, то есть «Место возле Оби», или «Устье Оби» (*дор* — «место возле чего-либо», а также «устье»). Уже в одной из грамот начала XVI века великий князь Василий Иванович именует князем Кондинским и Обдорским. Поэтому неудивительно, что остяцкий Носовой городок часто назывался Обдорским Носовым городком.

Русские, осваивая низовья Оби, в конце XVI века построили на этом стратегически выгодном месте Обдорский острог, который они нередко называли и Носовым городком, так что в ходу была сложная формула — «с Обдора из Носового городка».

После революции и образования Ямало-Ненецкого национального округа Обдорск был переименован в Салехард (в 1933 году), по-ненецки Салия Харад, то есть «Город на мысу». Так возродилось старинное ненецкое название. В 1938 году Салехард стал городом.

САРАКТАШ, рабочий поселок, центр Саракташского района Оренбургской области, расположен на левом берегу реки Сакмары восточнее Оренбурга.

Из тюркских языков: татарское, казахское *сарык*, башкирское *харык* —

«овца» и татаро-башкирское *таш* — «камень», то есть «Овечий камень». Возможна и другая этимология: древнетюркское *сарыг таш*, то есть «Желтый камень». Любопытно, что несколько выше по течению Сакмары находится село Желтое.

САРАНА, левый приток Уфы на юго-западе Свердловской области. Здесь в XVIII веке были основаны Нижне- и Верхнесаранинский железоделательные заводы. Сейчас в устье реки рабочий поселок Сарана, близ которого на железной дороге Свердловск — Москва находится станция Саранинский Завод.

В книге «Свердловская область» (материалы к историко-географическому словарю) утверждается, что название Сарана — из башкирского языка и в дословном переводе означает «туман». Это — явное недоразумение, так как по-башкирски и по-татарски «туман» — *томан*. Кроме того, такие названия, уместные где-нибудь на берегу моря, нетипичны для уральской топонимии.

Однако поиски действительно нужно производить прежде всего в тюркских языках. Здесь обращают на себя внимание такие слова, как татарское *саран*, башкирское *харан* — «скупой» и татарское *сарана* — «дикая лилия», «саранка». Сложность в том, что в некоторых документах XVII века речка Сарана названа Сарганой.

В Горнозаводском районе Пермской области есть речки Большая и Малая Саранка (правые притоки Койвы) и рабочий поселок Сараны. Эти названия сопоставляют с мансийским *саран* — «зырянин» (В. В. Киреев). Но еще дальше к северу уже в Свердловской области близ горы Качканар мы находим гору Саранную, название которой никак нельзя сопоставлять с *саран* — «зырянин», так как в этом случае была бы гора Саранская, зато можно сравнить с *сарана* — «дикая лилия».

САРАНПАУЛЬ, село на реке Ляпин в Березовском районе Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области. В переводе с мансийского означает — «Зырянское поселение».

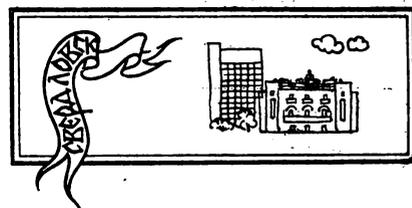
САРЫКУЛЬ (Большой и Малый), два озера в Челябинской области близ города Еманжельнска. Татаро-башкирский топоним *сары* — «желтый»,

кюл — «озеро», то есть «Желтое озеро».

САТКА, город в Челябинской области. Расположен у слияния Большой и Малой Сатки, из которых образуется река Сатка, приток Ая. Металлургический завод возник здесь в середине XVIII столетия. В 1937 году Сатка стала городом.

Интересная этимология принадлежит М. В. Лабзиной из Магнитогорска: гидроним Сатка — из башкирского *сат* — «перекресток», «развилка» (сравните еще татарское *чат* — перекресток). А город действительно находится у «развилки» — слияния двух истоков Сатки.

Суффикс *ка* надо рассматривать как русское добавление. Правда, П. Паллас упоминает о горе Саткатау («Гора Сатка») и реке Улу-Сатка («Большая Сатка»), но, возможно, эти формы — результат русско-башкирского двуязычия.

СВЕРДЛОВСК, город на восточном склоне Уральского хребта, в верховьях реки Исеть, центр Свердловской области.

В 1721 году в стратегически важном и очень удобном месте, там, где Уральские горы низки, а верховья рек Исети, Чусовой и Пышмы близко подходят друг к другу, началось строительство нового города, будущего центра горнодобывающей и металлургической промышленности — Екатеринбурга. Так он был назван в честь жены Петра I Екатерины, родом немки.

Для Петра I образцом была Западная Европа, в то время более передовая. Поэтому вновь созданные города тоже получают иностранные имена, чаще всего с немецким словом *бург* — «крепость» или «город-крепость».

Так и появился в самом центре российской земли, на границе Европы и Азии, город с чисто немецким названием. Датой его рождения считают 24 ноября 1723 года, когда был торжественно открыт Екатеринбургский завод.

В 1923 году, уже после Великой Октябрьской социалистической революции город праздновал двухсотлетие со дня своего основания. И во весь голос прозвучало требование: сменить старорежимное название, дать городу новое имя, достойное его славной истории. По предложению трудящихся в 1924 году Екатеринбург был переименован в Свердловск, в честь пламенного революционера, первого пред-

седателя ВЦИК Якова Михайловича Свердловского (1885—1919), который в 1905—1906 и 1917 годах возглавлял большевистскую организацию в Екатеринбурге и много сделал для развития революционного движения на Урале.

СЕВЕРОУРАЛЬСК, город на севере Свердловской области, расположенный на берегах реки Вагран.

Первоначальное поселение возникло в 1757—1764 годах, когда верхотурский купец Максим Походяшин построил здесь чугунолитейный и железоделательный Петропавловский завод.

Бурное промышленное развитие этого района началось с открытия в начале тридцатых годов текущего столетия первого месторождения бокситов — знаменитой «Красной шапочки». Североуральские бокситовые рудники стали важнейшим поставщиком сырья для алюминиевой промышленности нашей страны.

В 1944 году на базе рабочего поселка Петропавловского и поселка Североуральских бокситовых рудников возник новый город Североуральск.

СЕВЕРСКИЙ, поселок, в настоящее время считается частью города Полевского Свердловской области. Северский металлургический завод был построен в 1735—1739 годах на речке Северной (Северке, Северушке), или Северной Полевой (бассейн Чусовой), по которой и получил свое имя.

СЕРЕБРЯНКА, правый приток Чусовой в Свердловской и Пермской областях. Эта бурная горная река знаменита тем, что в конце 1581 года по ней поднимался вверх по течению Ермак со своей дружиной и на одном из притоков Серебрянки остался зимовать.

Г. Ф. Миллер в «Истории Сибири» пишет, что Серебрянка получила название от серебристой прозрачности ее воды.

СЕРОВ, город на севере Свердловской области. До 1939 года — Надеждинск. Поселок на месте будущего города возник в 1894 году, когда началась постройка металлургического завода, который должен был поставлять рельсы для строительства Транссибирской магистрали. Завод был назван Надеждинским по имени его владелицы Надежды Половцевой.

В 1926 году рабочий поселок Надеждинск стал городом, а в 1939 году ему было присвоено имя выдающегося летчика, Героя Советского Союза, комбрига А. К. Серова (1910—1939), уроженца Северного Урала и бывшего сталевара Надеждинского завода.

СИБАЙ, город на юго-востоке Башкирской АССР, крупный центр цветной металлургии (Башкирский медно-серный комбинат). Месторождения бурых железняков и медных руд были открыты около деревень Старосибайево и Новосибайево еще в начале XX века, а в 1939 году советские геологи обнаружили богатейшее Новосибайское медно-колчеданное месторождение. В 1944 году Сибайский медеплавильный завод дал первую медь, а в 1955 году рабочий поселок Сибай стал городом.

Названия деревень Старосибайево и Новосибайево, по которым получил свое имя город, восходят к древнему башкирскому личному имени Сибай.

В «Чертежной книге Сибири» Семена Ремезова (1701 год) отмечена речка Сибаявка, впадающая в Туру ниже «Града Еланчина» (современного Туринска), где татарские географические названия встречаются очень часто. Так что личное имя Сибай, очевидно, было и у татар.

СИВА, название двух рек — правого притока Камы в Пермской области и Удмуртской АССР и правого притока Обвы, на котором находится большое село Сива (Верещагинский район Пермской области).

Из коми-пермяцкого языка: *си* — «волос», *ва* — «вода». (Сравните ВОЛОСНИЦА).

СОЛИКАМСК, город в Пермской области недалеко от левого берега Камы на реке Усолке. Как пишет путешественник XVIII века И. И. Лепехин, «соляные ключи были причиной сей селитьбы». В 1430 году братья Калининковы завели солеварение на реке Усолке. Так возникло поселение Соль Камская (первоначально также Усолье Камское), которое стало центром русского солеварения в Прикамье. Название было дано в отличие от старого центра добычи соли на Вычегде — Соли Вычегодской (теперь город Сольвычегодск).

В 1613 году Соликамск стал местом пребывания воеводы, в 1781 году — уездным городом.

СОСЬВА, название двух больших рек — Северной Сосьвы, левого притока Оби в Тюменской области, и Южной Сосьвы (обычно просто Сосьвы), правой составляющей Тавды в Свердловской области. По рекам получили свои имена поселок Сосьва (бывшая Сосьвинская Кульбаза) в Березовском районе Тюменской области, рабочий поселок Сосьва и поселок при железнодорожной станции Новая Сосьва в Серовском районе, а также поселок Сосьва близ города Североуральск в Свердловской области.

Оба эти названия вплоть до начала XX века писались без мягкого знака — Сосва. Поскольку окончание *ва* — «вода» указывает на коми-пермяцкое происхождение гидронимов, основу *сос* уже давно объяснили из коми языка, где слово *сос* означает «рукав», то есть Сосьва (Сосва) — «Рукавная вода» или «Рукав-вода». Достаточно вспомнить русское выражение «рукав реки», чтобы допустить возможность такого переноса значения и в коми языке.

Очень важно, что обе эти реки одинаково называются и в мансийском языке: Тагт — Северная Сосьва, Ось Тагт (из Осьсы Тагт) — Сосьва (дословно «Узкая Сосьва» или «Узкий Тагт»). Манси не переводят название Тагт на русский язык, но предполагается предположение, что перед нами архаическая форма мансийского слова со значением «рукав», которое звучит *тайт*. Это кажется правдоподобным, так как в мансийском языке *г* произносится как слабый шелевой звук и чередуется с *й*.

Очевидно, коми перевели мансийское название на свой язык, добавив традиционное *ва*, а затем передали это название русским. Впрочем, может быть, и *ва* не добавка, а перевод, так как манси иногда говорят не Тагт, а Тагтя, то есть «Река Тагт».

И в заключение: если мансийские слова *тагт* и *тайт* не связаны друг с другом, то это означает, что коми перевели непонятное мансийское (а может быть и домансийское) Тагт при помощи созвучного и подходящего по смыслу мансийского слова *тайт* — «рукав», то есть перед нами любопытный случай народной этимологии.

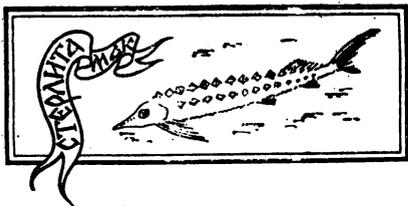
СРЕДНЕУРАЛЬСК, город на восточном берегу Исетского озера, северо-западнее Свердловска. В 1932 году в связи со строительством Среднеуральской ГРЭС (СУГРЭС) здесь возник поселок энергетиков. ГРЭС вступила в строй в 1936 году. А в 1966 году рабочий поселок Среднеуральск стал городом.

СТАРИК-КАМЕНЬ, высокая гора (753 метра) на Главном Уральском хребте в верховьях реки Тагил (Свердловская область). Название может быть чисто русским по происхождению, так как олицетворение гор и

скал, представление о них как об окаменевших древних людях — стариках и старухах — встречается у многих народов, в том числе и у русских. Поэтому на Урале много таких названий, как гора Старая, Старуха, скалы Старики и так далее.

Но название Старик-Камень может быть и переводом с языка манси, которые некогда жили в этих местах. Среди гор Северного Урала, где и сейчас летом кочуют манси, есть вершины с названиями Ойканёр и Нёр-ойка — «Старик-Камень» или «Старик Урал», а представление о горах, как об окаменевших древних богах, людях и животных, — излюбленная тема мансийской мифологии.

Любопытно, что западные горы Старик-Камень, на левом берегу Чусовой, против устья Межевой Утки возвышается гора Старуха. Конечно, эти названия могут быть и не связаны друг с другом, но вообще такие пары встречаются часто, особенно в мансийской топонимии, например, Ойкасыл — «Гора-Старик», Эквасял — «Гора-Старуха» на хребте Молебный Камень в верховьях Вишеры.

СТЕРЛИТАМАК, город в Башкирской АССР, на левом берегу реки Белой. В 1766 году в устье реки Стерли возникла пристань: сюда на подводах доставлялась илецкая соль, которую сплавляли затем вниз по Каме и Волге. С течением времени поселение около пристани становится центром окружающего района, а в 1781 году Стерлитамак получил статус уездного города.

Название Стерлитамак прозрачно по своей структуре — «Устье Стерли» (башкирское *тамак* — «устье»), точно так же как название села-райцентра Стерлибашево в верховьях Стерли (*баш* — «голова», «верховье»). Но что означает гидроним Стерля? На этот вопрос лингвисты пока не нашли ответа. Объективно же известно только одно: в Татарской АССР есть чрезвычайно близкое к Стерля по звучанию название реки Старли, в верховьях которой, кстати, находится село Старлибаш. Эти названия еще ближе друг к другу, если их привести в местном произношении: башкирское Стырле и татарское Эстырле.

Очень похоже, что слово это все-таки не тюркское. Поэтому не лишена интереса попытка башкирского писателя Юсуфа Гирея объяснить гидроним Стерля в газетной статье «Почему Уфа называется Уфой»: «Стерля скорее всего происходит от «стерля-

ди», эта рыба нарисована на старом гербе города Стерлитамака... Неспорно на гербе красуется стерлядь: в реке водилась эта рыба».

СУКА, горный хребет в Челябинской области к югу от города Бакал (у Палласа — Сукатау). Татарское *сука*, башкирское *хука* — «соха». Метафора. Интересно, что это тюркское слово заимствовано из русского языка, следовательно, название возникло сравнительно поздно.

СУХОЙ ЛОГ, город в Свердловской области в месте пересечения реки Пышмы и железной дороги Каменск-Уральский — Алапаевск. Еще в начале XVII (по другим данным XVIII века) здесь возникло село Сухой Лог, получившее название по одноименному урочищу. В 1847 году на территории села и его окрестностей были обнаружены залежи каменного угля, разработка которых, однако, вскоре прекратилась. После Октябрьской революции Сухой Лог становится крупным промышленным и культурным центром, с 1932 года — рабочим поселком, а с 1943 года — городом.

Название Сухой Лог часто встречается в русских землях, особенно в наименованиях урочищ и населенных пунктов.

СУУНДУК (произносится и Су-юндук), левый приток реки Урал на северо-востоке Оренбургской области. И. И. Лепехин приводит в своих дневниках название одного из истоков Белой — Суиндук.

Топонимы Суиндук и Суиндюк башкирского происхождения: *суиндук* по-башкирски значит «(мы) обрадовались». Это совершенно несвойственный для русской, но обычный для тюркской топонимии способ создания собственных имен.

Возможно, что географическое название образовано от широко распространенного тюркского личного имени. В русских документах, относящихся к истории Башкирии в XVI—XIX веках, часто встречается антропоним Сюондук или Суондук. Этот популярный антропоним отражен и в названиях населенных пунктов Башкирской АССР: там пять деревень Суондюково.

В татарской и казахской антропонимии и топонимии есть такие же названия, например, наименования населенных пунктов — Суондук в Татарской АССР и Суиндик в Казахстане (по мнению Е. Койчубаева, из этнонима).

СЫЛВА, наиболее значительный левый приток Чусовой, протекающий по Пермской и Свердловской областям. Название возникло в одном из древних диалектов коми-пермяцкого языка и означает «Талая вода» (*сыл* — «талый», *ва* — «вода»).

Так же произошло название реки Сылвицы, правого притока Чусовой в Пригородном районе Свердловской области, осложненное старинным русским суффиксом *ица*. Есть еще небольшая речка Сылва в Коми-Пермяцком автономном округе.

Названия населенных пунктов Сылва в Свердловской и Пермской областях вторичны: возникли путем переноса с наименования реки.

СЫСЕРТЬ, правый приток Исети в Свердловской области. В 1733 году на реке Сысерть был построен металлургический завод. В 1946 году Сысерть стала городом.

В записках путешествий Палласа и Фалька довольно часто встречаем вариант Сысерт, тем не менее, Сысерть относится к той же группе названий, что и Бисерть, Кишерть. Компонент *серть* пытаются связать с коми *сьорт* — «речная долина с густым листовым лесом», однако оставшееся *сы* не получает рационального толкования (коми *сьыы* — «бура, сильный ветер» не годится по значению). А. С. Кривошекова-Гантман видит в слове *сы* отражение коми *си* — «волос» в метафорическом употреблении, то есть Сысерть — «Река с узкой (как волос) долиной».

Сравнивают еще с коми *сер* — «приток» (см. ВИШЕРА) и венгерский *эр* — «ручей», но и в этом случае первая часть топонима остается необъясненной.

Краевед А. Черноскутов пытается вывести Сысерть из Су-Сырты, что якобы означает «Вода за гребнем», так как «Сысерть протекает между холмистыми грядами». Это неудачно во всех отношениях.

Очень важны данные, которые содержатся в одной грамоте 1662 года, опубликованной В. Шишонко в «Пермской летописи»: «были де они Уруско с товарищи вверх по Исете реке на речке Сисере, для бобрового промыслу».

Отсюда следует, что первоначально река называлась не Сысерть, а Сисер или Сисера (ср. Бисерть, Бисер и Бисера) и что это название действительно можно сравнивать с пермским (коми и удмуртским) *си* — «волос» (в смысле «Река с волосом», смотрите ВОЛОСНИЦА и СИВА).

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Ироническая экология

**Игорь
ТАРАБУКИН**

*Рисунки
О. Земцова*

**ТАКИЕ
ВОТ ДЕЛА!**

Хорошо на свете жить
Птичке или мошке.
Если мышке хорошо,
Очень плохо кошке!
Если в силе серый волк,
Зайцу — ой как сложно!
Если щуке хорошо,
Карасю тревожно.
Если ж зайцу хорошо,
Бедствуют березы...
А березам хорошо,
Если плохо козам.
Всем на свете хорошо
Только на бумаге...
Если лодырю легко,
Трудно работяге!

ПРО КОМАРА

Мы сидели у костра,
Речь вели про комара.
— До чего живуч, треклятый!
Дымом пуган, жаром бит,
Диметилфталатом сыт...
Хоть бы что! Звенит, и точка!
Потому что плодовит.
— А представь: у комара
Появились доктора,
Свой собес, свои курорты
И свои профессора...
— Хлоп его, а он — в больницу,
Подлечился и здоров!
Никому и не приснится,
Сколько было б комаров.
Триллионы, тучи, тьма...
Весь бы мир сошел с ума!
И как будто утверждая
Нами поднятый вопрос,
Прозвенел комар над ухом
И вцепился прямо в нос.
Хорошо, что докторов
Нет пока у комаров!

ВОЛКОВ И ЗАЯЦ

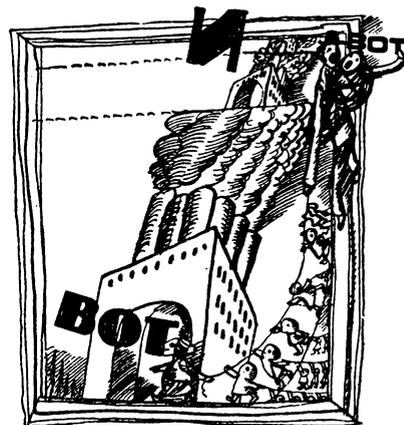
Товарищ Волков держит речь,
Что надо фауну беречь,
Что семьдесят кормушек
Открыто для зверюшек,
Что лучше нет работников,
Чем общество охотников,
И что друзья природы
Хранят леса и воды,

И что в окрестных городах
На счесть умельцев в их рядах,
Что можно более привлечь,
Что все-де впереди...
Товарищ Волков держит речь.
Ну, заяц, погоди!

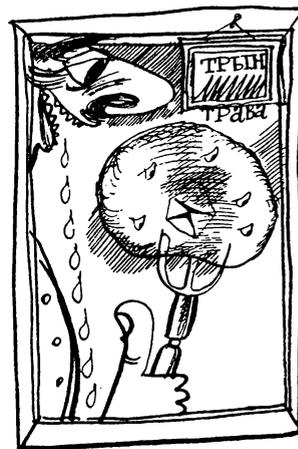
ГОРОДСКАЯ ИДИЛЛИЯ

Дым клубится.
Жизнь идет.
Население растет...
Для снабженья ширпотребом
Срочно выстроен завод.
И на этот на завод
Очень надобен народ!
Посему и в результате
Население растет.
Ну а так как жизнь идет,
Население растет,
Одного завода мало —
Новый строится завод.
И на этот на завод
Тоже надобен народ!
Посему и в результате
Население растет.
Ну а так как каждый год
Население растет,
То и двух заводов мало —
Пятый строится завод!
Пятый строится завод...
Население растет...
Дым клубится...
Жалко, правда,
Пересох водопровод.
Посему какой-то новый
Намечается завод.
И на этот на завод
Очень надобен народ.
Вот!

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРАКТИКА

Что там цветики, листва,
Комары да мошки...
Все на свете трын-трава
Окромя картошки!

Фотограф Антон Валек

Известный подпольщик-большевик Антон Валек был в полиции на заметке еще как Яков Черников и Яков Богданов.

В 1907 году в Надеждинске (ныне г. Серов) Черников работал монтером на рельсопрокатном заводе, в 1912 году в Иркутске был фотографом, затем фотография Богданова открылась в Верхней Туре на Урале...

В 1916 году семья А. Валека переехала в Петроград. В столице было уже не до фотографии: рабочие путиловского завода выбирают Антона Валека своим депутатом в Петроградский Совет.

В 1919 году А. Валек приезжает в захваченный белыми Екатеринбург снова как коммерсант Богданов, подыскивает помещение, чтобы открыть собственную фотографию. Подпольные связи ему наладить удалось, но самого его арестовывают и казнят как Антона Валека.

Подробно политическая деятельность А. Валека описана в книге Р. Валека «Жизнь в борьбе». (Средне-Уральское книжное издательство. 1963 год.)

На снимке: фотограф Антон Валек.

Там, где кончается асфальт

Нет в стране экономического района, куда б Курганский автобусный завод не поставлял основную свою продукцию — небольшие, но достаточно вместительные и комфортабельные, а самое главное — очень надежные на трудных дорогах автобусы «КАВЗ-685». Эти машины успешно эксплуатируются на временных грунтовых трассах между поселками строящейся Байкало-Амурской магистрали, в прикаспийских полупустынях, на нефтепромыслах Тюменщины, в горных районах Средней Азии...

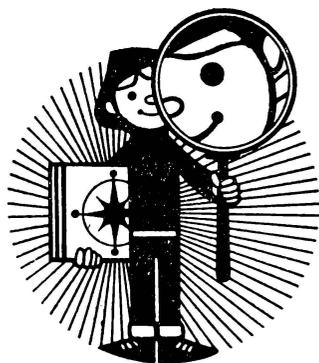
Недавно курганским автобусам присвоен государственный Знак качества.

У «КАВЗ-685» за последнее время появилось несколько «дочерних машин» — «КАВЗ-685 С», «КАВЗ-685 Ю» и «КАВЗ-685 Г». Автобус с приставкой «С» (что значит «северный») приспособлен для работы в районах высоких широт. У него экономичный и морозоустойчивый мотор, хорошо утепленный салон.

Успешно закончились производственные испытания опытных образцов двух других специализированных «КАВЗов», один из которых предназначен для южных районов страны, главным образом, для пустынь и полупустынь Средней Азии, а другой — для работы на горных дорогах.

М И Р

на ладоны

Стена в степи

Вал Перовского, или Киргизский вал, как его еще называли, обследовали следопыты новоорской школы № 3 под руководством учителя истории Григория Ивановича Русова.

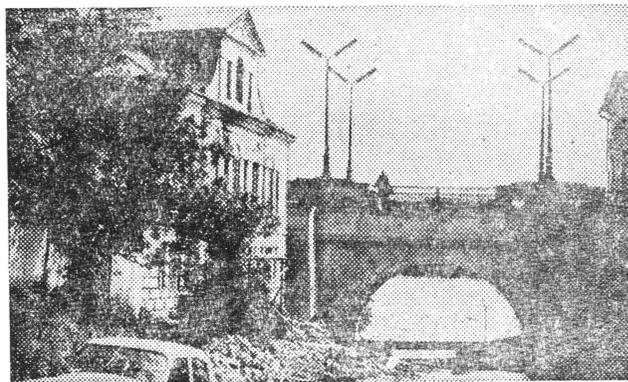
В голой зауральской степи на несколько десятков километров тянется стена — памятник генерал-губернаторскому самодурству. Земляной вал был в два метра высоты, а перед ним — рвы. Предполагалось эту степную китайскую стену протянуть на

400 километров, накрепко отделив русских от казахов, или киргизов, как их тогда называли. Но построен был лишь отрезок у нынешней станции Новоорск.

Следопыты пополнили свой богатый школьный музей гильзами, осколками, оружием, разыскав заплывшие окопы времен гражданской войны.

И свидетельства древней старины отыскивали в этих местах ребята: каменный топор, бронзовое зеркало, осколки глиняных сосудов с орнаментом и много наконечников стрел, изготовленных из горного хрусталя, кремния и яшмы.

Вильям САВЕЛЬЗОН

Дом Болконского

Волжская набережная, 4. Ничем, казалось бы, не примечателен этот особнячок. Однако неизменный интерес к нему станет понятен, если вспомнить: «Получив известие о том, что брат ее находится с Ростовыми в Ярославле, княжна Марья... тотчас же собралась ехать». И далее: «Тяжелая карета, гремя, трясаясь и колыхаясь... остановилась где-то. Загрели откидываемые подножки. Отворились дверцы. Слева была вода — река большая, справа было крыльцо».

Эти строки из романа Льва Николаевича Толстого «Война и мир».

Принято считать, что именно в этом доме на Волге умирал Андрей Болконский, что в этих стенах увидел он страшный сон с затворенной дверью, что по этим комнатам ступала неслышными шагами Наташа Ростова.

В 1812 году, вслед за отходом русских войск из Москвы, Ярославль оказался в прифронтовой зоне. В город потянулись беженцы, обозы с ранеными. Первоначально сюда предполагалось доставить князя Багратиона, раненого при Бородино. Тогда же в городе были созданы два военных госпиталя, один из которых — офицерский — разместился как раз в доме на Волжской набережной.

Сегодня памятный дом реставрируется.

Сергей ПРОСТЯКОВ

Защитить Колхиду

Ученые Института географии имени Вахушти Академии наук Грузинской ССР считают, что через сто лет некоторая часть и без того «мокрой» Колхиды окажется ниже уровня моря на метр и, возможно, того больше...

Что же произойдет в двадцать первом веке — поднимется Черное море или опустится Колхидская низменность? Похоже, и то и другое. Из-за потепления климата ожидается подъем Мирового океана на метр, а значит, и Черное море тоже станет «выше». А что касается берега Западной Грузии, то уже установлено: иные участки прибрежной зоны тектонически опускаются до шести миллиметров в год.

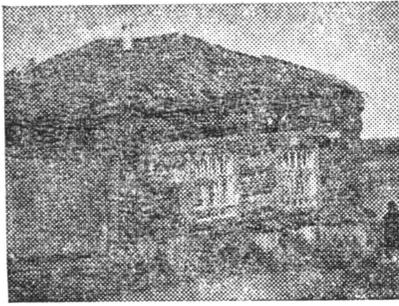
Означает ли это, что приморская кромка Колхиды будет в будущем затоплена? Научные сотрудники института географии ищут способы защиты курортной береговой полосы от разрушения морскими волнами, и в первую очередь там, где находится Пицунда. Специалисты шутят: да, море атакует, но суша тоже сможет контратаковать с помощью, конечно, человека. Ведь в Голландии около девяти миллионов человек (вдвое больше, чем во всей Грузии) живут на землях, опустившихся ниже уровня моря на целых четыре метра. Спокойно живут под защитой надежных дамб.

Музей... уходит в плавание

Интересны экспонаты этого маленького, но необычного музея... Вот подарок известного французского художника Пикассо, гравюра его работы, на которой Юрий Гагарин изображен с голубем мира. А это — телеграфный ключ, на нем учился радиodelу другой герой космоса — Владислав Волков. А здесь

хранятся книги с автографами знаменитых ученых, исследователей космического пространства.

Все эти и другие вещи можно увидеть в корабельном музее, пропагандирующем достижения советской космонавтики. Он находится на борту научно-исследовательского судна «Космонавт Владислав Волков».

Срублена на века

Уральский город Красноуфимск первоначально называли Красной крепостью. Он основан в 1736 году на месте деревни Красный Яр. Для защиты от набегов татар был построен укрепленный городок. А в 1737 году — деревянная крепость. Внутри крепости стоял воеводский дом. А для стрелков, охраняющих крепость, срубили деревянные избы. Одна из них сохранилась до наших дней. На правом берегу Уфы стоит эта древняя изба, срубленная из шести рядов смолистых бревен.

Павел АНУФРИЕВ

Дефекты, как на ладони

Голограмма дает изумительно объемные изображения предметов. С ее помощью, например, можно получить самую совершенную копию какого-либо уникального памятника культуры. Голографический фильм потрясает поразительной реальностью происходящих в нем событий. Однако изобразительная голография может быть не только эффектной, а и эффективной. Она уже воздействует и на искусство, и на технический прогресс, улучшая качество промышленной продукции.

В Ленинграде в физико-техническом институте имени А. Ф. Иоффе Академии наук СССР найдены голографические методы неразрушающего контроля качества изделий. Ученые записывают голограммы, чтобы видеть детали при различных состояниях — в момент вибрации, нагрева или напряжения. На объемных изображениях деталей также хорошо видны мельчайшие дефекты — трещины, микропустоты, расслоения.

Голографические методы контроля внедрены на Кировском заводе, на предприятиях объединения «Невский завод» имени В. И. Ленина.

Маленькие хозяева байкальских островов

Расположенные на севере Байкала Ушканы острова свое название получили от старого сибирского слова ушкан, что значит заяц.

На островах и сейчас обитают зайцы-беляки. Но самая большая здешняя достопримечательность — не зайцы, а муравьи. По плотности населения муравьев Большой Ушканий остров не имеет себе равных в нашей стране. В западной части острова на каждом гектаре насчитывается по восемь-девять муравейников, а на всей территории их не менее семи тысяч!

Самые большие муравейники достигают в высоту 1,7 метра, а в диаметре — более трех метров.

Большой Ушканий остров находится в восьми километрах от материка. Отсутствие зверей и птиц, питающихся муравьями и их яйцами, является главной причиной роста муравьиных колоний.

По маршруту Фогга

В наш век кругосветным путешествием уже никого не удивишь. Однако 50-летний французский журналист Клод Моссе заставил заговорить о себе и о своей кругосветке все английские газеты.

Клод Моссе заключил пари с лондонским «Клубом реформ»: он решил в точности повторить маршрут Филеаса Фогга — героя знаменитого романа Жюль Верна «Вокруг света в 80 дней», причем пользуясь теми же транспортными средствами.

С Британских островов Моссе на пароме перебрался во Францию, поездом доехал до Марселя, затем на пароходе отплыл в Бомбей. Одно из основных условий пари Моссе выполнил в точности: как и герой Жюль Верна, он передвигался на слонах, велорикшах, джонках... Уже в Нью-Йорке пересел на лайнер «Элизабет-2», на котором и завершил путешествие в английском порту Саутгемптон.

Весь путь вокруг света Клод Моссе проделал ровно за 80 дней.

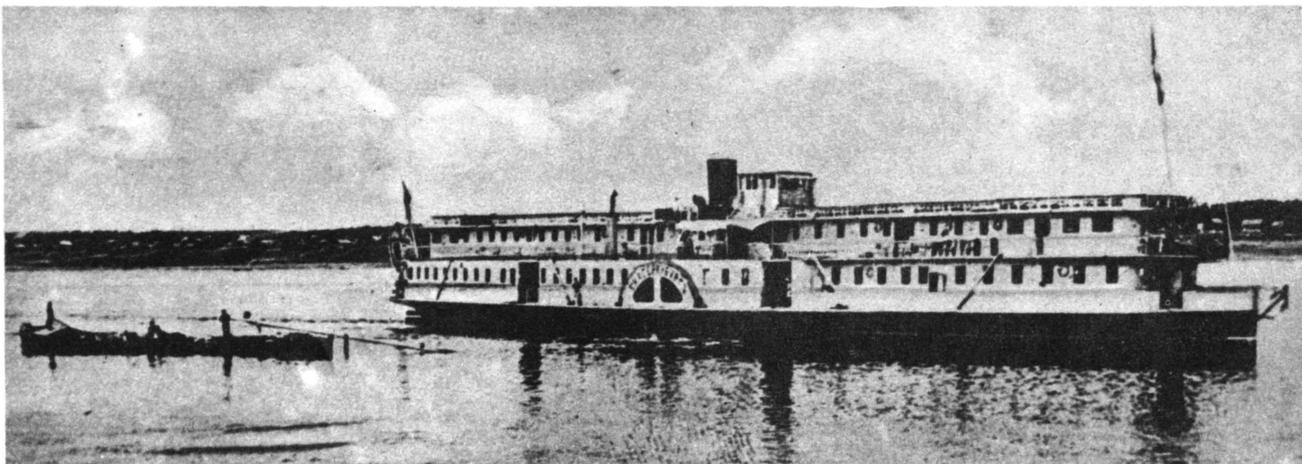
Пятый океан...

нефти

Американские ученые подсчитали, что ежегодно в океаны стекает 6,1 миллиона тонн нефти. Треть ее «поставляют» танкеры — в результате аварий, при обычной утечке. Значит, в каждый час около 300 тонн, больше центнера ежесекундно попадает нефти в океан!

Если ничего не изменится, предсказывает океанолог Жак Пикар, через 30 лет жизнь в морях прекратится.

СВЕРДЛОВСКАЯ ФЛОТИЛИЯ

Еще до революции плавал по Каме и Волге пассажирский пароход «Екатеринбург». Он был построен в 1896 году и принадлежал пароходной компании «И. Любимов и К^о». В 1919 году отступавшие колчаковцы пытались увести его, а когда это не удалось, затопили в устье Чусовой.

Ныне на Черном море приписан к Новороссийскому порту танкер «Свердловск». Его изготовили на Адмиралтейском заводе в Ленинграде из собранного пионерами металла и спустили на воду в 1954 году.

В Мурманском траловом флоте числится большой морозильный рыболовный траулер «Свердловск». Он построен на верфи Ховальдс-верке в ФРГ, в 1956 году.

В 1957 году со стапелей Красноярского судостроительного завода спущен в воды Енисея теплоход «Свердловск».

Самый молодой из судов «свердловской флотилии» — линейный буксир-толкач «Свердловск». Он построен в 1967 году на судовой верфи «Оруда» в Будапеште. Буксир водит караваны судов от низовьев Дуная до его верховьев — на 2130 километров, проходя воды семи государств.

На снимках: пароход «Екатеринбург»; буксир «Свердловск» на Дунае.

КАСЛИНСКОЕ ЛИТЬЕ.
Василий ТОРОКИН. Пряха.

Фото А. Нагибина

В разных странах на письменных столах и музейных полках сидит себе чугунная бабушка, сухонькими пальцами нитку подкручивает, а сама маленько на улыбке, вот-вот ласковое слово скажет...

П. БАЖОВ «Чугунная бабушка».